

Оредеж

26.89
0-65

Краеведческий фонд

75-летию
Ленинградской области
и Гатчинского района
посвящается.

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах

Выпуск 1

2002. 26

039649-1 №5
Гатчинская
центральная
библиотека
Ленинградской области

Санкт-Петербург
ООО «Лига Плюс»
2002

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Я очень рад, что в твоих руках альманах, на страницах которого рассказывается об истории и сегодняшних днях Гатчинского района, его замечательных людях – тружениках сельскохозяйственных и промышленных предприятий, врачах, учителях, работниках культуры, поэтах, художниках, музыкантах, о тех, кто хранит этот край и приумножает его богатства.

Я искренне надеюсь, что под шорох страниц у вас рождаются уважение к нашим именитым предкам и добрые пожелания живущим сегодня на этой Земле.

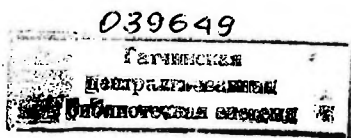
Спасибо!

Мы – гатчинцы – желаем вам счастья!

Пусть успехом увенчаются ваши славные дела и творческие начинания! Пусть наша общая любовь к Родине способствует процветанию!

Глава администрации
МО «Гатчинский район»
А. Худилайнен

Альманах печатается при финансовой поддержке
главы администрации МО «Гатчинский район»
Александра Петровича Худилайнена.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ	5
Д. Рябов. У истоков Оредежа	5
М. Смородина. Судьба «московской бабушки» поэта (1745–1818)	25
Л. Сони́на. Из истории поселка Белогорка	31
А. Сёмочкин. Тайна четырех крестов	33
А. Бурлаков. Топонимика суйдинской земли, или кто придумал эти названия	37
Коллектив сотрудников музея В.В. Набокова. Реалии усадебного быта родовых гнезд В.В. Набокова	65
Описание портрета Василия Ивановича Рукавишника	74
Г. Защук. Храм в честь иконы Казанской Божией Матери в поселке Вырица	75
II. ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ГАТЧИНСКОГО КРАЯ	85
А. Бурлаков. Купцы Чижины. История продолжается	85
А. Мясников. Десять писем из Сиверской Аполлона Майкова	99
Л. Сони́на. Школа Аполлона Майкова	115
Л. Сидоровский. «Музыкант, соорудивший из души моей костер...»	117
Н. Носова-Рассади́на. О.А. Лагода-Шишкина (1850–1881)	123
С. Колобовникова. Он жил рядом с нами... ..	125
III. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	133
Уголок прозы	133
А. Фаловский. Бельведер набоковского дома	133
А. Розенблат. Мастер своего дела	135
Н. Терентьева. Ломтик хлеба	136
Н. Гончаров. Радость жизни	137
Р. Рахимов. Дорога	141
Б. Гажёв. Счастливчик доктор Зайцев	143
Е. Шапова. В ожидании чуда	147
Уголок поэзии	153
О. Андрейченко. Партенит	153
Т. Баутина. «Не смотри с тоскою ты осени вослед...»	154
«Вот соберется старая компания...»	154
Б. Гажёв. Любителям писать стихи	155
Е. Григорьева. «Так сложилось: в расчет не берется...»	156
С. Дедов. Раскаянье	156
Д. Журавлева. Желанный строй	156
Е. Заливако. «Прошла обида, боль ушла...»	157
«Не бывает любви безответной...»	157
О. Завьялова. Вербуши	158
«Докажи ты мне истину, милый...»	158
А. Иванов. Юбилей учителя	159
Уходить, приходя	159
В. Иванов. Рана и пластырь	160
А. Кошмелюк. Северные напевы	161
«От тебя отрекаюсь. Ты отныне ничей...»	161
В. Коновалов. Студентка	162
Любовь	162
А. Кражев. Русь	163
А. Кузнецов. Бугринская роща осенью	164
Лесной букет я принесу	164
В. Кузнецов. Осенний лес	165
М. Лейкин. Александр Сергеевич Пушкин, прикажите подать лошадей... ..	166

З. Ли. Жара в Петербурге	168
Ручеек бытия	168
Солнцепоклонница	168
В. Логинов. «На прохожего летела мокрая листва...»	170
«Споры, споры, разговоры, уплывающие в море...»	170
«Я думаю о звездах...»	170
«Люди коротышки...»	171
К. Никифоров. «Я тоскую по запаху соли...»	172
Россия	172
С. Ополченный. «Вы умными считаете себя...»	173
О себе	173
Притча	173
И. Парамонова. Кленовый листок	174
Л. Прохор. Разговор с кукушкой из часов	175
Женщина	175
Я. Ржавский. «Там, где души слышны, где рождаются сны...»	176
Н. Савченко. Авиация	177
Н. Смертин. Весенние строчки	178
Л. Сойту. Музыка станет судьбой. (Школьный вальс)	179
Н. Терентьев. Колокол	180
О России с любовью и болью	180
В. Толчина. Письма с фронта	182
Свобода	182
Г. Хохлова. «Не родился Пушкин в Суйде...»	183
Т. Шестакова. «На фоне освещенного окна...»	184
Осенний мотив	184
В. Штормовой. Люди и звезды	185
IV. МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН	186
V. ХУДОЖНИКИ НА БЕРЕГАХ ОРЕДЕЖА	195
Р. Ганцев. Вырицкий узор	195
З. Скорнякова. Таицкая акварель	197
О. Луговина. Певец сиверской земли	198
Мастера земли гатчинской	200
С. Спиридонова. Оредеж, чем ты так манишь к себе?..	201
З. Скорнякова. Пейзажи Белогорки кисти Елены Львовой	202
«Сейте разумное, доброе, вечное...»	203
Г. Хохлова. За картинами – личность художника	205
VI. СПРАВОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ	207
В. Николаев. Родная сторона	207
Сведения об авторах	217

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Дмитрий РЯБОВ

У ИСТОКОВ ОРЕДЕЖА

Пора русскому образованному человеку уз-
нать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим
без новых впечатлений, заинтересоваться высо-
ким и значительным, которому они не сумели
еще отвести должное место, что заменит серые
будни веселюю, красивую жизнью...

Н.К. Рерих

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Выра, Рождествено, Батово, Даймище...

Красивые места. Старинные... Не одно тысячелетие, должно быть, несет свои
холодные быстрые струи река Оредеж – то ласковая, задумчивая, как лесное
озерцо, то вдруг закипающая сердитой пеной на гранитных перекатах. Многие
века, верно, окаймляют бронзовые корабельные боры и березовые рощи камени-
стые на взгорьях и болотистые в низинах обширные поля. Лежат по обочинам
дорог, по лесным опушкам да пригоркам одетые мхом седые валуны напоми-
нием о прошедшем здесь в незапамятные времена сокрушительном леднике.
А вслед за отступающим ледником пришли сюда люди. По рекам и озерам –
проводникам по дикой и полной опасностей стране – в поисках новых угодий
поднимались все дальше и дальше на север безымянные племена каменного века,
оставившие следы своих стоянок на Луге, обронившие топор из лосиного рога на
берегу Суйды, кремневые наконечники стрел близ Красного Села...

В то время как степи Великой Русской равнины были полны движения
и жизни, ее север, покрытый дремучими лесами, болотами и редко населенный
племенами охотников и рыболовов, многие века пребывал в «сумерках истории».
Лишь в X веке Ижорского плато¹, где обитало прибалтийско-финское племя воль,
достигают первые славянские колонисты: в 947 году княгиня Ольга, по образно-
му выражению М.В. Ломоносова, «по Мсте и Луге, где беспорядочные чудские
жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила слав-
янских переведенцев, построив погосты». Земледельцы и воины, повгородские
словене и псковские кривичи расчистили здесь лес, распахали поля, срубили де-
ревни, проложили дороги. Плодородные земли Ижорского плато, откуда стекают
прозрачные воды Оредежа, были плотно заселены и освоены лишь в первые века
русской истории.

Чем же жило население древних административно-территориальных обра-
зований «великой республики средневековья» – погостов² Новгородской Руси?

¹ Ижорское плато – возвышенность между Кингисеппом и Гатчиной; одна из
крупных географических, историко-культурных и археологических зон Ленинградской
области.

² Погост – первоначально торговое место (др.-русс. гость – «купец, торговец»), за-
тем место сбора податей; там же строилась церковь, появлялось кладбище, возникало
селение. Кроме того, погост, по В. Далю, «несколько деревень под общим управлением
и одного прихода».

Еще в конце XIX столетия врач и археолог Л.К. Ивановский раскопал несколько древних могильников у Выры, Рождествена и других приоредежских сел и деревень. Век спустя вновь застучали топоры археологов – на этот раз в даймищенских Сопках. Нет, не золотое седло, не золотую саблю шведского короля, по местной легенде, хранящиеся в недрах оредежской земли, они искали. Ученые взяли в руки лопаты для того, чтобы заглянуть в глубь веков, чтобы летописные документы истории края пополнить вещественными доказательствами.

Курганные могильники, что есть едва ли не у каждой здешней деревни, оказались полужызыческими кладбищами XI – начала XV веков, принадлежавшими одной либо нескольким сельским общинам: уж и кресты были на шеях, а все клали умерших по курганам с чудскими арбуями¹...

Летят комья земли. Мужские костяки чередуются с женскими; вместо топоров и ножей являются серпы и глиняные горшки, многочисленные и разнообразные украшения. Полное трупосожжение уступает место погребению в сидячем положении. Высокие курганы заменяются жальничными клетками. Древнерусские украшения соседствуют с водским инвентарем – тесно переплелись история и культура славян и прибалтийских финнов. Да и название Оредеж, по сообщению гатчинского краеведа А.Н. Лбовского, водского корня² и в переводе означает «голово коня». И, хотя современные ученые-топонимисты обходят этот «крепкий орешек» стороной, культ коня был распространен и у славян, и у финнов, и у балтов, а в местных курганах не раз встречались коньковые украшения-привески.

Находки земледельческих орудий – серпов и кос – яркое свидетельство развитого земледелия, которое вместе со скотоводством было основой хозяйства оредежского крестьянина и в следующие века. Встречаемые изредка западноевропейские и восточные монеты могут рассказать о торговых связях древних новгородцев: ведь не за горами проходил великий водный путь «из варяг в греки». Ну, а боевые топоры (в могильнике у Даймища их находили в более высоких курганах, быть может, топоры, которые были и основным орудием подсеки, клали в могилы глав семей – патриархов, ведь вооружен был в загробной жизни далеко не каждый!), пики, мечи и копья напоминают нам о грозных новгородских ополчениях, пеших «воях» Верхней Руси: «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

Очень образную картину погребального обряда с исторической точностью нарисовал наш земляк, известный философ, живописец и археолог Н.К. Рерих³, упоминавший даймищенские курганы еще в прошлом веке:

«...Словно бы синей становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливаетсяверху жаворонок. Привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями, со зверьем – с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводья и мочажины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долбленные челны⁴. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле мадчат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со старанием обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей.

¹ Жрецами, колдунами.

² При допущении индоевропейского происхождения названия его следует толковать от праслав. *red – «ржавый, красный» (по цвету берегов, сложенных железистыми песками и песчаниками).

³ В детские годы Н.К. Рерих проводил летнее время в имении отца Изварс в 25 км от Рождествена; впоследствии занимался раскопками на Ижорском плато.

⁴ От долбленных челнов – батов – гатчинский краевед П. Новопольский пытался произвести название Батова. Более вероятно происхождение этого топонима от древнерусского имени (прозвища) Бат; в ряде источников батами названа вода.

У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту упирающие хитрым узором кольчужным... На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршей. Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство – гребешок, оселок, огниво и ножик. Но не простой – завозной работы; ручка медная, литая... А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей¹. На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит...

Женщины жалостно воют. Почтить умершего – разodelись они; много чего на себя понавешали. На головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, – таким обручем и уши прорвешь... На ожерельях бус хоть и немного числом, по сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов... Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек; вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Капуа Великого, епископа Бруно... На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие с затейливым узором... Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой...

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено... Посредине его посажен покойник; голова бессильно ушла в плечи, руки сложены на ноги...

Загудела протяжная, тоскливая поминальная песня... В былых ногах и головах ушедшего к предкам, ставшего чуром блаженным, кладутся особо большие дикие камни, и приходятся они всегда на восход и закат, ибо лицо умершего всегда обращалось в священную сторону, откуда весело кажется миру вечный могучий ярило – красное солнышко, от него идут блага тепла, а с ним плодородия.

Быстро растет возвышение; насыпь сыплот не из разной, какой попало, земли, с кореньями, с сорными травами, а из чистого песка или плотного суглинка... Сложили насыпь, аршина в два вышиной. Довольно. Пеплом еще засыпали, припесли его с собой из дому; от родного очага не отлучился бы чур-домовой. Сверху еще землей забросали, выровняли правильный конус, поправили валуны в основании, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругом, разок посмотрели. Готово!

...Блестит заходящий месяц на рукояти меча, сверкает на бусах и гривнах; мутными пятнами рисуются белые рубахи уходящих домой поминальщиков. Не умрет добрая слава покойного! Где же ей помереть? Велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна... Реют, неслышно спускаются на остатки еды, на козлиные кости вещие вороны, и они справят тризну...»

Удивительно зримое описание. А вот еще одна зарисовка Рериха из тогдашней жизни:

«Видели вороны и дубы старинные, развесистые; собираются под ними окрепшие люди вершить мирские дела; собираются и в праздники: сидят старики на могучих корнях. Молодежь ведет хороводы... Под Ивана Купалу ярко горит здесь купальский огонь, прыгают через него парами; освящает огонь эти пары на вечный союз...

Еще известны предания о провалившихся церквах, о землянках разбойников... Как видно, и прозаическая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасных памятниках екатерининского и александровского времени...»

Да, действительно, и название Даймище можно попробовать истолковать из водского *tammi* – «дуб», и легенда о провалившейся Никольской церкви, известной по писцовым книгам, знакома рождественским старожилам, – этаким местный вариант «града Китежа», а в окрестностях Сиверской еще не заросла

¹ Скандинавского типа. Примечание Н.К. Рериха.

«разбойничья тропа», которую называют еще «Иоанновой». Теперь уж не вспомнить, какому Ивану – III Великому или IV Грозному – обязана она своим именем. А потому самое время нам продолжить путешествие по средним векам.

* * *

...Год 1478-й. Замолк новгородский вечевого колокол. Князь сделался воеводой Иоанна, поместья новгородских вотчинников взяты в казну, либо розданы московским боярам...

Основным источником для изучения аграрной истории края «эпохи московского царства» (конец XV–XVI вв.) служат писцовые книги – результат переписей присоединенных Иваном III к Москве новгородских владений. Единственным городом на Ижорской возвышенности длительное время оставался Копорье – военно-административный центр Водской земли и Копорского присуда или уезда, вокруг которого объединялись погосты. В писцовых книгах можно отыскать сведения о нескольких десятках поселений Зарецкого, Грезневского, Суйдовского и Орлинского погостов, существовавших в то время по Верхнему Оредежу: «В Грезневском же погосте Великого Князя, – читаем в переписной оброчной книге 1499–1500 гг. Д.В. Китаева и Н. Моклокова, – волости и села и деревни за детьми за боярскими в поместье...»

Никольско-Грезневский погост располагался на берегу речки Грязной; церковь «Великий Никола» стояла в конце старого рождественского парка там, где из скал красного песчаника струятся студёные воды целебных родников. А в составе погоста, что раскинулся от Лидов до Вырицы, от Поддубья до Ящеры, упоминаются деревни Грезно на речке того же неприхотливого названия – нынешнее, в асфальте и зеленых садах, Рождествено, деревни Батово, Дамиша, Выра, Замостье, Поддубье, Леда, многие другие, которых давно уж нет на карте и «днем рождения» которых, по принятому у историков правилу – первому известному упоминанию имени – можно считать год 1499-й.

Много интересного могут рассказать о жизни и быте наших предков писцовые книги. Видно из книг тех, что сельское население жило в многочисленных деревушках из одного-двух дворов; очень мало было крупных селений – короче, натуральное хозяйство... Земля отдавалась владельцами, среди которых встречали московских служилых людей – бояр и детей боярских, ямщиков, Чашинский монастырь, лично великого князя Ивана, вольным арендаторам – крестьянам, которые за право пользования ею обязывались различными платежами, а сверх того платили помещику и «ключничью пошлину» – за то, что он ими управляет.

Чем же богат был тогдашний грезенский крестьянин, чем мог отплатить он боярину, монаху, великому князю за кормилицу-землю? На первом месте здесь стоят по-прежнему продукты земледелия и животноводства: «коврига», «окорок мяса, ставец масла». Помимо хлебных злаков выращивался лен для выделки тканей, очень часто хмель, изредка – конопля. Затем следуют продукты охоты («4 белки, заяц, 2 тетерева») и рыболовства («кол¹ на Оредежи, а ловят рыбу белую с весны до Петрова дни, да и лосося»); наконец, находим в составе дохода деньги – свидетельство развития торговли и ремесел. Феодальная рента отнимала пятую часть производимого крестьянином продукта – она не разоряла его, но два неурожая подряд обрекали крестьянина на голод...

Собственную запашку феодала обрабатывали преимущественно холопы, положение которых, в отличие от часто менявших хозяев крестьян, мало чем отличалось от положения крепостных. Последние нередко давали на себя «служилую кабалу», по которой должник обязан был отработывать «по вся дни»

¹ Закол (хвойник) – изгородь, которой перегораживалась река для ловли поднимающейся на нерест рыбы; в пролетах заколов ставились мережи.

проценты долга своим трудом. «Кабала на Мосейка на Опаньина сына да на его мать Соломанидку Офонасьеву дочь да на его жену Марьицу Кондратьеву дочь да на его сестр на Татьяну да на Онтонидку в пятнадцать рублех, – читаем запись 1573 года. – Денги занял у Богдана да у Вондрея у Коситцких. Послуси в кабале и у кабалы руки Грязенского погоста дьячка Васки Александрова... лета 7081».

Этот документ относится уже ко времени Ивана Грозного, а о нем разговор особый...

ЛИХОЛЕТЬЕ

В истории народа, как и в жизни человеческой: то густо, а то пусто... Расцвет начала XVI века сменяется упадком и вторую половину XVI – начало XVII веков можно по праву назвать «темным веком» российской истории. Ливонская война и опричина, голод, мор и смута, – ни одно из бедствий не миновало и ордежской земли.

В 1533 г. на великокняжеский престол вступает трехлетний Иван, известный в истории под именем Грозного. «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок», – эти слова библейского мудреца оказались пророческими. Правительство Ивана Грозного не только ввело неслыханные по тяжести налоги, но и взыскивало их с невиданной жестокостью. Сильный голод и эпидемия чумы привели к катастрофическому обезлюдению края¹. А после опричного разгрома обвиненного в измене Новгорода зимой 1570 г. по землям ордежских погостов пронесся в Нарву отряд из 500 всадников и «многое было брошено в воду, а многое сожжено». По свидетельству очевидцев, край был разорен так, что «ничего не осталось».

Испокон веку русский крестьянин мог в последние дни осени покинуть своего землевладельца и по первому санному пути отправиться в поисках лучшей доли на новые земли. Светом в окошке был для земледельца осенний Юрьев день. В правление Бориса Годунова дворянство добилося запрета на крестьянские переходы и не раз, должно быть, звучало на ордежских берегах горькое «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..»

В 1581 году здешние земли захватили войска знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди, и только к концу десятилетия шведы были изгнаны отсюда. Зимой 1591 г. захватчики вновь пожгли копорские деревни и угнали в плен их жителей. В это время в разоренном неприятелем Грезневском погосте крестьяне обрабатывали лишь одну двадцать пятую часть пашни; словами историка, села и деревни походили на кладбища, среди которых лишь кое-где бродили еще живые люди.

Наконец, первые годы нового XVII века принесли стихийные бедствия. Летом холодные ливни не прекращались ни днем, ни ночью; на следующий год редкие всходы зяблых семян были погублены грянувшими среди весны заморозками. Разразился такой голод, что «тысячи валялись на улицах и в поле, на дорогах, имея во рту сено и солому, чем думали утолить свой голод, и потом умирали...»

«...Доехали до маленького грязного крестьянского двора вроде свиной закуты, по имени Грезна, – записал в дневник путешественник-иностранец в 1602 г. – Дорога была отвратительная. Стояли в поле близ небольшого ручья... Из Грязной в Чашу – бедный нищенский монастырь... Прибыв туда, мы не нашли там ни людей, ни скота, ни пожитков, ни утвари, ни стульев, ни лавок – ничего, кроме двух

¹ Это хорошо видно при сравнении данных писцовых книг; побывавший здесь в 1565 г. итальянец Р. Барберини охарактеризовал пространство между Нарвой и Новгородом как «страну болотную, поросшую еловыми лесами, с фантастическими и несносными, насильно пробитыми дорогами, да кое-где усеянную деревянными избушками, и вообще мало населенную».

отошавших голодных собак и одной несчастной курицы, ибо монахи убежали в лес со всем своим добром»¹.

Да, жутко было в здешних местах на рубеже XVII века: на каждом шагу пепелища, брошенные поселения, одинокие путники, укрывавшиеся в лесах при малейшей опасности. А впереди ждали новые испытания...

* * *

...Многие видели земли погостов, что лежали по Оредежу. Плодородные, мало уступающие черноземам, почвы центра Ижорского плато обеспечивали округу хлебом – недаром этот район считают главной житницей Великого Новгорода. Проходившая через Заречье, Грезно и Орлино Водская дорога связывала Новгород, а после и Москву с Западной Европой – не раз проходили по ней купеческие обозы, пронеслись поезда высоких особ. А если нападали враги, то земля эта защищала, принимая на себя первый удар² – неспроста прибалтийские крепости называли «ключами московитского государства». Ведь с середины XII столетия новгородские владения стали ареной двухвековой борьбы германороманского мира с миром греко-славянским, и форпостом борьбы Верхней Руси за независимость нередко становились копорские погосты.

После нашествия Батыев край казался легкой и лакомой – монголы не дошли до Новгорода и Пскова – добычей. Требовалось лишь пойти и взять то, что угодно было крестоносному воинству – так рассуждали и в соседней Ливонии, и в далекой Дании, так рассуждали и мечтавшие о великой – «от моря до моря» – державе шведские феодалы. «Тои же зимы придоша Немци на Водь с Чудью, и повоеваша, и дань на них взложиша, – читаем в летописи под 1240 годом. – И не то бысть зло, но и Тесов (на Оредеже) взяша, и за 30 верст до Новгорода ганахася, гость (т. е. купцов) биюче... и поимаша по Луге вси кони и скот, и нелзя быше орати (т. е. пахать) по селом и нечимь...»

Римский папа передал захваченные земли в лен эзельскому епископу Генриху: отныне «святому отцу» должна была следовать «десятина десятины» от всех произведений хозяйства местного населения; остальное забирали новые хозяева страны – рыцари Богородицы и меча.

Целый год хозяйничали эти «прохвосты», как называл их К. Маркс, в оредежских погостах, пока новгородское вече не пригласило вернуться на княжение 21-годовалого Александра Ярославича, уже известного под именем Невского. Княжеское войско взяло опорный пункт крестоносцев Копорье, зимой 1242 г. захватчики были выбиты из Пскова, а Ледовое побоище на много лет отбило охоту у немецких завоевателей до новгородского богатства.

А на очереди стояли оправившиеся после Невской битвы шведы. Ведь достаточно было захватить устье Невы, чтобы лишить страну важнейшего торгового пути, отобрать у Новгорода его ганзейские сокровища.

И прошли они с огнем и мечом
По Ижоре и по Водской земле,
И жгли и рубили всех,
Кто им сопротивлялся;
Вернулись к кораблям и отплыли на родину,
А язычники остались и помешивали тлеющие угли...

¹ Это интересное наблюдение принадлежит обер-гофмейстеру брата датского короля герцога Ганса Младшего, ехавшего в Москву свататься к Ксении Годуновой. Аналогичную картину наблюдали в тех местах и голландские послы, бывшие посредниками в заключении мира между Россией и Швецией.

² Так, например, в 1149 г. «придоша Емь (одно из финских племен – Д.Р.) на Водь с ратью не в тысячи; и услышавше иовгородьци любо в 500 с водью, идоша на них, и не упустиша ни мужа».

Так повествует о набегах хроника Эрика. В поход 1300 г. шведы заложили на невском берегу крепость Ландскрону, которая год спустя была сожжена объединенными русскими войсками. Невский путь был вновь открыт для свободного плавания торговых кораблей из заморских стран.

В 1333 г. новгородцы договорились с литовским князем Гедимином и поручили его сыну Наримонту охрану Копорья. А после разгрома войск шведского короля Магнуса Эрикссона в Водской и Ижорской землях в 1349 г. на ордежских берегах наступило двухвековое затишье...

ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОНЫ

«...Никогда Россия не была в столь бедственном положении, как в начале XVII столетия: внешние враги, внутренние раздоры, смуты бояр, а более всего совершенное безначалие – все угрожало неизбежной гибелью земле русской», – эта характеристика Смутного времени принадлежит русскому писателю М.Н. Загоскину. Тяжелым положением страны поспешили воспользоваться ее соседи. В то время когда королевич Владислав Польский и принц Карл Филипп Шведский выступали кандидатами на русский престол, Швеция достигла вершины могущества и влияния на европейские дела. Уже в 1609 г. на переговорах о помощи Василию Шуйскому против Самозванца (города Водской пятины восстали против царя и перешли на сторону Лжедмитрия) Карл IX высказал мысль о захвате Новгорода. Эта давняя мысль шведских правителей была вскоре приведена в исполнение генералом Якобом Делагарди. По Столбовскому договору 1617 г. бывшие «союзники» вернули Новгород Москве, но сохранили за собой все побережье Финского залива – ордежские погосты перешли «свейской короне в вечное освоение»...

Карлу IX не довелось насладиться плодами своего успеха – он прожил лишь три месяца после покорения Новгорода. А его наследник Густав Адольф однажды произнес примечательные слова: «Гордые поляки... одерживали верх только во времена внутренних смут в России, действуя подобно коварным и хитрым лисицам; захватив раздираемую усобицами Россию, они вели себя там как хищные львы!» Новый король не заметил лишь того, что шведы сами терзали Русь, но не как лисы или львы, а как шакалы. Некогда Понтус захватил берега Балтики, воспользовавшись тем, что гарнизоны пограничных крепостей отправились защищать Псков от Батории. Сын Понтуса Якоб прибрал к рукам всю новгородскую землю после того, как войска Речи Посполитой водворились в Москве и заняли Смоленск.

Как бы там ни было, Столбовский «мир невольной» был тяжелым: Россия лишилась выхода в Балтийское море, Ижорская и Водская земли стали шведской провинцией по имени Ингерманландия¹. Русские дворяне, монахи и горожане имели право в течение двух недель переселиться отсюда в Россию, но крестьяне и сельское духовенство обязаны были остаться...

Новая власть мало изменила традиции русского социального и хозяйственного быта: шведские лены соответствовали старым русским уездам и по-прежнему делились на погосты, поземельные подати определялись по «obser» (живуча древняя новгородская обжа! – а в шведском «bobuill» легко можно узнать русского бобыля).

В 1618–1623 гг. шведы провели перепись, судя по которой к этому времени людей в ордежской округе оставалось очень мало. В некогда многолюдном Грязненском погосте проживало теперь лишь полсотни человек, и были у них три лошади да одна корова... Из 32 сел и деревень заселенными остались лишь Грязна², Выра, Дамшца да Новое Сиверско; на месте остальных появились

¹ Ингерманландия – известное с XVI в. шведское название; от финск. Inkerinmaa – «Ижорская земля» + шведск. land – «страна, край».

² Нынешнее Грязно; Грязна на месте Рождествена числилась пустошью.

пустоши. Правда, часть запустевших земель все же обрабатывалась: например, известно, что в Батове жили несколько переселенцев из соседнего Новгородского уезда, которые «сошли за рубеж от голоду после мирного договору»¹, но к началу XVIII века на месте многих оставленных русских полей и деревень уже шумел настоящий лес.

Шведские власти обращали мало внимания на улучшение хозяйства, интересуясь лишь сборами налогов. Население обязано было сдавать в казну десятую четверть хлеба, десятую часть приплода скота и ловимой рыбы, десятый мех продаваемых зверей, десятый пуд собираемого масла и сала, десятую бочку дегтя, наконец, десятую часть получаемого за службу или работу по найму жалованья – от налогов не освобождались ни дворяне, ни крестьяне, ни купцы. Кроме того, в мирное время селянин платил три рубля с хозяйства в год, дворяне и прочие – пятый процент с дохода имений. А во время войны на содержании жителей находились королевские солдаты: пока полк нес поход, король ничего не издерживал на рядовых. «Им от свейских людей чинятся великие тягости и разорения, – читаем в челобитной, – и емлют с них они свеяне великие поборы по три рубли и болши с дыму на год, собрали они свеяне с них многую себе казну; и в правее тех поборов многих крестьян замучили до смерти, и жен овдовили, и детей осиротили, и младенцев голодною смертию поморили...»

Королевским манифестом для колонизации земель в Ингерманландии приглашались не только шведские подданные, но и иностранцы; особенно значительные привилегии получили прибалтийские немцы, которые, будучи не прочь укрыться от религиозных войн под крылом защитника реформации – шведского короля, мало считались с властью последнего и творили, что хотели. На шведской службе остались и некоторые русские дворяне, дети боярские – прием у одного такого онемечившегося «боярина Н. Васильевича» описан у немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария. А сын боярский Федор Аминов (бывший начальник ивангородских стрельцов, уговоривший руководителей обороны сдать шведам Иван-город и Гдов) стал родоначальником одного из самых знатных родов Швеции и самого знатного дворянского рода Финляндии XVIII–XIX веков.

Порубежные «заставы крепкие» не могли удержать оредежских крестьян, бежавших из обжитых мест от непосильных налогов, национального и религиозного гнета. Благо до русской стороны было недалеко – до сих пор в глухом лесу за Дружной Горкой лежит Мама-камень, древний пограничный знак². Через несколько лет после Столбова шведские писцы бродили по пустым деревням – все немногочисленные жители приграничных Грезневского и Орлинского погостов бежали за рубеж: так, известный по шведским книгам Гордей Иванов «в роспросе» показал, что «жил в Грезенском погосте в деревне Даймищах за немчином за Букславом»³, а из-за рубежа вышел в государеву сторону в село в Тесово во 131-м году».

Но недолго, видно, пришлось пустовать здешней земле: свидетельством тому найденный близ Выры старый бочонок с медными шведскими монетами чекана 1637 и 1666 годов. Ведь часть перебежчиков была разыскана и по условию договора возвращена – тянулись конвои до «Зарецкого острошку». Одновременно запустевший край постепенно заселялся крестьянами из соседней Финляндии,

¹ Занимавшихся обработкой запустевших земель шведское правительство на несколько лет освобождало от уплаты коронных повинностей. Но впоследствии и они предпочли бежать из не знавшей крепостничества Швеции в крепостническую Россию.

² Другой пограничный камень, с русской стороны которого изображен крест, а с шведской – корона, (финск. *valkea kivi*), в прошлом веке упоминался в окрестностях Яшеры (у дер. Кемск).

³ Богатый ревельский купец Богуслав Розен, «крупнейший кредитор шведской короны», которому было пожаловано дворянское звание, в 1620 г. получил в аренду на 4 года целых три уезда; в 1625 г. Грязенский погост получил полковник Маннершильд (по-видимому, брат тогдашнего ландгевдинга [наместника]) и т. д.

которые уже к середине столетия составляли до 80% населения Грязенского и Суйдовского и до 100% Орлинского погоста. Потомки древних карел и финны из юго-восточной Финляндии и Карельского перешейка обрели на берегах Оредежа вторую родину, и еще в прошлом веке русский этнограф П.И. Кеппен на территории Кобринского лютеранского прихода, известного с 1640 года, отметил многочисленных протестантов в Лядах, Выре, Рыбице. В жестоком же веке нынешнем упорно сохранявшие свой язык и культуру «нацмены» принудительно отсюда выселялись – как советскими властями, так и гитлеровскими оккупантами. Но и по сей день финская фамилия – не редкость в окрестностях Рождествена, немало проживает здесь потомков колонистов XVII века. Только в большинстве своем стали они «иванами, не помнящими родства»...

Между тем в Москве никогда не забывали об отнятых насильно «отчинах и дединах». В 1656 г. царь Алексей Михайлович объявил Карлу X войну; была занята большая часть провинции, включая место пребывания губернатора, Ругодив (Нарву). Но по Кардисскому договору 1661 г. все русские завоевания были возвращены шведам, многие селения разорены¹, а шведские переселенцы, даже финны, бежали в Саволак, предав огню свои жилища² – достаточно вспомнить «Плач о Нарове», написанный в Стокгольме несколько лет спустя.

Одним из последних несчастий века стал «великий голод» 1695–1697 годов. «Писатели сие приписывают безрассудному правлению шведского короля, – отмечали в XVIII в., – который, отобрав под видом коронного притязания от многих помещиков деревни, роздал оные на аренду; откупщики же, не имеющие нужды печься о общем благосостоянии... но старающиеся токмо о настоящем, чтобы до срока довольно свои набить карманы, спешили весь запасной хлеб продать в чужие край и тем при случившемся недороде не могли дать помощи гибнущим селянам». В это время Ингерманландия потеряла до 40% жителей (частично вероятно, бежавших в Россию); «великий голод» и крестьянское движение подорвали здесь шведское господство как раз накануне Северной войны.

А война, о возможности которой предупреждал видный шведский деятель Э. Дальберг еще в 1681 г., началась неудачно. В ноябре 1700 г. русские войска потерпели сокрушительное поражение под Нарвой от 18-летнего Карла XII. Но Нарва, по словам Ф. Энгельса, была «первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях». Правильно оценив обстановку, Петр I решил выиграть время для обучения и реорганизации армии и, пока Карл был занят в Польше, путем «малой войны» уничтожить силы противника по частям.

Шведский король легкомысленно предоставил защищать Ингерманландию семитысячному войску старика-генерала Кроньюрта. Особое внимание уделялось нарвскому направлению – уже известную нам дорогу из Новгорода в Нарву прикрывала небольшая крепость Заречье в верховьях Оредежа, из которой шведы даже делали набеги в русскую сторону; вдоль границы, по данным разведки, разъезжали до 300 драгунов и рейтар «для опасения... великого государя ратных людей».

Но так продолжалось недолго – оправившиеся от Нарвского поражения русские войска стали одерживать одну победу за другой. В 1701 г. отряд стольника князя Ф. Елецкого разбил шведов у Заречья, многие мызы³ и деревни неприятельские были «пожжены, и с них множество рогатого всякого скота набрано». Посаженные шведскими властями помещики бежали из края при вести

¹ Князь И. Хованский доносил, что здешние уезды «твои, великого государя ратные люди воюют, без остатку разоряют, чтобы неприятелю было страшно».

² А русские бежали в Новгородский уезд, где из них была сформирована целая волость. Выходцы получали от казны пособие для обзаведения хозяйством на новом месте: на семью выдавали по рублю денег да по четверти ржи, а многосемейным и более. Кроме того, все они получали льготу в налогах и повинностях на 10 лет.

³ От эст. *mois* – «усадебка».

о приближении русских войск. К маю 1703 г. в руках русских оказалось уже все течение Невы, а 30 августа 1721 г. со Швецией был заключен долгожданный мирный договор.

Ништадский мир торжественно отпраздновали в новой столице. Сенат преподнес Петру Великому титул Отца отечества и императора Всероссийского – не даром на землях Ингерманландии известно множество преданий, связанных с именем Петра¹.

Московия стала Российской империей. Мрачное средневековье осталось позади.

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЕВА

Поистине велик царь Петр. Еще не отгремели пушки Северной войны, а уже явилась новая столица. Иван Грозный – это Москва. Петербург Петром жив. Недаром история простила последнему его жестокость.

А под столицей лежала разоренная земля, где однообразие суровой северной природы лишь изредка нарушал «приют убогого чухонца»... «Хозяйство у них очень скудное и скверное, – писал о жителях Ингерманландии, «латышах и ижерах», иностранец, – и не идет ни в какое сравнение с хозяйством самого бедного крестьянина в Германии. Дома в деревнях построены исключительно на русский лад, из одних бревен... обыкновенно в них только одна комната, в которой стоит большая печь... Вместо окна у них не что иное, как маленькое четырехугольное отверстие, снабженное маленькой дощечкой, которую на него надвигают и сдвигают... Постелей в деревнях не знают вовсе... обычно, предварительно очень тепло натопив комнату, укладываются, как и простые русские, совершенно нагими на большой печи... И нимало не смущаются тем, что муж и жена, работник и девушка, дети, собаки, кошки, свиньи, куры и так далее лежат вповалку в одной комнате, которая может быть названа не чем иным, как курной избой... Вместо свечей они используют тонко наколотые еловые лучины, вставляя их одну за другой в железное приспособление... либо же вставляют эту лучину прямо в бревенчатую стену, не смущаясь тем, что дом может загореться... Двери в их домах тоже обычно настолько низкие, что входящему приходится очень сильно наклоняться, а когда открываешь дверь, то навстречу валит такой дым и чад, что немудрено тут же упасть в обморок или задохнуться, но они не обращают на это ни малейшего внимания; вообще повсюду отвратительно грязно...»

Для обустройства края Петр, не полагаясь на малолетство, нерадение и слабость старожил, решил заселить его русскими переведенцами. За 9 лет, по данным историка Петербурга и губернии И. Пушкарева, сюда было переведено более 4 тыс. крестьянских дворов из Московского, Коломенского, Рязанского, Костромского и других уездов. Переселенцы получали на двор по 5 рублей, по 2 мирские подвод, вновь построенные для помещения их дома, землю, сенокосы, все домашнее обзаведение и на год освобождались от уплаты оброка.

Для исполнения своего плана Петр раздает здешние земли своим приближенным: Заречье получает царский любимец, светлейший князь и герцог Ижорский А.Д. Меншиков, Суйду и Сиворицы – герои Северной войны П.М. и Ф.М. Апраксины, Орлино – И. Нарышкин и – после него – И.И. Бутурлин. А уж они, в угоду царю, не щадили ни средств, ни трудов для приведения своих владений в цветущее состояние, и край мало-помалу начинает выходить из состояния продолжительного глубокого сна.

Куровицкая мыза с 14 деревнями и 12 пустошами да 5 пустошей Орлиной мызы в 1713 г. были «даны во владение» царевичу Алексею Петровичу. В том же году на берегу Оредежа строится деревянная церковь Рождества Богородицы –

¹ Например, в Даймише вам расскажут легенду о том, что название дал деревне Петр I, увидев здесь пышную даму – «Дамиша!..», или что-то в этом роде. Однако имя Дамиша известно с XV века.

отплыне соседняя деревня Большая Грязна будет именоваться селом Рождественном. Вскоре начинается сооружение на речке водяной мельницы, а напротив церкви строится дворец царевича. Через два года здесь побывала фрейлина жены Алексея, Шарлотты-Софии, – Юлиана Арнгейм:

«Мы в Рождествене, мызе царевича, в Копорском уезде, в 70 верстах от Петербурга... Кругом лес. Тихо, Только деревья шумят, да птицы щебечут. Быстрая, словно горная, речка Оредеж журчит внизу под крутыми обрывами из красной глины, на которой первая зелень берез сквозит, как дым, зелень елок чернеет, как уголь.

Деревянные срубы усадьбы похожи на простые избы. Главные хоромы в два жилья с высоким теремом, как у старых московских дворцов, еще не достроены. Рядом – часовенка с колокольнею и двумя маленькими колоколами, в которые царевич любит сам звонить. У ворот – старая шведская пушка и горка чугунных ядер, заржавевших, поросших зеленой травой и весенними цветами. Все вместе – настоящий монастырь в лесу...

Тишина бесконечная. Только топор дровосека стучит где-то далеко-далеко в лесу, да кукушка кукует...»

Монастырь в лесу... Любит это место опальный царевич¹, убавившийся в глухие края от крутого отцовского нрава. Читает, молится в часовне, работает в саду, в огороде, удит рыбу, бродит по лесам².

И указы по имению отражают патриархальный уклад жизни царевича – этой последней надежды умирающей боярской Руси, на смену которой поднималась мануфактурно-помещичья Россия. Не часто удавалось выбраться ему в Рождествено: нагружает Петр наследника государственными заботами. Не дает бездельничать. А потому летят сюда из Петербурга указы «О заготовлении деревянной посуды, кадок, бочонков и протчего», «О смолонии ржи в ситную муку и о высылке оной, да пивовара из деревни Лампов в С.-Петербург», «О присылке столовых припасов» – ведь хозяйство здесь у царевича немалое³. Одного леса на 33 версты с полверстою. А что до отцовских требований, то не велит царевич ставить здесь казенных лошадей, ни сухари сушить... Ох, ох, бедная Русь! что-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?..

– Об одном мыслю, к одному стремлюсь, – произнес, задумчиво глядя перед собой царевич, – когда бы от всего меня уволили, чтоб жить мне, как Бог изволит, в деревне, и ни до чего бы мне дела не было.

– Ну, на это, сам пойми, вряд ли согласятся вышние, – возразил, качая головой, Кикин⁴, – потребуют несомнительно, жестоко притянут к иному.

– Да не могу же я, Александр Васильевич, душа не лежит, – сказал Алексей. – Сам ты говоришь: Питер – горе да ох... Из-за чего отец старые порядки

¹ По не слишком, правда, популярной версии, новая столица была основана в геопатогенной зоне. Царь и вельможи вскоре поняли это и предпочитали жить в загородных резиденциях, которые строились на высоком, здоровом месте подальше от столицы.

² «Здесь молился, и постился, И скрывался от отца... Тел и вскоре надломился. И кто помнит молодца?» – писал в стихотворении «Село Рождествено» А. Лбовский. Правда, в последнем заявлении гатчинский красавец был неправ: достаточно вспомнить «Думу» К.Ф. Рылеева. А почти два века спустя в Рождественском народном театре была поставлена пьеса «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф», намекавшая на отношения Петра и Алексея.

Название Орлинского озера, по местной легенде, произошло оттого, что царевич во время охоты убил здесь орла; правда, озеро Орлино известно с 1499 г.

³ В 1721 г. в селе Рождествене и 16 деревнях числилось 50 дворов посадских жителей и 221 двор тяглых крестьян. По окладу с них полагалось: денег «879 рублей 12 алтын 4 денги, кроме кабацких и мелничных», да «столовых припасов»: 33 пуда 22,5 фунта масла, 17 п. 16 ф. творога и сметаны, 90 баранов, 358 кур, столько же «диких птиц» (тетерявов, «рябцов»), 5370 яиц в год. Кроме того, с крестьян собирался «пятой сноп ото всякого хлеба» и прочие повинности.

⁴ А.В. Кикин – деятель петровской эпохи. Из-за вражды с Меншиковым сблизился с опальным царевичем и помогал тому в бегстве за границу. Был казнен в 1718 г.

бросил, потоптал? Из-за чего, что ни день, заводит все новые? Мучит всех, во сне и наяву, шпыняет, теребит. Жило же царство без этих новшеств, – без гвардионцев и потешных, – в славе и силе состояло. Стрельцы били шведов, немца и ляхов. Все сторожко и честью блюли паш народ и сан. Батюшка веру дедов и прадедов презрел, патриарха синодскими канцеляристами заменил. И на что нам это, прости Господи, чертово болото – новая столица? На что кургузые кафтаны солдата вместо древних, урядных сарафанов, хоть бы эти хвостатые роброны, на фижах, да пудра? Истерзал отец родину, уродует, кромсает, как мясник телку, по живому телу пожом...

Алексей встал. Лицо его залил румянец...

– Быть Петербургу пусту! – вскрикнул он, ударив кулаком по столу. – Гвардию распушу, воевать брошу: со всеми будь мир и покой. Зиму стану жить в Москве, лето в Ярославле... Плюю на всех, абы здоровья была мне чернь.

– Так-то, так, – промолвил Кикин, – да чернь-то – стадо бессловесное; им нужен с доброю клюкой пастух, а ты мягок сердцем, вельми добр.

– А тезка мой, дед Алексей? Нешто не жил он в Господней благодати, в общей любви и уважении от иноземных и своих? Никуда-то он, тишайший, непрошено не лез, никого не тормозил и не тиранил, а был счастлив¹. Так, с Господнею защитой, буду царствовать и я.

– Царствовать думаешь ты... великое слово, – продолжал Кикин, – только надо еще добиться того. А удастся ли, бабушка падвое сказала...»

Так передает думы Алексея мастер историко-авантюрной прозы XIX века Г.П. Данилевский.

...Трагическая судьба несчастного царевича, нелюбимого сына нелюбимой жены, общеизвестна. От непослушания и разногласий с отцом (что по-человечески вполне понятно и объяснимо) – к государственной измене (окончательно не доказано) и в конечном счете к гибели (это факт) – таков бесславный и в чем-то поучительный жизненный путь первого хозяина Рождественской округи, уподобившегося библейскому Авессалому.

В рай иль в ад тебе дорога...
Сын мой! слушай чернеца²:
Иль отца забудь для Бога,
Или Бога для отца!

Этими словами образно определил суть заговора паш земляк К.Ф. Рылеев в своей думе «Царевич Алексей Петрович в Рождестве».

Крестьянин Андрей Рубцов видел, как па мызе, где был царевич до ареста, по приезде царя, знавшего, словами В.В. Набокова, «толк в отвратительном тиранстве», повели царевича под сарай и оттуда слышны были стоны и крики. Случайный свидетель был осужден на каторжные работы. Двое других, слышавших о том от Рубцова, были казнены за дерзкие рассуждения об этом со- бытии.

«Художник изобразил безукоризненно мастерски этого царевича, – комментирует картину вопроса по показаниям Ефросиньи Н.И. Костомаров. – Тупоумие, мелкая трусость, умственная и телесная лень, грубая животность видны в его чертах, пораженных горем и тоскою; его горе не таково, чтобы возбудить к себе то

¹ Справедливости ради следует заметить, что многие реформы Петра, который «пошел с костью Грозного на старцев и попов», уходят корнями во времена царя Алексея Михайловича; в этом смысле Петр был лишь продолжателем дела своего отца.

² Еще в шведское время здесь нашли приют множество старообрядцев из соседнего Новгородского уезда; в окрестных деревнях, случалось, обнаруживались беглые и во времена царевича. В начале XVIII в. деревни Заречье и Грязную называли «сосредоточением раскола в Копорском уезде». Тайное свидание с монахом на Рождественском кладбище (следствие по делу царевича показало, что в Рождестве у него бывали противники Петра) и стало фабулой «Думы» К.Ф. Рылеева.

сострадание, которое перазлучно бывает с уважением... Это такой человек, который с первого раза покажется чрезвычайно добрым, но который тотчас проявится иным, когда вы вступите с ним в серьезное дело... Это человек, забитый деспотизмом, но всегда желающий деспотствовать над другими...

Таким представляет Алексей Петрович на картине г. Ге.

Минута роковая. Петр прочтет ему показания, Алексей растеряется...»

Пророческим оказалось рождественское наблюдение фрейлины Ариггейм: «Нигде я не видела таких вечерних зорь, как здесь. Все небо в крови. Обгаренные тучи разбросаны, как клочья окровавленных одежд, точно свершилось на небе убийство, или какая-то страшная жертва...» А ганноверский резидент Вебер, извещая о смерти царевича, предрекал: «В России когда-нибудь кончится все ужасным бунтом, и самодержавие падет, ибо миллионы вопиют к Богу против царя...»

После смерти царевича (в 1718 г.) Рождество с деревнями были «приписаны к комнате» его малолетних детей Натальи и Петра (будущий император Петр II¹). Однако вскоре их пожаловали вдове брата и соправителя Петра I – Ивана V, дочери которой, – и среди них будущая императрица Анна Иоанновна, – в отличие от бедного царевича, воспитывались в духе времени. От царицы Прасковьи Федоровны имение унаследовали две ее другие дочери: Прасковья, а затем Екатерина. А после смерти последней (в 1733 г.) эти земли были причислены к дворовым имениям, коими и оставались до конца века.

«Что желал Великий Петр, совершает Великая Екатерина...» Итак, план реформатора полностью удался: за столетие край становится неузнаваемым. Резкий контраст с описанием начала века составляет наблюдение курляндского барона Шлиппенбаха: «Вообще, жилище русского крестьянина обнаруживает изнутри вполне приятный вид. Столы, скамьи и даже стены чисто вымыты; окна не очень велики, однако чистые и светлые. Постели высоки, хорошо набиты, и поверх пестрого одеяла лежит обычно красная или синяя большая подушка, служащая украшением... Платье русских женщин и девушек, даже то, в котором они обыкновенно выполняют домашнюю работу, красиво и опрятно». Ему вторит русский путешественник, который, останавливаясь в Выре в 1810 году, писал: «Чем ближе к столице, тем лучше: в избах не видно уже ни кур, ни поросят, печи с трубами, и все чисто и пристойно...»

Правда, внешний вид богатых придорожных деревень² не всегда соответствует внутреннему содержанию. Орудия труда, которыми крестьяне обрабатывали и свою, и барскую землю, почти не изменились. Как и два-три века назад, это были соха с железным сошником и борода. Для перехода от жатвы серпами к уборке урожая косами потребовался специальный указ Петра. Как и два-три столетия назад, безраздельно господствовало трехполье, а кое-где продолжали даже сжигать леса³.

«В Ингерманландии хлебопашество вообще находилось завсегда в худом состоянии», – писал в трудах Вольного экономического общества барон фон Вульф. Скудные почвы окраины Ижорского плато обрабатывались плохо, навоза для удобрения не хватало, поля зарастали сорняками. Урожайность дворцовых полей в Рождестве в 1737 г. была по ржи в 1,2, по овсу – в 1,7, а по ячменю – в 3,3 раза ниже, чем в среднем по губернии. В среднеурожайном 1790 г. в Рождественском уезде было посеяно 19 674 четвертей продуктов полеводства – убрали

¹ Кстати, оправдавший отца и возвративший из монастыря его мать.

² Что касается глубинки, то в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» А.С. Пушкин отмечал, что «ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор – даже эта елка, это печальное тавро северной природы – ничто, кажется, не изменилось...»

³ С древнейшей формой подсечно – лядиным – земледелием, связано название деревни Ляды. В говорах русского языка слово лядя имеет до 225 различных значений: от «участок в лесу, обработанный подсечным способом под поле» до «болото» и даже «озеро».

лишь 65 421 четверть; льна было собрано всего 250% от посеянного, а конопля даже не удвоила семян.

«Полного неурожая, как то бывает па черноземах, в С.-Петербургской губернии неизвестно, – писал А.Н. Радищев. – Одним произведением она славится, и то в некотором только краю, а именно копорским овсом. Все другие земные произведения суть тощи так, как и ее почва. Рожь, ячмень зерном родятся легки, гречу сеют почти от нужды, а пшеницу – из любопытства. Льну едва родится крестьянам на рубахи, а коноплей почти не сеют. Многие селения муку покупают в городах, заменяя недостаток оной произведением капусты или огурцов. Капуста из Копорья, а огурцы привозят по большей части из Нарвы».

«Иностранцы не поймут и не поверят, чтобы в столь от природы обиженной стране... можно было крестьянину па всякий день иметь па столе своем четыре перемены, – продолжает выские наблюдения путешественник, – ...и вообще должно заметить, что наш поселянин питает себя лучше всех европейцев, исключая разве английских фермеров, голландских матросов и поселян некоторых немецких провинций».

Очень нелегко, как видно, давались ордежскому мужику «четыре перемены» па своем столе. Но о том, как ему это удавалось, разговор впереди.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ГОРОДА РОЖЕСТВЕНА

Как заметил в своих мемуарах К. Массон, городов, основанных Екатериной II, было, «пожалуй, больше, чем разорили ее войска; по эти города – лишь жалкие деревушки, произведенные ею в города имешным указом... приблизительно так же, как позднее Павел повелел называть яхту фрегатом. Часто вместо города стоит один столб, па котором обозначено название и место: в ожидании постройки и, главное, заселения, они фигурируют только па картах России...»

Не будем строго судить императрицу, тем более, что большинство из двух с лишним сотен основанных ею городов выдержали испытание временем и здравствуют по сей день. Иначе сложилась историческая судьба «аграрного» города Рождествена, о которой и пойдет сегодня речь.

Село Рождествено за свою почти трехвековую историю видело немало перемен. Но самая существенная из них случилась в первый день нового 1780 года, когда указом «Об образовании С.-Петербургской губернии из семи уездов» было высочайше повелено «дворцового ведомства село Рождественское и слободу Ораниенбаум переименовать городами»¹. А в состав новоиспеченного Рождественского уезда вошла значительная часть бывшего Копорского, от Сквориц на севере до Ящеры па юге. Площадь уезда составляла 2,4 тыс. кв. км, а население – немногим более 24 тыс. человек² (для сравнения укажем, что ныне в Гатчинском районе, по площади всего па 20% превосходящем бывший Рождественский, проживает (даже исключая города Гатчину и Коммунар) не менее 114 тысяч).

7 мая был высочайше утвержден рождественский герб: «В голубом поле меловая гора, па оную ударяет из облака солнечный луч, от которого она гора и прозябла». Очевидно, в данном случае за основу был взят старый копорский герб: «Камень белый, пад ним облако, поле лазоревое». А солнечный луч, по-видимому, должен был символизировать монаршую милость, ведь, по словам современника, сама императрица «указала быть тут уезду». Это же подтверждает и «прозябание» горы: в том месте, где па нее падает луч, изображена березка.

¹ Интересно, что историк К.А. Неволин приводит в качестве года основания г. Рождествена 1779 г., А.К. Шторх и И.Г. Георги – 1783.

² Данные разных источников несколько отличаются друг от друга, что объясняется их спецификой, а также неточностью тогдашней статистики – подаром оказалось невозможным определение с надлежащей точностью даже числа городов в России. Это замечание относится ко всем цифровым данным настоящей главы.

Это было началом новой политики Екатерины, имевшей целью поднять престиж городов. Ну а что из этого вышло – о том речь впереди.

В конце мая состоялось официальное «открытие» губернии. Так, предводителем рождественского дворянства был избран коллежский советник И.П. Железнов, состоявший при Кабинете и «собственных е.и.в. делах». В Рождественский уездный суд вошли падворные советники М. Сабуров и Ф. Вахтин; в нижний земский суд – майор Г. Радыгин¹, титулярный советник И. Сарычев, комиссар бывшего Копорского уезда поручик Н. Яцкой и рождественские жители Е. Емельянов и Г. Холоцкой. Первым рождественским городничим стал премьер-майор М. Спенков, а 1 июня председателем Палаты уголовных дел И.Е. Глебовским «с соблюдением должного гражданского обряда и духовного чиноположения» было «учищено открытие» в Рождестве новых «присутственных мест».

По случаю обращения села в город здесь строится новая церковь Рождества Богородицы с приделом Николая Чудотворца. Известно, что в ее постройке участвовали местные обыватели, а особенно – мещанин Ф.И. Корольков. Церковь была деревянной и располагалась на месте нынешнего Рождественского храма. В 1785 году она была освящена и, по словам здешнего городничего Н. Сеславина², придавала городу «изрядный вид».

В мае 1784 года открывается движение по Порховской дороге, проходившей параллельно нынешнему Киевскому шоссе³; ее первый участок был известен как «Большая дорога из Рождествена в Царское Село». Тогда же открылось и почтовое сообщение по этой дороге; рождественский «почтовый дом», третий по счету от столицы, находился неподалеку от нынешнего здания дирекции АО «Рождественское». Пересылка в столицу письма отсюда обходилась в 2 коп. за лот (12,8 г); за посылку платили 2 коп. с каждого фунта (0,41 кг) веса. На почтовой станции содержалось 35 лошадей, а рождественский почтмейстер имел офицерское звание.

12 мая 1784 года императрица утвердила новый план города. На плане можно видеть старую сетку с наложенной на нее «идеальной» схемой, совершенно не считавшейся с уже существующей застройкой. Если село Рождествено располагалось вдоль старой Водской (Ивангородской) дороги⁴ и лишь вновь построенные деревянные «присутственные места» находились на другом – левом – берегу речки Грязенки, то за основу новой композиции была принята торговая Пороховская дорога. Планировщики екатерининского времени стремились во что бы то ни стало наложить на имеющуюся застройку стройную геометрическую схему, и примером в этом чаще всего служил Петербург с его новой системой планировки, воплощенной в трех лучах Адмиралтейской части и строго регулярной, прямоугольной планировке Васильевского острова.

В Рождестве предполагалось создание двух площадей. Приезжавший в город со стороны Царского Села попадал на площадь в форме идеального круга диаметром около 170 м, от которой по лучевой схеме должны были расти городские кварталы. Центром второй, прямоугольной площади становилась каменная церковь, вокруг которой были запроектированы главные сооружения небольшого города XVIII века; дома для присутственных мест (ратуша, уездный и нижний земский суды, дворянская опека, уездное казначейство), «гостинные ряды»

¹ Очевидно, помещик из Заречья, женившийся на внучке Доменико Трезини; первому архитектору Петербурга Заречье было пожаловано Анной Иоанновной «за долговременную и верную службу и прилежные труды» в 1730 г.

² Последний (с 1788 г.) рождественский городничий Н.Г. Сеславин в Отечественную войну 1812 г. был тысяцким в Тверском ополчении, затем – предводителем ржевского уездного дворянства; его двоюродный племянник генерал-лейтенант А.Н. Сеславин, знаменитый герой-партизан Отечественной войны, известен тем, что разгадал движение Наполеона из горящей Москвы на Малоярославец.

³ Отдельные участки Порховской (Смоленской) дороги (впоследствии – Белорусский тракт) сохранились доныне в Рождестве, Выре, Новом Поддубье и др.

⁴ Ныне улицы Заводская и Соколова.

(торговые лавки), неподалеку – соляные и вишневые «магазиньны» (склады): продажа соли и «питей», являясь монополией государства, доставляла в казну немалые средства. В центре и примыкавших к нему кварталах разрешалось строить только каменные дома; кожевенный завод, кузницы, скотный двор и скотобойня были вынесены в предместья, за городские вал и ров – екатерининский централизм имел целью вытеснить неимущие слои населения за черту города, на окраины.

Строительство города было поручено специально учрежденной градостроительной комиссии под руководством известного архитектора И.Е. Старова – автора Таврического дворца и Троицкого собора Александро-Невской лавры, усадебных комплексов в Тайцах и Сиворицах, впоследствии состоявшего в Рождественской дворянской опеке. Согласно плану, среди полей в излучине Студеного ручья по проекту талантливого архитектора Ф.И. Волкова возводится каменная Вознесенская церковь¹ с отдельно стоящей колокольней, вокруг которой формировался центр города. Церковь считалась собором; при ней до 1797 года существовал особый причт, а священник Петр Иоаннов был одновременно и благочинным². Автор этого интересного памятника русского классицизма за искусно выполненные архитектурные проекты был удостоен звания академика.

8 февраля 1786 года в Рождестве, как и в других уездных городах, открывается двухклассное народное училище, ведь и десять лет спустя большинство рождественских купцов оставались неграмотными. Вначале училище помещалось в специально нанятом доме; впоследствии для него на главной площади было выстроено каменное двухэтажное здание: К августу в нем обучались 22 человека, а к началу 1789 года там числилось уже «мужеска пола – 30, женска – 3, итого – 33 обучающихся».

В связи с тем, что излишняя парадность планировки не соответствовала размерам и финансовым возможностям небольшого городка, план был осуществлен лишь частично. Уже в 1786 г. последовал указ «Об учреждении аптек в уездах С.-Петербургской губернии», которым, в числе прочего, велено было «жителям рождественским купцов оставить только одну главную площадь, на которой должны быть каменные здания для присутственных мест, в прочих кварталах позволить строить деревянные дома, держася в прочем расположения, в плане городском означенного».

В путеводителе 1786 года отмечалось, что «город сей... по новости своей, строение имеет почти все деревянное». Эта фраза потом в течение двух десятилетий кочевала по описаниям путешествий и географическим словарям. А одним из первых путешественников была сама Екатерина, отправившаяся в 1787 году ознакомиться с вновь приобретенным Таврическим наместничеством (Крым), и сопровождавший императрицу французский посол граф Сегюр отметил в своих записках: «В 72 верстах от Петербурга мы остановились отобедать в маленьком, новом и красивом городке Рождественске» (так обычно называли город иностранцы).

Царица была встречена колокольным звоном, навстречу ей выехал в сопровождении воинской команды городничий премьер-майор С. Селиванов; вдоль дороги стояли толпы горожан, а у церкви – священники с причтом, с крестами и в полном облачении. По прибытии кирасиры почетного караула отдали императрице честь «с уклонением штандарта» и «при играх на трубах с литаврами»; Екатерина была встречена и поздравлена с благополучным прибытием гоф-маршалом князем Ф. Барятинским и губернатором генерал-поручиком П. Коновницыным, а также предводителем дворянства с местными дворянами и чиновниками, которые «имели счастье быть допущены к руке ее величества».

¹ Помощник епископа, который осуществлял надзор за духовенством ряда церквей (благочиннического округа).

² Строго говоря, существуют различные предположения относительно авторства построенной в 1784–1786 гг. Вознесенской церкви; так, например, по сообщению Н. Мурашовой, были все основания считать ее автором архитектора Н.А. Львова.

Рожественское купечество преподнесло императрице хлеб-соль, «разную живую рыбу»; обеденный стол состоялся «на 31-м куверте», куда были приглашены, кроме свиты, местные чиновники, начиная с 6-го класса, а также штаб-офицеры кирасирского полка. В 2 часа пополудни Екатерина отправилась в путь и роскошный царский поезд покинул Рожествен.

...В апреле 1785 года императрица, будучи уверенной, что города содействовали «размножению народа и возвращению сего богатства», подписала «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи». Ранее административно-полицейские функции в городе исполнял городничий, в распоряжении которого находилась штатная воинская команда. Судебной властью были наделены магистраты, а в небольших городах, каковым являлся и Рожествен – ратуши с бургомистром и двумя ратманами. По повому положению городам было предоставлено право самоуправления; значение магистратов и ратуш в деле управления городами было сильно припущено.

Отпущенные в число горожан входили все лица, проживающие в городе, записанные в оклад, имеющие там недвижимое или исполняющие службу, в том числе и дворяне, и даже крестьяне, обладавшие определенным капиталом. Основу же «градского общества» по-прежнему призваны были составлять купцы, производившие торговлю по городу и уезду, содержавшие трактиры и постоянные дворы и мещане, которые допускались «производить всякие работы по их мастерствам».

Раз в три года созывалось «собрание градского общества», которое могло делать представления губернатору о своих «общественных пущах и пользах». Общая градская дума выдвигала кандидатов в шестигласную думу. А последняя, состоявшая из городского головы и шести гласных – по числу категорий «градского общества», занималась текущими делами городского самоуправления.

Как и другим городам, «верноподданному Рожествену» от имени императрицы была послана за подписью вице-канцлера графа И. Остермана особая жалованная грамота с перечислением царских милостей и красочным рисунком городского герба – задуманное мероприятие по поднятию престижа городов проводилось с помпой.

В 1786 году тайный советник П. Завадовский и князь М. Долгоруков доносили, что в Петербургской губернии «статьи городского положения в думах, кроме городов Луги и Рожевтана, где опыты по малому количеству граждан еще не введены, пришли в исполнение, и пользу свою гражданам от того сами чувствуют предовольно» и что «в каждом городе городские обывательские книги по запискам жителей заведены», «печать градского общества изготовлена». А что касается Рожевтана, то дума там и вовсе не была открыта, а ратуша появилась лишь с упразднением города; до того должность магистрата отправлял здесь городничий.

За время существования города «в купеческое и мещанское звание поступила» половина сельских жителей. Относительно остальных крестьян С.-Петербургским губернским правлением было сделано предписание о том, что рожевтанские жители имеют на это непосредственное право, по их желанию. Софийская городская ратуша утвердила их в купечестве и мещанстве, по С.-Петербургской казенной палате они были обращены «по неимуществу» в прежнее «крестьянское состояние». Как видим, екатерининская реформа, проводимая во время расцвета абсолютизма в России, в Рожествене явно проваливалась.

До наших дней дошло несколько описаний города, которые позволяют воссоздать историческую панораму Рожевтана конца XVIII века.

Уездный город С.-Петербургской губернии Рожествен лежал под 59° 28' с. ш. и 47° 43' в. д. в 72 верстах к югу от столицы. Город располагался на правом берегу реки Ордежа, ручья Студеного и по обоим берегам реки Грязенки, занимаемая площадь в 127 десятинах 1427 кв. саженей (около 140 га), большая часть которой значилась «под селением» и пудобьями, а остальная могла быть в случае надобности использована «для умножения строения города».

Рождественская церковь была центром т. н. «слободы», где к двум улицам бывшего села добавилась застройка вдоль Порховской дороги (С.-Петербургская улица). Если в бытность селом Рождествено имело около 100 жилых строений, то к концу 1780-х годов здесь насчитывалось уже полторы сотни обывательских домов, а к середине 1790-х около двух третей записавшихся в купечество и мещанство сельских жителей выстроили себе деревянные дома «соответственно городам» — стоимостью от 50 до 2 тыс. рублей. Остальные продолжали жить в прежних своих домах, причем оставшихся в «первобытном крестьянском звании» планировалось переселить по их желанию в дворцовые деревни.

За красивым деревянным мостом через Грязенку располагалась административная часть города. Над ней доминировала высокая (до 25 м) колокольня Вознесенского собора; в трех двухэтажных каменных зданиях под железными крышами помещались присутственные места, парадное училище и большой магазин с хлебными запасами. Кроме каменной же кладовой уездного казначея к «казенным строениям» относились деревянные магазины волостного ведомства с караульней при них, городнический (на месте сгоревшего музея) и почтовый дома, а также питьевой дом, в котором, для примера, за 1789 г. была продана почти тысяча ведер вины.

Относительно городского населения можно сказать, что его численность медленно, но верно возрастала. Так, если в 1783 г. родилось 78 человек, умерло 44 и был зарегистрирован 21 брак, то через 5 лет эти цифры составили 128, 73 и 30 соответственно. К концу 1780-х годов в Рождествено проживало: священнослужителей — 20, купцов — 43, мещан — 19, посадских — 82, разного звания — 855 человек. Итого население города составляло 1019 душ обоего пола против 845 в начале десятилетия².

Горожане «довольствовались» водой из Оредежа, которая для употребления была «здоровой». А сама река, судя по описанию, была в летнее жаркое время «шириною 3 сажени, а глубиною в 1,5 аршина» (6,5 и 1 м соответственно), и ловилась в ней «рыба форели и мелкая прочих родов».

В конце пышной Заводской улицы еще со времен царевича Алексея располагалась мукомольная мельница «о двух поставах», где круглый год мололи зерно; из-за низких урожаев поля засеивались только «для домашнего пропитания, а не на продажу».

В огородах в то время, как и теперь, сажали капусту, горох, огурцы, свеклу, морковь и другие корнеплоды; в садах выращивали яблоки, вишни и различные ягоды. Часть съестных припасов, как и другие «нужные для житья вещи», обыватели покупали в Петербурге, либо у местных купцов, для чего в городе имелись 10 лавок с годовым оборотом до 50 тыс. рублей.

В 1790-х годах в городе были основаны две фабрики пуховых шляп. Выпускаемые «немалым количеством» пуховые и прочие шляпы частью продавались здесь же, остальные отвозились в столицу. Некоторые купцы занимались рубкой леса и сплавляли его к Нарвскому порту, откуда он уходил, в том числе, и за границу.

По наблюдению А. Н. Радищева, не все округа (уезды) пользовались «богатым соседством» Петербурга одинаково: Ораниенбаумская и Рождественская «пользовались оными отчасти». Так, лишь часть рождественских купцов торговала в столице скотом, содержала постоялые дворы и харчевни по большим дорогам, да некоторые крестьяне промышляли в Петербурге извозом и «черными работами». Основным же занятием рождественских жителей, в подавляющем большинстве крестьян, было хлебопашество — недаром статистик А. К. Шторк охарактеризовал торговлю и промыслы Рождествена словами «аграрная промышленность».

¹ Не путать с улицей Слободка на левом берегу Оредежа, где располагались строения времен царевича Алексея: «ветхая» церковь и бывший дворец.

² Сопоставление этих данных может оказаться не совсем корректным; все же можно утверждать, что городское население увеличивалось, главным образом, за счет естественного прироста, а не переселения из других мест.

Как же сложилась дальнейшая судьба города?

Современник Рождествена историк Ф.О. Туманский, разделив города губернии на группы, Рождествен и Ямбург отнес к «недостаточным». Петербургский губернатор Рылевс доносил, что в Рождествене «торг невеликий» и часть жителей «в первом сельском осталась положении». А академик И.Г. Георги отмечал, что город как во внешнем виде, так и в внутреннем содержании имеет мало «городского»¹.

Рождествен, созданный правительством в качестве административного центра, на проверку оказался нежизнеспособным, ибо учреждение его не имело под собой должной экономической базы – по словам статистика прошлого века К.И. Арсеньева, «естественного преуспеяния в промышленности народной»... 31 декабря 1796 года правительство Павла I упразднило сразу 124 «ненастоящих» города (правда, многие из них в 1802 г. были восстановлены) с целью подтянуть оставшиеся до действительных торгово-промышленных центров. Указом нового императора, бывшего не прочь уничтожить все, напоминающее о нелюбимой матери, уездный город Рождествен был упразднен, некоторое время числился «заштатным» (по другим источникам – посадом)², а затем обратился в село. Рождественский же уезд был присоединен к Софийскому, а в 1808 году, когда Софию (город располагался на территории нынешнего Пушкина) слили с Царским Селом, получил название Царскосельского.

В 1797 г. Павел I по ходатайству графа Безбородко пожаловал «правителю» канцелярии графа, павловскому советнику Н.Е. Ефремову³, 220 душ, в число которых было назначено к отдаче ему «Рождественского уезда дворовое село Рождествено... с принадлежащими по дачам к оному землями... и с состоящими в том селе казенными строениями и садами». Однако в указе было оговорено, что купечество и мещанство должно было по-прежнему пользоваться свободой и заниматься, если пожелают, «торгами и промыслами». Решением Сената для купцов и мещан были оставлены народное училище, почтовый и питейный дома и два деревянных соляных магазина; строения же упраздненных (и переведенных в Гатчину) присутственных мест, городнический дом и казенные хлебные магазины велено было отдать Ефремову⁴.

Все же в сентябре 1798 г. собрание градского общества отмечало, что новый хозяин «привлекает в собственное владение» принадлежащую рождественскому бургомистру купцу М. Юнину мельницу, остановил тому строительство на мельнице пильного постава и вообще, присваивает себе принадлежащую городу «для пользы купечества и мещанства» землю. В ответ месяц спустя последовал указ «О переселении купцов и мещан из г. Рождествена в г. Гатчину», которым повелевалось перевести граждан «по малочисленности» – их оставалось 179 человек – в резиденцию Павла, объявленную в 1796 году городом. Следом за этим последовали и другие указы и распоряжения: в августе 1799 года было закрыто и переселено в Гатчину уездное училище; была «назначена к отмене» дорога из Рождествена в Ямбург (ныне – Кингисепп); из упраздненного города переведена в Выру почтовая станция...

Переезд купцов и мещан продолжался до начала нового века: в Гатчине долго не могли выделить участков для переселенцев, а некоторые из них просто не имели средств для переезда. Кроме того, у горожан продолжались трения с новым хозяином села – давали знать о себе феодально-крепостнические отношения. Поэтому, когда на престол вступил Александр I, на Ефремова была пода-

¹ Рождественский городничий отмечал, что до открытия города занятия местных жителей состояли в «корчемстве вином», да «укрывательстве беглых»; «удобность» же города заключалась, по его мысли, в «наблюдении благочиния и порядка».

² Интересно, что финны-старожилы из соседних Рыбиц до сих пор называют Рождествено *Poskala* – «Посад».

³ Ефремов был женат на любовнице графа; русской актрисе «Ленушке» – Ольге Каратвигиной и воспитывал их внебрачную дочь; по-видимому, Рождествен он получил в качестве приданого.

⁴ По свидетельству Е.П. Карповича: «Рождествен, будучи населен не только крестьянами, но купцами и мещанами, приносил тогда 80 тыс. рублей ежегодного дохода».

на жалоба, и в начале 1808 года велено было купцов и мещан, «кои в Рождестве жить пожелают», не принуждать к переселению, вернуть им землю и выгоны и приписать к Софии, подчинив тамошнему земскому суду.

Что же представлял собой город в конце своей карьеры?

В 1810 году один из путешественников писал: «Рождествен – ни город, ни село, ибо ни на то, ни на другое не походит... Опрятные деревянные домики, а паче видное местоположение, уподобляют Рождествен красивой немецкой деревне...» По данным полицейского учета в 1825 году в заштатном городе Рождестве насчитывалось: жителей обоего пола – 814, купцов – 3, церквей – 2, домов – 127, заводов – 1, лавок – 10, питейных домов – 1.

А ныне уже ничто не напоминает о Рождестве времен города. Только высится среди сельского кладбища, возникшего на месте городской площади, «кладбищенская полуруина» церкви Вознесения, да живут еще в парде местные названия вроде «вознесенка» или «Мещанское поле»...

Таким образом, история города Рождества наглядно может проиллюстрировать выводы исследователя вопроса историка Б.Н. Миронова: несмотря на позитивные сдвиги, которые испытывали русские города в конце XVIII – начале XIX века, они по уровню развития по-прежнему отставали от западноевропейских во всех отношениях: отделение города от деревни едва-едва произошло к середине XIX века¹. «Прошлое давало о себе знать на каждом шагу; преодолеть его за тот короткий срок, который был отведен историей капиталистическому периоду в России, оказалось невозможно...»

ЛИТЕРАТУРА

- Аграрная история Северо-Запада России. вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971.
 Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974.
 Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989.
 Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
 Беслятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
 Варепцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «бунташного» века: очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991.
 Гадзяцкий С.С. Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки. 1947. Т. 21. С. 3–42.
 Гурина Н.Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР. М. – Л., 1961 (МИА. № 87).
 Данилевский Г.П. Царевич Алексей // Русская историческая повесть. М., 1988. Т. 2. С. 366–407.
 История Северной войны, 1700–1721 гг. М., 1987.
 Клокман Р.Ю. Социально-экономическая история русского города: вторая половина XVIII века. М., 1967.
 Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I: Западные районы. Л., 1990.
 Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
 Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. Трилогия. Т. 4: Антихрист (Петр и Алексей). М., 1990.
 Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
 Неволлин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853 (ЗИРГО. Кн. VIII).
 Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича / Сост. Р.И. Беккин. СПб., 1996.
 Рябов Д.С. Рождественские храмы. СПб., 1998.
 Рябов Д.С. Топонимия Верхнего Поореджья: Словарь-справочник. СПб., 1995.

¹ В Западной Европе уже в средние века пребывание человека в городе в течение известного времени делало его свободным от крепостной зависимости. Воздух русского города – увы! – не делал человека свободным ни в средние века, ни в новое время. Слабость русской буржуазии затормозила развитие демократии в России, что самым серьезным образом помешало становлению правового государства и в послереволюционный период.

Марина СМОРОДИНА

СУДЬБА «МОСКОВСКОЙ БАБУШКИ» ПОЭТА (1745–1818)

«Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне;
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина».

А. С. Пушкин «Езерский»

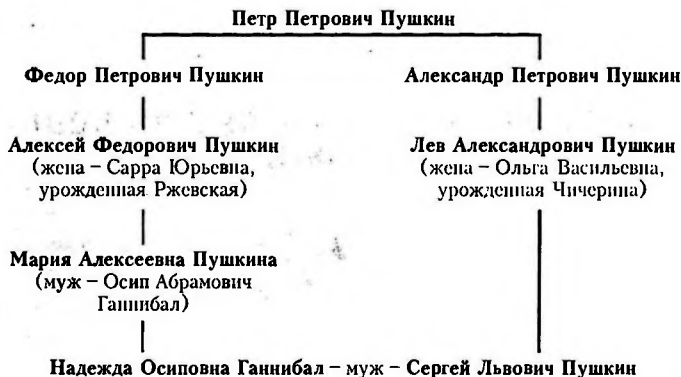
«Московская бабушка» поэта переехала в Москву незадолго до рождения своего внука. «Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг», – вспоминала старшая сестра поэта Ольга Сергеевна. Она была первой учительницей родного языка и воспитательницей маленького внука. По рассказам современницы Марии Алексеевны Е. П. Яньковой, видно, что любя внука, бабушка часто журила его: «ведь этакой шалун ты какой, помяни ты мое слово не спосить тебе головы». «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умеи и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком, то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него седины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится».

Маленький шалун не раз прятался от гнева матери в комнате бабушки, забравшись в корзину для рукоделия. Об этом времени он вспоминает в стихотворении «Соп» (1816).

«Но детских лет люблю воспоминашь.
Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных почей,
Когда в чепце, в старишом одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы».

О том, что Мария Алексеевна была хранительницей глубокой старины, вспоминала и сестра Ольга Сергеевна: «Замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича и сестры была их бабушка Мария Алексеевна. Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим род-

ством (см. «Родословную») и часто любила вспоминать былые времена». Но не только о дедушке Ю.А. Ржевском, любимце Петра I, могла поведать бабушка, но и о старинном роде Пушкиных, предках своего отца Алексея Федоровича, а также о Ганнибалах, родственниках своего мужа.

Старший внук соединил в себе две ветви одного рода Пушкиных: Мария Алексеевна Пушкина (в замужестве Ганнибал) выдала свою дочь Надежду Осиповну за троюродного брата – Сергея Львовича Пушкина. Это было третье соединение Пушкиных и Ганнибалов. Еще при жизни старого Ганнибала его старшая дочь Елизавета вышла замуж за ученика его – инженера, подполковника Андрея Павловича Пушкина, родственника Алексея Федоровича. Бывая в командировках на петровских заводах в Липецке, Осип Абрамович навещал своего зятя.

Племянник Марии Алексеевны – Алексей Юрьевич Пушкин вспоминал: «<...> Бабка покойного Александра Сергеевича, Мария Алексеевна, жила при родителях своих Алексее Федоровиче и Сарре Юрьевне Пушкиных, Тамбовской губернии, Липецкого уезда, в селе Покровском, ...Осип Абрамович Ганнибал, служивший в морской артиллерии капитаном, был послан в 1773 году в Липецк для осмотра завода; часто уезжая в село Покровское к деду моему, сосватал и женился на Марье Алексеевне».

29-летний столичный щеголь приглянулся провинциальной невесте. После свадьбы молодые жили в Муроме, где у них умер народившийся сын. Ввиду материальных затруднений Мария Алексеевна вынуждена была продать «приданую деревню». Молодые, вероятно, жили у тетки Анны Юрьевны Квашниной-Самариной в Петербурге. Осип Абрамович, «сорви-голова» и «ужас семьи» за разгульный образ жизни был в ссоре с отцом.

«За худое поведение находился он под гневом у отца своего, который не токмо чтоб давать ему на содержание – запретил ему себя видеть», – писала потом Мария Алексеевна. Ей пришлось приложить много сил, чтобы примирить отца и сына и завоевать расположение свекра. Им было разрешено жить во флигеле усадьбы «Суйда», которую Абрам Петрович приобрел в 1759 году у Федора Алексеевича Апраксина, внука Петра Матвеевича Апраксина, которому Петр I подарил эти земли после изгнания отсюда шведов. Выйдя не по своей воле в отставку в 1762 году, он почти безвыездно жил в своей усадьбе, заботливо перестраивая ее, занимаясь рачительным ведением хозяйства, в окружении семьи, родственников и именитых гостей.

21 июня 1775 года у Марии Алексеевны родилась дочь, которую назвали в честь тетки, сестры Марии Алексеевны, Надеждой. Но согласия в семье не было. Пушкин писал по этому поводу: «...ревность жены и непостоянство мужа были причиной недовольствий и ссор, которые кончились разводом».

Развод был длительным и трудным. Чтобы не заниматься этими хлопотами, Осип Абрамович увозит с собой в Красное село к своему приятелю малолетнюю дочь. Покинутая жена и несчастная мать пишет беглому супругу письмо:

«Осип Абрамович!

Несчастливые как мои, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться: когда же нелюбовь ваша к жене так увеличилась, что вы жить со мною не желаете, то я уже решилась более вам своею особою тягости не делать, а расстаться навек и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтоб дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Что ж касается до содержания, как для вашей дочери, так и для меня, от вас и от наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная служница Мария Ганнибалова».

Осип Абрамович быстро возвратил дочь, а жене желал пользоваться «златою волюстною» и подписал письмо: «...а я в последние называюсь муж ваш Иосиф Гаппибал». В 1776 году он навсегда покинул семью.

В автобиографических заметках Пушкин писал: «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы».

Ей было не до «златой свободы». Не имея средств к существованию, она поехала к родителям. «Исдержав для заплаты долгов мужа все мое движимое и недвижимое имение... покинута с малолетней дочерью и, оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в деревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни скончался», — писала позже она. Бракоразводный процесс затянулся. Устинья Ермолаевна Толстая (ур. Шишкина), вдова капитана Ивана Толстого, с которой Осип Абрамович обвенчался в Новоржевском уезде в 1779 году, была опытной ростовщицей и сутяжницей. Впоследствии она разорила не только Осипа Абрамовича, но и простодушного брата его — Исаака.

В сложившихся обстоятельствах моральную и материальную поддержку оказал дядя и крестный отец Надежды Осиповны — Иван Абрамович. Своею волею он выделил 10 тыс рублей из завещанных Осипу Абрамовичу отцом его. «Я принужденным нашелся доставить им пропитание из означенных вам денег, следовательно претензий к получению сего не имеете, сие вам покажется может быть обидно, но я считаю тем исполнить долг честного человека и доброжелательного вам брата», — извещал благодетель многострадальной невестки и племянницы. Не согласившись с этим решением, Осип Абрамович возбудил против старшего брата судебное дело, которое тянулось еще дольше бракоразводного процесса.

В январе 1784 года указом императрицы Екатерины II законной женой признавалась Мария Алексеевна. Осипа Абрамовича вместо «семилетней эпитимьи», наложенной на него консисторией, было приказано послать «на корабли» в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим содеянное им заслужить мог». Надежде Осиповне полагалась 1/4 часть имений своего отца. Но он не был согласен с этим решением. На имя императрицы посылались жалобы Осипа Абрамовича и его второй жены. Опекун Надежды Осиповны — генерал-майор Петр Абрамович Гаппибал и статский советник Михаил Алексеевич Пушкин обратились в Дворянскую опеку, которая только при поддержке Сената постановила: деревню Кобриню и м. Руново оставить в ведении опеки, а доходами с них пользоваться Марии Алексеевне с дочерью.

Имение было небольшое. Но к 1795 году в нем числилось 94 «мужска» и 114 «женска» пола крестьян. Здесь после многих лет бедствий и унижений, бабушка поэта почувствовала себя хозяйкой. Практическое чутье и хозяйственные спо-

способности помогли ей не только наладить хозяйство, но и купить в Петербурге в Преображенском полку домик, где она жила со своей дочерью, которая благодаря стараниям крестного отца, получила хорошее домашнее воспитание, была начитана, прекрасно владела французским языком, была остроумна и кокетлива. Весной и летом мать с дочкой выезжали в свое имение Кобрипо и Руново. Свежий воздух, прекрасная природа, преданность крепостных крестьян, которые при разделе недвижимого взяли сторону Марии Алексеевны и ее дочери – все это дало возможность вырасти матери поэта физически здоровой, сильной, красивой. Современники называли ее «прекрасной креолкой». Веселая, всегда оживленная, она свободно чувствовала себя и в светском обществе, имела большой круг поклонников, восхищавшихся ее красотой.

Ею серьезно увлекся (вопреки своей матери Ольги Васильевны) троюродный брат Марии Алексеевны – Сергей Львович Пушкин. Надежда Осиповна ответила взаимностью. Одобрив брак и Иван Абрамович, его устраивало то, что жених из старинного дворянского рода, но если не богат, то зато образован.

28 сентября в церкви села Воскресенского, в имении Суйда, состоялось венчание родителей поэта. Поручителями были со стороны невесты родной дядя Иван Абрамович Гапичбал «генерал поручик и ковалер», а со стороны жениха «пример майор Павел Федорович сын Малиновский» (брат будущего директора лицея Василия Федоровича Малиновского).

Сохранилось свидетельство: «Лейб-гвардии Измайловского полку поручикотрок Сергей Львович сын Пушкин, артиллерии морской 2-го ранга капитана Осифа Абрамовича Гапичбала з дочерью его девицей Надеждой Осиповой, оба первым браком». Взаимная любовь и душевная привязанность соединили их судьбы на 40 лет.

Мария Алексеевна, у которой не сложилась семейная жизнь, радовалась, глядя на счастье молодых. Конечно, ей было не легко вести хозяйство, но она была счастлива, что они «совершенно сошлись по своему знанию французской литературы и светскости», что круг их знакомых – люди известные и именитые.

Продав домик в Преображенском полку, она купила в Измайловском, где служил ее зять. Летом всей семьей уезжали в Руново и Кобрипо. Молодожены иногда жили на Суйде, любовались прекрасным парком, прогуливались по тенистым аллеям, катались на лодках на пруду, отдыхали в резных беседках на островах.

В 1797 году родилась дочь Ольга. Ее дядя Василий Львович Пушкин, известный в то время поэт, приехал на Суйду в гости и, пахоясь по впечатлениям от красоты усадьбы, написал стихотворение «Суйда»:

С каким весельем я взирал,
Как ты, о солнце, восходило,
В восторг все чувства приводило!
Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал...

К пародившейся внучке Марья Алексеевна взяла хорошо знакомую кобрипскую крестьянку Арипу Родионовну, которую знавала еще, живя у свекра. Арина Родионовна, знаменитая няня поэта, была няней всех детей в семье Пушкиных. В качестве кормилицы она была взята Марией Алексеевной еще в 1792 году к своему племяннику Алексею Михайловичу. К этому времени Арина Родионовна, выйдя в 1781 году замуж из села Воскресенского в Кобрипо за крестьянина Федора Матвеева, имела свою семью, но не имела своей избы. И только в 1795 году Мария Алексеевна в благодарность безупречной службы подарила няне в Кобрипо избу, в которой жили в основном муж и дети: сыновья Егор (1782) и Стефан (1792), дочери: Надежда (1787) и Марья (1789). Сама Арина Родионовна, оказав большую помощь в трудные годы Марии Алексеевны, став няней в семье Пушкиных, постоянно в своем доме не жила. Муж рано умер, вырастали и обзаводились семьями дети. Младшую Марью она, с согласия госпожи, увезла

в Подмоскowie, старшая Надежда потом вышла замуж за дядьку поэта – Никиту Козлова, а сама Арипа Родионовна разъезжала с господами в Петербург, Михайловское, Москву, Захарово. От предложенной «вольной» отказалась. Она была няней для всех детей в семье Пушкиных, но наибольшую привязанность испытывала к одному Сашеньке, подарив ему самое большое богатство – русское народное творчество: песни, былины, сказки. Поэт прославил свою няню в стихах, ее образ отразил во многих произведениях. Об ее замечательном даре сказительницы он писал:

Мастерица ведь была,
А откуда, что брала,
А куда разумны шулки,

Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать так душе отрадно,
И не пел бы и не ел,
Все бы слушал, да сидел...

А откуда взяла няня это богатство? Уроженка села Воскресенского Гатчинской земли, она наплатила своего питомца устными преданиями, которые он обработал и получились сказки на все времена, сказки нашей Гатчинской земли стали сказками Пушкина.

После рождения дочери Ольги Сергей Львович Пушкин в 1798 году вышел в отставку. Последнее лето этого года семья проводит в имении. Сергей Львович скучал по Москве, там жила его мать, брат Василий Львович, родственники и друзья-поэты. Несмотря на ожидание второго ребенка, Надежда Осиповна не противилась этому решению мужа.

В 1800 году Пушкины приезжали в Петербург для продажи имения. Вместе с семьей приезжал и годовалый Саша. Лето этого года провели в усадьбе, так как продажа затянулась. Вероятно, еще тогда будущий поэт впервые услышал от своих «мамушек» «предания старины глубокой». Усадьба Кобрино была продана вдове петербургского архитектора Шарлоте Карловне Жаандр, вторично вышедшей замуж за Юрия Федоровича Лисянского, который в качестве командира корабля «Нева» вместе с И.Ф. Крузенштерном, командующим «Надеждой», совершили первое кругосветное плавание. Выйдя в отставку в 1809 году, Юрий Федорович летние месяцы жил в Кобрино, где были написаны многие главы книги «Описание кругосветного путешествия корабля «Нева» в 1803–1806 годах».

В 1842 году усадьба была куплена Натальей Тимофеевной Карташевской, родной сестрой писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. К этому времени муж ее – учитель и воспитатель Сергея Тимофеевича, профессор Казанского университета, Г.И. Карташевский умер. Имея большую семью, она много внимания уделяла благоустройству усадьбы. После пожара в 1887 года дом был восстановлен на старом фундаменте и по старому плану. Красивый дом с флигелями, окруженный великолепным парком по берегам живописной речки Кобринки был местом, куда стремились приехать не только родственники Аксаковых, но и многие другие деятели культуры и литературы второй половины XIX и начала XX веков: И.С. Тургенев, Т.Г. Шевченко, М.О. Микешин, И.А. Римский-Корсаков, А.Г. Рубинштейн, З.Н. Гиппиус и Мережковский, Л.Н. Майков и П.В. Самойлов. Через земли Карташевских была проложена Варшавская железная дорога, станция была названа в честь владельцев усадьбы – Карташевская. Карташевские владели поместьем вплоть до революции, бережно сохраняя старинные реликвии.

После революции усадебный дом не стал музеем. Когда там помещалась школа, то в ней был пушкинский уголок. С 60-х годов XX века в усадьбе размещалась туберкулезная больница, которая привела здание в полную непригодность к эксплуатации. Пожар в мае 1989 года довершил разрушение.

«Московская бабушка» поэта па деньги от продажи Кобрини и Рунова купила в Подмоскowie с. Захарово, где проводил летние дни Александр Сергеевич до поступления в лицей.

Поэт хорошо помнил эту подмосковную усадьбу бабушки. В 1815 году в «Послании к Юдину» он пишет:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово: оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.

И этот дом содержала Мария Алексеевна, как и московский. Современница вспоминала: «Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести как следует, и она больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила...» К этому времени (1806 г.) Мария Алексеевна овдовела и унаследовала от мужа Михайловское. Ольга Сергеевна вспоминает: «По странной игре судьбы она кончила дни в Михайловском и погребена в Святогорском монастыре, возле своего мужа, с которым при жизни была разлучена». Супруги не виделись с 1776 года. «Московская бабушка» умерла 27 июня 1818 года, 73 лет от роду, пережив своего супруга на 12 лет. «Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга», — писал их внук в автобиографических заметках.

В Гатчинском районе в последние десятилетия много сделано для сохранения пушкинских мест. Открыты замечательные музеи: «Дом станционного смотрителя» в Выре (1972 г.), «Домик няни» в Кобрине (1974 г.). Большим подарком к 200-летию юбилею поэта было открытие музея-усадьбы Ганнибалов в Суйде. Жаль, что так долго сохранявшаяся красивая усадьба кобринской бабушки А.С. Пушкина погибает на наших глазах. Разве это не ирония судьбы: крестьянский домик Арины Родионовны сохранен и любовно воссоздан, а красивое «дворянское гнездо» Марии Алексеевны, подарившей миру мать поэта «тихо исчезает» на виду у равнодушных соотечественников.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пушкин А.С. Полное собрание соч. в 10-ти тт. 4-ое изд. Л., Наука, 1977.
2. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., «Современник», 1984.
3. Благова Д. Рассказы моей бабушки Е. П. Янковой. М., 1855.
4. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., Из-во Академии наук СССР, 1967.
5. Бурлаков А.В. Гатчинская тропинка к Пушкину.
6. Грановская Н.И. Если ехать мне случится. Л., 1989.
7. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. М., 1984.
8. Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1979.
9. Телетова Н.К. Ганнибалы — предки Пушкина. Белые ночи. Лениздат, 1978.
10. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. М., Наука, 1981.
11. Ульяновский А.И. Няня Пушкина. М., Из-во Академии наук СССР, 1940.

Лилия СОНИНА

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА БЕЛОГОРКА

История усадьбы Белогорка, из которой вырос современный поселок в окрестностях Сиверской, начинается с 1796 года, когда эти земли, как и ряд других, были пожалованы Павлом I генерал-майору Петру Малютину, который часть этих земель сразу же продал Ф.Ф. Белю. Коллежский советник Бель (1753 – 1833 гг.) был с 1805 г. по 1833 год предводителем дворянства Царскосельского уезда, куда входили эти земли.

На карте 1810 года, подготовленной генералом Шубертом к войне 1812 года, указана мыза Бея. К концу XIX века название «мыза» уступило наименованию «горка» и значилось как Бья Горка и писалось в два слова. В послереволюционное время оно слилось в одно слово – Белогорка.

Одним из последних потомков владельцев усадьбы Бея по женской линии был помещик Николай Новинский. Он женился на дочери известного российского предпринимателя из купеческого рода Александра Григорьевича Елисеева – Елизавете Александровне Елисеевой. Торговое товарищество «Братья Елисеевы», которое возглавлял один из братьев – Григорий Григорьевич, было известно всей России. Другой брат – Александр Григорьевич – занимался финансово-промышленной деятельностью, будучи членом Совета Государственного Банка и Императорского общества судоходства. Устранившись от торговли, он стал банкиром и промышленником. И Григорий Григорьевич, и Александр Григорьевич активно участвовали в благотворительной и общественной жизни.

Глава торговой фирмы «Братья Елисеевы» Григорий Григорьевич Елисеев накануне первой мировой войны уехал в Париж со своей любовницей, покинув семью и Россию навсегда. Его брат Александр Григорьевич рано овдовел. У него была единственная дочь Елизавета Александровна, которая впоследствии вышла замуж за владельца усадьбы «Белогорка» Николая Новинского. У Новинского было слабое здоровье и для его лечения пригласили известного петербургского доктора, семейного врача Елисеевых Ивана Яковлевича Фомина. В начале XX века Елизавета Александровна Новинская овдовела и вскоре вышла замуж за доктора И.Я. Фомина, который к этому времени развелся со своей первой женой Марией Ивановной Фоминой, оставив ее с двумя дочерьми.

Став госпожой Фоминой, Елизавета Александровна поселилась с мужем в Белогорской усадьбе. Она заново ее отстроила и постоянно ее благоустривала. Здесь в 1904–1906 гг. по проекту архитектора С.И. Овсянникова на ее средства построили на берегу Оредежа в старинном парке XVIII века Никольскую церковь, где Е.А. Фомина крестила своих детей – сына Платона и дочь Аллу. В 1910 году на месте старой усадьбы вырос новый сказочный терем-дворец в стиле «модерн», автором которого является инженер Владимир Петрович Тавлинов, хотя зачастую создателем этого замечательного архитектурного памятника «серебряного века» называют Г.В. Барановского.

Этот дворец явился как бы гимном любви богатой вдовы-миллионерши к популярному петербургскому врачу, обремененному семьей, но оставившему жену и детей ради этой любви. Судя по всему, А.Г. Елисеев не смог простить дочери ее скандального брака и по уверениям старожилов Белогорки, никогда не навещал усадьбу дочери.

Благодаря стараниям Е.А. Фоминой на здешних землях развивалось сельское хозяйство, устраивались сельскохозяйственные выставки, работало кирпичное и черепичное производство, благоустраивались дороги, строились и продавались дачи для горожан или сдавались на летний сезон. Для отвлечения крестьян

от пьянства и кабака близ имения были открыты библиотека-читальня, чайная – все бесплатно.

При церкви работала двухгодичная церковно-приходская школа, где учили детей не только грамоте, но и обучали ремеслу. После революции 1917 года в усадьбе «Белогорка» была открыта в августе 1925 года опытная сельскохозяйственная станция областного значения. Станцию в 1956 году преобразовали в Северо-Западный научно-исследовательский институт сельского хозяйства. С этим институтом связаны имена известных ученых-селекционеров, среди них – картофелевода Елизаветы Александровны Осиповой, не так давно трагически погибшей, и ее мужа, создателя сортов ржи, доктора сельскохозяйственных наук профессора Георгия Ивановича Попова. Сын Георгия Ивановича Попова, детство и отрочество которого проходили в этих местах, ныне популярный петербургский писатель Валерий Попов.

Мало кому известно, что наш современник, лауреат Нобелевской премии, поэт Иосиф Бродский последнее лето 1972 года перед своим отъездом в эмиграцию провел в Белогорке. Бродский ждал оформления документов на выезд за границу, но оформление затягивалось. Отлучиться куда-нибудь далеко, уехать из города поэт не мог. Все его скудные сбережения ушли на сборы. Нужны были деньги, чтобы как-то существовать. Работы постоянной у него не было, изданий его стихов, публикаций тоже не было. И Бродский вынужден был устроиться в ближайшем пригороде в сельскохозяйственный институт на полевые работы сезонным рабочим с мизерной зарплатой, чтобы не голодать.

Места вокруг Белогорки – Новосиверская, Старосиверская – связаны с именем замечательного художника Ивана Ивановича Шишкина. Он был и остается одним из любимейших художников России, истинно русским живописцем, которого современники называли певцом родной природы.

Иван Шишкин был дружен с основателем Товарищества передвижных выставок Иваном Николаевичем Крамским, который имел дачу в Сиверской. «Шишкин сразу подчинился его обаянию, и, кажется, ни один человек не имел на Ивана Ивановича такого сильного, долгого и благотворного влияния, как Крамской», – вспоминала племянница Шишкина А.Т. Комарова.

Шишкин поселился в Сиверской в 1874 году. Лето 1880 года он работал в Сиверской на натуре вместе со своей женой, молодой, талантливой художницей и его ученицей – Ольгой Антоновной Лагодой, с которой он той весной обвенчался. На следующий, 1881 год супруги снова приехали в Сиверскую, где 21 июня Ольга Антоновна родила дочь Ксению. Но вскоре после родов – 25 июля Ольга Антоновна скончалась и была похоронена в 8 верстах от Сиверской на Рождественском кладбище. Шишкин в очень тяжелом состоянии остался один с маленькими детьми. Спасла его и помогла ему выстоять сестра жены – Виктория Антоновна, которая забрала художника, вторично овдовевшего, и его маленьких детей в свой дом в деревне Старосиверской. С тех пор Шишкин не разлучался надолго с сиверской землей, где похоронили его любимую жену и ученицу, талантливую художницу Ольгу Лагоду. Окрестности Сиверской он запечатлел во многих своих полотнах.

Красота природы здешних земель уникальна. Здесь находятся участки обнаженных девонских песчаников, которые являются памятниками природы и должны охраняться государством. Из крутых, скалистых берегов Ореджа во многих местах бьют ключи родниковой воды. В одном из путеводителей по Сиверской, изданном в 1910 году, писали: «В местах с девонскими почвами воздух постоянно озонируется и действует благотворно как на животный, так и на растительный мир... Деревья, как, например, рябина, здесь достигает размеров ели. Одинаковой высоты с елью здесь и березы...» Знамениты папоротники в окрестностях Сиверской. Одна из картин Шишкина так и называется: «Папоротники в лесу. Сиверская». Замечательна картина Шишкина «Заросший пруд у опушки леса», тоже написанная в здешних местах. Но, к сожалению, в Сиверской и ее окрестностях не увековечено имя художника, равно как и других знаменитостей, бывавших или живших в Сиверской и Белогорке.

Художник А. В. Птицын в своей мастерской

**И. Радюкевич. «Гатчинский дворец» (вверху)
«Осенний пейзаж» (внизу)**

И. Радюкевич. «Оредеж»

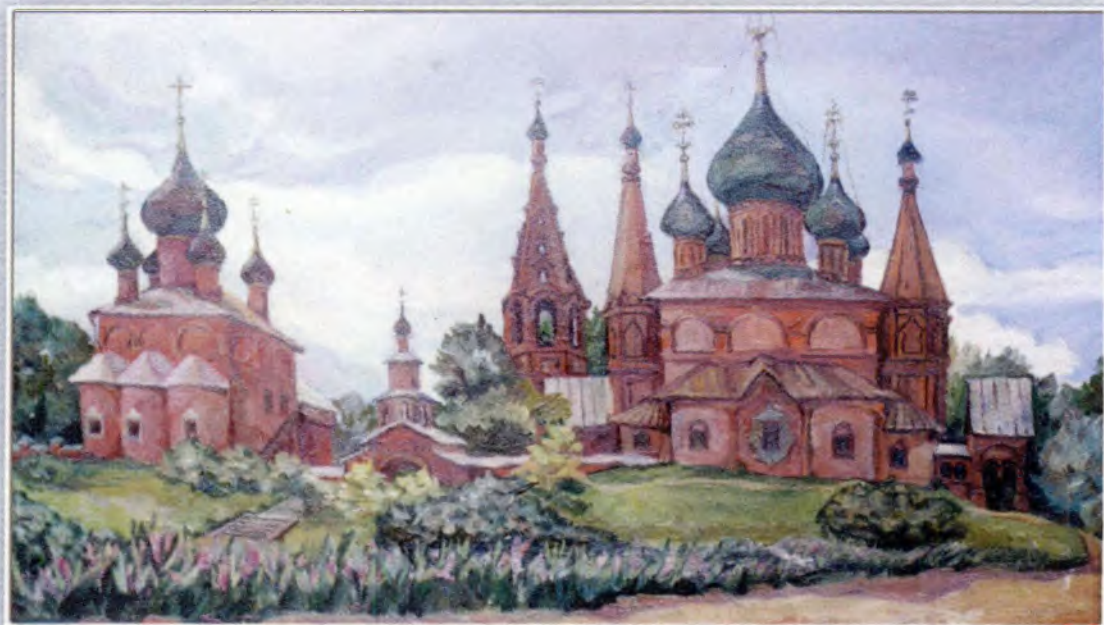

Е. Львова. «Белогорка» (вверху)
«Оредеж ночью» (внизу)

Е. Львова. «Белогорка. Русское поле»

Н. А. Златкина. «Храм на Горке» (вверху)
«Ярославские храмы» (внизу)

А. Е. Златкин. «Виноградники в Пфальце» (вверху)
«Цветы из Михайловского» (внизу)

Ю. А. Лебедев. «Зимний день» (вверху)
«Пейзаж» (внизу)

Александр СЁМОЧКИН

ТАЙНА ЧЕТЫРЕХ КРЕСТОВ

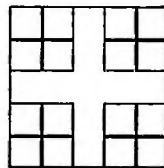
Долгие, долгие годы держала меня на коротком поводке, не давая отдалиться, старинная легенда, значимая для моей малой родины никак не менее, чем для Родины великой. Это легенда о четырех крестах, запечатавших Россию.

Я уже не помню, честно говоря, где и когда прочитал эту легенду, или канву этой легенды. Естественно, может возникнуть подозрение, что пишущий эти строки попросту выдумал все, сконструировав из ничего и саму легенду, и спекуляции вокруг нее. Но это не так. Легенда не выдумана, во всяком случае она не выдумана мною, потому как предоставить гарантии того, что она вообще не выдумана, я, по понятным причинам, не смогу. Как и большинство древних сказаний, это наверняка несет в своей основе если и не исторический факт, то факт мистического народного самосознания, а это, согласимся, само по себе уже немало.

Итак, во времена весьма давние, в поры княжения не то Ярослава Мудрого (1054), не то Владимира Мономаха (1053–1125) над территорией тогдашней Руси был произведен мистический акт, названный современниками запечатыванием четырьмя крестами. В чем конкретно он состоял, нам неизвестно: может быть это было строительство специальных храмов и храмовых комплексов, возможно и подземных – крипт, с помещением в них неких святынь, или же это просто были особые богослужебные акты, совершенные на всех четырех углах тогдашней России.

Само по себе это «запечатывание» действительно напоминает в таком случае запечатывание пакета или письма четырьмя сургучными печатями на углах, а зрительно его лучше всего отображает знак ордена Гроба Господня. Этот орден выдается за выдающиеся заслуги перед Христианской Церковью, и вручается он чрезвычайно редко, так что в целом поколении могут быть лишь один-два кавалера этого ордена. Знак ордена выглядит так:

Внешний квадрат символизирует собой землю с ее «четырьмя сторонами». Это, конечно, определенный антропоморфизм: земной горизонт округи, но у меня, наблюдателя, есть то, что спереди, то, что сзади и то, что справа и слева от меня – те самые четыре стороны света, которые позже закрепились в названиях север, запад, юг, восток.

Большой равносторонний крест в квадрате означает освященную землю, а сам такой крест называется греческим. Тут действительно все сходится, поскольку русская земля была освящена при равноапостольном князе Владимире именно греческим крестом, у нас и священники и архиереи были до середины XI века греки.

Малые же кресты по четырем углам «земли» и есть предмет нашего разговора. Если это все изобразить, скажем, на кальке и наложить эту калечку на карту Древней Руси XI–XII веков, то левый верхний малый крест придется как раз на нашу местность. Она в те поры действительно была северо-западным углом Руси – севернее шли племена ижора, савакота и корела, а западнее – чудь белоглазая и емь – все финно-угры второй волны, народ хоть и не агрессивный, но иной в языке, нравах и обычаях. Сколько-то связанная цепочка славянских поселений была по реке Луге и по северному течению Ордежа, между ними располага-

лась так и не востребованная человеком земля, где земледелие невозможно. Мощной полосой протянулась эта болотно-таежная зона от южной Ладogi до Чудского озера, в ней и сейчас на десятки километров – ни дорог, ни полей. Особоенно плотная тайга стояла на огромном – в тысячу квадратных километров – куполе Ижорского плато, робко освоенном ижорцами в его восточной части. В период расцвета Великого Новгорода и его побратима Пскова, пришедшиеся на XIII–XIV столетия, сюда, на Ижорское плато, хлынет толпа смердов – переселенцев из уже перенаселенных районов Деревской пятины – и великая тайга будет уничтожена почти в одночасье, выжжена и распахана земля, сотни крохотных деревень населят плато, и хлеб, хлебушек, черная рожь и белая полба поплывут в господин Великий Новгород и далее, по Европам, кормя шваба и голштинца.

Но это будет потом, когда орды Бату-хана разорят Киевскую Русь, а новгородскую не тронут промыслом Божиим, и будет Новгород велик, богат и кичлив: «Кто против Бога и Велика Новгорода?!»

Пока же ижорское плато почти не заселено, а по верхнему Оредежу плотненько сидят погосты: Николо-Грезневский, Спас-Орлинский, Суйдинский да чуть северней – Дяглицкий. Погост – это храм, да вечевая площадь, она же торговая, «гостевая» (гаст по-свейски, по-варяжски – купец), да какая-никакая дорога, никакая – по земле через болота, а какая – по речке да по озеру, что не в пример надежнее, безопаснее и быстрее. Потому-то и легко в нашей местности со смешанным от века населением отличить русскую деревню от финно-угорской: первые сидели «на воде», вторые – на сухих водоразделах. Это не мода и не эстетика, а чистый прагматизм – финно-угру нужны земли для пашни и огорода, славянину – луга для скотины и транспортная (лучше – водная) веточка, которую он станет использовать не только для общения и торговли, но и для, увы, грабительских набегов на соседей.

Вроде и не пристало говорить такие вещи о своем нарсде, да только куда ее, правду, денешь? Вспомним легендарных ушкуйников новгородских – этот славянский вариант викинга. Молодые ребята, от 15 лет и старше, крепкие и озорные, сбивались в ватажки и ватаги, числом до 200, и на стругах – ушкуях «гуляли» не только по родному Волхову, но и по Волге, доходя до персидских берегов. Озорвали они крепко, обижен от них был волжский народ от Казани до Астрахани. Порой доставалось и самим, а в один из походов астраханский хан принял у себя ватагу удальцов, устроил им пир, но добавлено было в питье снотворное зелье. Ночью, спящих, их всех порешили, и целую неделю астраханцы услаждали свой взор пирамидой из 240 удалых голов на центральной площади.

Взвыл Великий Новгород, потому как ватага эта состояла из сыновей самых именитых граждан города, приняло городское вече закон, запрещающий ушкуйничество навсегда, да только и позже, до самого разгрома Новгорода Иваном III продолжали ходить рискованные ребята и на веслах, и парусом, высматривая, где что плохо лежит.

Однако вернемся к нашим погостам. «Погост Велика Николы на речке на Грезне» располагался на восточной окраине теперешнего села Рождествена, там, где заканчивается усадебный парк. Спас-Орлинский погост был в селе Орлино примерно на том месте, где сейчас стоит храм. Суйдинский же погост находился где-то между сегодня существующей деревней Погост над рекой Суйдой и урочищем Елицы, точнее сказать трудно.

Однако только один из указанных погостов имеет свою собственную легенду и этим как бы поддерживает, подтверждает, подстраховывает легенду общую. Это Никольско-Грезневский погост, с его центром и сердцем – храмом Велика Николы. И прежде, чем излагать местную легенду, связанную с этим храмом, нужно, по-видимому, разобраться с его названием. «Великий Никола» – агнографический нонсенс на сегодня: святителя Николая, архиепископа из города Миры в малоазийской Ликии, называют Николаем Угодником, Чудотворцем, Николаем Мирликийским, но эпитет «Великий» к нему не прилагается, в отличие, скажем, от Василия Великого (IV век) или Григория Великого (VI век). Но в средневековые такая форма вполне могла быть устойчива хотя бы потому, что культ Николая

Угодника был на Руси наиболее распространен, гораздо более, чем, скажем, культ Богородицы, недаром существовала поговорка: «Никола – русский Бог».

Так вот, в начале XVI столетия, во всяком случае – в первой его половине, храм Велика Николы на речке Грезне таинственно исчез в одну ночь, так что утром пришедшие служки к вящему ужасу своему храма не обнаружили, а на месте его зияла глубокая воронка. Понятно, какие суды и пересуды вызвало в населении это исчезновение, а когда через десяток-другой лет сюда пришли шведы на правах новых хозяев (Москва, сожрав Новгород, не смогла удержать северные земли), стала ясна и причина исчезновения храма – святыня не может быть поругана иноверцами.

В самом деле, практически в это время в Швеции происходил процесс реформации, когда католическая вера повсеместно вытеснялась протестантизмом лютеранского толка, а в эпоху Густава Вазы (начало XVII столетия) протестантизм победил окончательно и стал государственной религией. И уж коли мы с ортодоксальными католиками не смогли ладить, тем более враждебно обе христианские церкви относились к протестантам всевозможных толков.

А если учесть, что по Столбовскому миру 1617 года между Россией и Швецией почти вся Ингерманландия, древняя Инкери-Маа, отходила шведской короне «на вечные времена», тем более ясно, что исчезновение церкви было актом политическим и означало оно неприятие нового статус-кво в мистическом плане. То есть уйдут завоеватели, поднимется северная Россия в славе – тогда и древняя церковь явится из-под земли с сияющим крестом и гремящими колоколами.

Понятно, что такая судьба уготована далеко не всякому храму. Другие могут и погибнуть, и обветшать и развалиться, но только вот этому даден свыше талан быть индикатором, так сказать, духовного климата страны.

Тут, естественно, и смыкаются обе легенды, поскольку такие сверхвозможности могут быть дадены особо выделенной святыне, скажем, той, которая есть малый крест знака Гроба Господня.

Со снижением уровня мистического зрения, происходившего в нашей стране с 18 столетия, легенда о четырех крестах почти умерла, во всяком случае откопать упоминание о ней в 70–90-е годы XX века было весьма трудно.

Местная же, рождественская, легенда о провалившемся храме неожиданно нашла косвенное себе подтверждение в конце 60-х, когда ехавший по старой дороге за парком трактор ухнул на 6-метровую глубину. Тракторист отделался тогда не совсем легким испугом, трактор из провала вытащили, пробовали и яму образовавшуюся засыпать всякой дрянью, да только ничего не вышло – яма всасывала в себя все и меньше не становилась.

Так рождественцы обнаружили, что живут они в карстовой зоне и что карсты – многочисленные пустоты в красном оредежском песчанике – пронизывают всю местность на относительно небольшой (20–25 м) глубине. Этот лабиринт имеет многочисленные выходы наружу в виде небольших пещер, точнее, гротов, в виде щелей и нор в красном песчанике, коими обильны обрывистые берега Оредежа, что в районе Батово-Рождествена, что в Сиверской-Белогорке.

Вокруг почти каждой из этих, в общем-то скромных, дыр в земле клубится глухой туман слухов, преданий, фантазий на тему спрятанных сокровищ и лихих человеков, да только где же в благословенном нашем отечестве подобного добра нет?

Однако в конце 80-х годов нашего века некая группа исследователей-энтузиастов, называющая себя спелеологами, предприняли дерзкий штурм наших подземелий, надеясь разобраться и с исчезнувшим храмом, и с кладями, и с тайными подземными ходами. Экипированы ребята были слабо, денег на сколько-нибудь продолжительную экспедицию, конечно, не было, покопались они в наших провалах сезон, на второй же вышли на подземную реку, которая течет параллельно Грезе на глубине 20 метров, что-то их там основательно спугнуло, и большие поиски не возобновлялись. Правда, еще через год была привезена некая новейшая аппаратура, долженствующая фиксировать любую аномалию, и на нее, на аппаратуру, возлагались большие надежды по части определения точного места

именно древнего храма. Однако, когда выгруженную аппаратуру решили проверить, как она перенесла транспортировку, и включили ее, стрелки индикаторов рванули вправо и замерли на максимуме. «Ну, ребята! Ну и фон у вас!» – возмущенно сказали физики и уехали ни с чем.

Так и не далась в руки тайна, и даже краешек свой не приоткрыла – молчит земля, журчит вода, шумят огромные сосны, тенькает синий поползень. Как и триста, и пятьсот лет назад.

Вот и думается – да стоит ли копать? Легенда тайной душу греет, а холодный разум сушит душу. Что пользы узнать доподлинно, что не было, скажем, никаких крестов кроме кладбищенских на этой земле, если душа давно и еще более доподлинно знает – есть крест, им живет, им дышит и одухотворяется вся эта дивная местность, и уж коль человек этого не ощущает кожей, сердцем, печонкой – никакими научными фактами его не исправишь. А потому: слава Богу за все! Благословенна буди, Земля!

Андрей БУРЛАКОВ

ТОПОНИМИКА* СУЙДИНСКОЙ ЗЕМЛИ, ИЛИ КТО ПРИДУМАЛ ЭТИ НАЗВАНИЯ?

Краеведческие очерки

НЕ ПОМНЯТ ДАЖЕ СТАРОЖИЛЫ

Мне было лет пять или семь, когда я впервые услышал от суйдинских старожилов странные и загадочные названия, которыми были наречены местные селения и улицы, дороги и поля, леса и возвышенности, ручьи и болота, и даже погосты. Не знаю как другие, а я рос мальчиком любознательным и, наверно, чересчур любопытным. Все эти названия я не только запоминал, но и когда стал уже постарше, пытался хоть что-нибудь узнать о истории их происхождения. Расспрашивал соседних стариков и старух, которые родились еще в XIX столетии и помнили немало интересных преданий. Что-то мне рассказывала моя прабабушка Анастасия Михайловна Тужилова, урожденная Каймашникова (1894–1976 гг.), а также дедушки и бабушки, другие родственники. Их повествования я записывал в особой тетради. Но о многом я так и не мог ничего узнать. Дух захватывало только от перечисления этих названий. Вот лишь некоторые из них, пожалуй самые оригинальные: Дамкина гора, Черный лес, Дурацкий ручей, Золотое дно, Цыганский поселок, Поповское поле, Чуповка, Красивая дорога, Конское кладбище. Удивительные названия возникали словно из сказки. И кто их мог только придумать?

Сразу же признаюсь, что одно из названий своим рождением обязано именно мне. И человек, имя которого оно носит, живет в Суйде. Так что и сегодня можно стать автором новых топонимов. Рассказ о том, как же у меня это получилось, читайте в одной из следующих глав. Мне же хочется вспомнить о самых старых названиях суйдинской земли. Сейчас они уже почти забыты, употребляются редко, а в XXI веке исчезнут из народной памяти совсем.

— А почему это поле называется Поповским? — теребил я своего двоюродного деда, уроженца села Воскресенского Ивана Осиповича Мидина (1905–1989 гг.), живущего по соседству. — Здесь, что поп жил? — не мог я успокоиться. Тот только пожимал плечами, но потом вдруг вспоминал. — А ты знаешь, мне еще бабка Анна в детстве рассказывала, что там раньше, на Старом кладбище, была церковь. Так вот вся земля вокруг нее, наверно, священнику и принадлежала. Но а мужики-то прозвали ее «поповской».

Поповское поле было для меня каким-то особенным. Оно располагалось за бывшим Старым кладбищем, вдоль шоссе Гатчина – Вырица, до самого полотна Варшавской железной дороги. Поле пересекала дорога из Суйды в поселок Высоко-Ключевой. И все, что находилось рядом с заброшенным кладбищем, в центре которого возвышалась гранитная стела на символической могиле А.П. Ганнибал, брошенной в кустах ажурный чугунный крест, камни-валуны и даже сама уставшая от обильных урожаев серая земля казались мне очень старыми.

* Топонимика — наука о происхождении географических названий.

Старожилы утверждали, что еще раньше все это поле называлось **Монастырским**. В данном случае предание о существовавшем в древности монастыре впоследствии нашло свое подтверждение в документальных источниках. Несколько веков назад в районе Старого кладбища действительно стоял монастырь. Его разрушили (видимо сожгли, т. к. он был деревянным) шведы в 1612 году. И следов от него не осталось. А вот погост с каменными крестами еще долго сохранялся в Суйде. Уже в петровское время, когда владельцем этих мест стал один из героев Северной войны, граф П.М. Апраксин, на месте бывшего монастыря было возведена церковь Воскресения Христова. Вокруг храма снова появилось кладбище, а отведенная церковному причту земля стала называться среди прихожан «Поповским полем». Этот надел земли, позднее значительно урезанный (через поле в 1857 году прошла Варшавская железная дорога) принадлежал Суйдинскому храму до самой революции.

Могила А.П. Ганнибала на Старом суйдинском кладбище. Фото 1985 г.

Сейчас здесь поля опытно-производственного хозяйства «Суйда». Старое кладбище не сохранилось. Оно было уничтожено в 1976 году. Теперь на его месте картофельное поле. Гектар картошки смог заменить хозяйственникам память о знаменитом предке Пушкина! На Поповском поле часто находят старинные монеты. В 1987 году учащийся Высоко-Ключевой средней школы Алексей Беляков нашел здесь медную «Денгу» 1738 года, которую он подарил Музею истории Суйды. Это была первая интересная находка на моей памяти.

В прошлые времена вокруг Суйды простирались прекрасные леса. На высоких буграх росли корабельные сосны, ели и огромные березы. Изобилие родников, чистейший воздух, свой, какой-то особый микроклимат делал эту местность привлекательной в дачном отношении. Современников восхищала девственная природа края. Художник Илья Ефимович Репин, живший с семьей на даче своего брата, музыканта оркестра Мариинского театра В.Е. Репина, в одном из писем в 1890 году писал:

«Завтра утром еду на дачу, к детям. Какой там у них рай!...»¹ В другом письме он сообщал: «Дети мои па Суйде, у них очень хорошо, и я был там уже три раза по приезду. Делали прогулки, катались на лодке и верхом. Какой воздух!...»²

В 1889 году близ станции Суйда появился лесопильный завод немца Шпигеля. Именно он за короткий срок поглотил сотни гектаров леса вокруг Суйды. Предприятие считалось крупнейшим в регионе, в 1897 году оно производило около 42-х тысяч тонн строительных материалов в год. Завод работал до 1931 года, а потом был закрыт. То, что не уничтожил он, беспощадно уничтожали довоенные и послевоенные жители поселка Высоко-Ключевого. Постаралось и опытно-производственное хозяйство «Суйда», проводившее мелиорацию в бассейне реки Суйды. Много вреда нанесли местным лесам за годы перестройки самовольные рубящие. Сейчас остались лишь небольшие кусочки зеленых островков. А еще сохранились названия – единственные доказательства о былой славе суйдинской природы...

Красивая дорога – старинная дорога от бывшей усадьбы «Суйда» в сторону леса, по направлению па восток. Ранее она была обсажена березами.

Золотое дно – болото в 5 километрах от Суйды, в прошлые времена самое клюквенное место.

Березовая роща – фрагмент леса в поселке Высоко-Ключевом, рядом с бывшей усадьбой «Паулиновка». В довоенные годы это было любимое место отдыха дачников.

Розенский ручей – приток реки Суйды. Он протекает по границе двух бывших усадеб «Елицы» и «Сиворицы», в 6 километрах от поселка Суйда. При пересечении дороги Суйда – Никольское, во II половине XIX века, па сиворицком берегу ручья находилась беседка, обсаженная розами.

Дамкина гора – возвышенность севернее Суйды, близ леса, среди поля опытно-производственного хозяйства «Суйда». Высота горы 92 метра над уровнем моря. Здесь в прошлые времена располагался хутор финского лесника Адама (фамилия не установлена). Хутор перестал существовать в тридцатых годах XX века.

Черный лес – ранее дремучий еловый лес между поселком Высоко-Ключевым и деревней Вопша, сейчас поле опытно-производственного хозяйства «Суйда».

Елицкая гора – возвышенность па юго-западе от Суйды, близ леса, в живописном месте, недалеко от реки Суйды. Это самая высокая точка в окрестностях Суйды. Высота горы 101 метр над уровнем моря. В прошлом па вершине горы располагался усадебный дом Елицкого поместья.

Дурацкий ручей – приток реки Суйды, ныне не существующий. Он находился между полотном Варшавской железной дороги и деревней Погост. Ручей обозначен па межевых картах II половины XIX века. Утрачен в послевоенные годы, во время мелиорационных работ, вместе с окрестными родниками. Происхождение названия не установлено.

Горчаков лес – почти не сохранившийся лесной массив между полотном Варшавской железной дороги и деревней Пижмой, к северу от Суйды. Свое название лес получил по фамилии владельца местной усадьбы отставного штабс-капитана Ивана Александровича Горчакова. Усадьбой он владел с 1862 года. В конце XIX века Горчаков состоял председателем Царскосельской уездной земской Управы. Умер он в Суйде в 1910 году и был похоронен па Старом кладбище.

Каменистая гарь – земельный участок, расположенный примерно между селом Воскресенским и деревней Пижмой. Ранее на этом месте находился лес, который был уничтожен пожаром. До 1884 года участок принадлежал

¹ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах. М., 19. Т. 1. С. 369.

² Там же. С. 371.

пижемским крестьянам, а впоследствии перешел в собственность к помещику И.А. Горчакову. Это название упоминается в ряде документов по земельным делам начала XX века.

Сосновый бор – полностью вырубленный лесной массив между селом Воскресенским и поселком Высоко-Ключевым. С 1937 года здесь находится воинская часть.

Высокая елка – одиноко стоящая гигантская ель рядом с дорогой Суйда – Никольское, на территории бывшей усадьбы «Елицы». Погибла от старости в 1970-х годах.

Меньковский бор – чудом уцелевший лес между поселком Прибыtkовo, селом Никольским и деревней Меньково, на правом берегу реки Суйды. В прошлом самое грибное место. Этот бор упоминается в рассказе писателя Леонида Борисова «Прогулка». Его герой – Александр Грин в начале XX столетия совершил прогулку по дачным местам, расположенным по Варшавской железной дороге и посетил Меньковский бор.

Княжеский лес – частично сохранившийся обширный лесной массив от деревни Кобрино до поселка Вырица. В последние два десятилетия лес значительно поредел от нашествия садоводств. До революции этот лес принадлежал известному княжескому роду Виттенштейнов. Их усадьба располагалась в Дружноселье, близ Сиверской. В прошлые времена в княжеском лесу устраивались великосветские охоты, в которых участвовали местные жители.

Лесное озеро – искусственный водоем, созданный в послевоенные годы в лесу, в 7 километрах от Суйды, близ села Никольского. Излюбленное место отдыха дачников.

Горенкова горюшка – небольшая возвышенность близ села Воскресенского, по дороге к реке Суйде. Фамилия Горенковых сейчас одна из самых распространенных на суйдинской земле. Ее представители имеют древние корни, уходящие еще к эпохе Гашибалов.

Николаевская дорога – старинная дорога от села Воскресенского в сторону леса, по направлению на юг, к месту бывшей усадьбы И.А. Горчакова. Происхождение названия не установлено.

Древняя Суйда хранит немало загадок Старожилы уже не помнят, почему одно из мест на окраине деревни Погост, в 4-х километрах от Суйды, называется **Конским кладбищем**. Мне удалось установить, что здесь в начале XVIII века были похоронены лошади, павшие на полях сражений в результате победоносной Северной войны. Эти лошади принадлежали как простым, так и именитым людям. В 1702 году ископно русская земля, захваченная шведами, вновь вошла в состав Российской империи.

С петровских времен это кладбище охранялось и к нему был даже приставлен сторож. Следы захоронений – земляные горки, а в некоторых местах небольшие каменные глыбы, оберегались в Погосте вплоть до конца XIX столетия. Впоследствии к бывшему Конскому кладбищу вплотную приблизились новые крестьянские усадьбы. Самый первый дом здесь построила семья Ковалевских, приехавшая сюда из Варшавы. Именно Ковалевские незадолго до революции обнаружили на своем участке «Старые кости огромных размеров, почерневшие от времени»¹. Подобные находки случались в деревне Погост в довоенные и послевоенные годы. Находили и человеческие кости, а также старинные русские и шведские монеты. Но официальных раскопок этого кладбища никто не проводил. Уроженка Погоста, жительница поселка Высоко-Ключевого Мария Ивановна Иванова, в девичестве Ковалевская (1913–1995 гг.) вспоминала:

«В 1943 году фашисты угоняли их семью в рабство, в Прибалтику. На своем участке она вместе с матерью прятала в землю некоторые ценные вещи. Выкопали яму и на глубине около одного метра обнаружили кости каких-то живот-

¹ Иванова М.И. Воспоминания о прошлом. Архив музея-усадьбы «Суйда». Высоко-Ключевой, 1990.

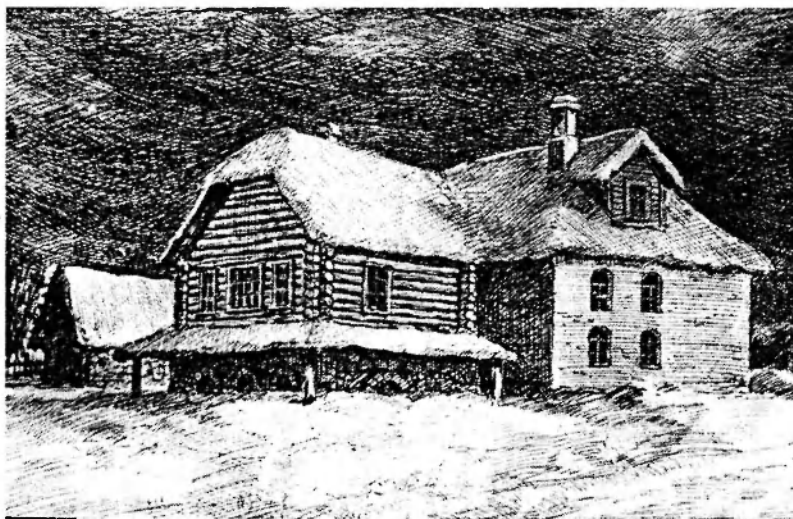
ных и металлическую бирку с надписью «Кия 246». Бирка была явно старинная, может быть бронзовая. Она долго хранилась после войны, а потом потерялась»¹.

Много веков пасчитывает история самой деревни **Погост**. В 1872 году известный археолог, профессор Лев Константинович Ивановский, проводил здесь археологические раскопки. Он раскопал несколько курганных могильников, которые находились юго-восточнее деревни Погост, недалеко от усадьбы «Елицы», и обнаружил немало интересных реликвий XI–XII веков. Все находки были переданы в Исторический музей.

ПЬЯНАЯ СУЙДА

Вечная тайна топонимики гатчинской земли – само название **Суйды**. Сейчас это географическое название носят река, железнодорожная станция, поселок, опытно-производственное хозяйство и музей-усадьба (бывшее поместье А.П. Гангубала – прадеда А.С. Пушкина).

Суйда – очень древнее селение. Впервые она упоминается в повгородской летописи 1499 года. В то далекое время селение было центром Суйдинского погоста, одного из административных округов Водской пятины Великого Новгорода. Здесь существовал женский монастырь, в котором жили черницы. При монастыре была своя церковь «велики Никола» и кладбище². Суйда – непонятное реликтовое средневековое слово, и как оно переводится точно не знает никто. Однако краевед Ангелис Николаевич Лбовский (1898–1955 гг.) утверждал, что Суйда – это водское слово и в переводе означает «уздечка». А как известно, племена водцев и ижорцев действительно населяли наш край до прихода сюда славян. Кстати, у финнов, которые появились в окрестностях Суйды в XVII веке, есть значение «suo». Это слово переводится с финского языка как болото. Интересно, что в прошлом и позапрошлом веке в старинных документах Суйду нередко именовали Суйдой. Даже Гангубал в завещании именно так называл

Усадьба А.П. Гангубала в Суйде. Рисунок А. Васильева. 1753 г.

¹ Иванова М.И. Воспоминания о прошлом. Архив музея-усадьбы «Суйда». Высоко-Ключевской, 1990.

² Бураков А.В. Суйдинские храмы. Буклет. Суйда, 1992. С. 3.

свою мызу. Читателю будет любопытно узнать еще и о том, что в XIX столетии в Ямбургском уезде, близ станции Котлы, находилась деревня с названием Суйда-Горка, а в Сиверской еще не так давно проживала семья по фамилии Суйда.

В старину село Воскресенское называлось Суйдой. Это уже после постройки здесь церкви в 1845 году за селом было закреплено новое имя – Воскресенское, в честь храма Воскресения Христова. Сейчас на окраине древнего села возведена новая церковь, тоже Воскресенская, пятая по счету на суйдинской земле.

В прошлые времена село Воскресенское имело свое особое прозвище. Бывшую Суйду наши предки называли «Пьяной». Дошло до того, что в официальных справочниках о населенных пунктах Санкт-Петербургской губернии Суйду называли «Пьяной». Даже популярный путеводитель «Куда ехать на дачу?», изданный В.К. Симанским в 1892 году сообщал: «Суйда (51 верста от СПб). Село Суйда или Воскресенское Царскосельского уезда, при р. Суйде, имеет 1 православную церковь и до ста дворов с 465 жителями: в просторечии называется «пьяною»¹.

Почему же Суйда называлась «пьяной»?

Обратимся к истории. По числу трактиров и кабаков она тогда лидировала во всей округе. В 1900 году их было больше десятка. Самое известное питейное заведение здесь содержал житель села Воскресенского, крестьянин Степан Иванович Ванюшин. Его трактир сгорел при пожаре в 1904 году, а вот дом хозяина, построенный еще в 1848 году сохранился. Сейчас это самый старый крестьянский дом в селе. Он и сегодня принадлежит потомкам трактирщика – Ванюшиным. Суйдинский дачник, литератор Евгений Чернобаев, в 1913 году писал в газете «Жизнь Царскосельского уезда»:

«Что такое Суйда? Прежде всего станция северо-западных железных дорог, находящаяся в 50 верстах от Петербурга и в 8 верстах от Гатчины. Далее: село Воскресенское – Пьяная Суйда тож... К большому сожалению, хорошие заработки на месте и близость Гатчины, которая является местом для сбыта молочных продуктов, огородных овощей, домашней птицы, скота, дров и сена, не идут в прок местному крестьянскому населению, которое как будто старается изо всех сил оправдать приватное, но официальное название села Воскресенского – Пьяная Суйда. Пьют у нас не только взрослые, в том числе женщины, но и дети от 10–12 лет»².

Конечно же, паходились в Суйде люди, которые пытались бороться с пьянством. Прежде всего это делал священник Николай Быстряков, но все было напрасным и немногие становились трезвенниками. В 1915 году в Суйде было учреждено Общество борьбы с пьянством. Но пить все равно бросили немногие и содержатели питейных заведений (или как их тогда называли шинок) богатели за счет обнищания своих постояльцев. Не помогли и открывшиеся здесь чайная, библиотека, театр... В начале XX века пивная появилась в дачном поселке Высоко-Ключевом, близ станции Суйда. Дом, в котором она размещалась, уцелел до наших дней. Его нынешние владельцы рассказывают, что по преданию эту пивную когда-то удостоил своим посещением сам Федор Иванович Шалапин, бывавший в Суйде.

История повторяется. На суйдинской земле и в наши дни пьют также много, как и раньше. Местные старожилы, давно уже покойные, говорили мне, что винокурный заводик имел у себя в усадьбе сам Гашибал. Может быть, поэтому с давних времен и пьют здесь крестьяне. Между прочим и Арина Родионовна, уроженка Суйды, няня Пушкина, выпить любила. Хотя пушкинисты этот факт из ее биографии всегда почему-то опускают. Вот какой словесный портрет пияни

¹ Симанский В. К. Куда съехать на дачу? Справочник. СПб., 1892. С. 74.

² Чернобаев Е. Письма из Суйды. – Жизнь Царскосельского уезда. 1913, 14 декабря. С. 4.

приводит приятельница поэта и его соседка по Михайловскому имению Проксавья Александровна Осипова:

«Арипа Родионовна была старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком – любила выпить»¹.

Кроме Пьяной Суйды здесь есть и другие местные названия. Так, например, часть села Воскресенского от кладбища до повой церкви, среди жителей именуется «Чуповской». Она появилась в послевоенное время. Чуповка стала продолжением Центральной улицы (шоссе Гатчина – Вырица). Все дома здесь новые. Единственный дом, сохранившийся в Чуповке с довоенных пор, это дом Горенковых. У многих на слуху название **Цыганский поселок**.

– Вы где живете? – спрашивают друг друга жители поселка Высоко-Ключевого. – В Цыганском поселке?

Понятно кому он обязан своим названием. В шестидесятые-семидесятые годы несколько цыганских семей поселились в северной, самой отдаленной от Суйды части обширного поселка Высоко-Ключевого. Впоследствии, специальным постановлением, их переселили в другие населенные пункты Ленинградской области. А название, закрепленное ими осталось. В 1977 году на карте этого же поселка появился сосновый парк, которому было дано название «**Парк Новой конституции**». Своим рождением он обязан тогдашнему депутатскому корпусу Воскресенского сельского Совета. Наконец, в поселке Суйда есть место, которое уже несколько лет называется «**Литвиновской**». Это название придумал я, еще в пору своей молодости, будучи тогда директором Суйдипского дома культуры и музея истории Суйды на общественных началах. А дело было так. В 1988 году в охранной зоне бывшей усадьбы А.П. Ганнибала, по указанию директора опытно-производственного хозяйства «Суйда» Владлена Максимовича Литвинова началось строительство каменных коттеджей. Их возведение продолжалось много лет и наконец завершилось. Ни областная инспекция по охране памятников истории и культуры, ни протесты академика Д.С. Лихачева и пушкинистов, ни мои статьи в газетах остановить это строительство уже не смогли. Безобразные коробки странной архитектуры совсем не украсили Суйду. Они вторглись в святыне пушкинские места. Коттеджи образовали целую улицу. Эту новую часть поселка Суйда я назвал «**Литвиновской**». Моему примеру последовали и местные жители. Бывший директор до сих пор в обиде па меня. Официально же новая улица стала называться «**Красной**».

Арипа Родионовна – няня А.С. Пушкина.
Барельеф на кости, выполненный
Я.П. Серяковым. 1840-е гг.

¹ Рассказы о Пушкине, записанные К.А. Тимофеевым // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.; Л., 1985. Т. 1. С. 432.

В УСАДЬБЕ ГАННИБАЛА

В бывшем суйдинском поместье еще многое напоминает о прошлом. И старинный ганнибаловский флигель, небольшую часть которого сегодня занимает музей, и службы и сам парк с сохранившейся планировкой эпохи прадеда А. С. Пушкина. О «черном» барине, знаменитом хозяине Суйды, до сих пор напоминают здесь исторические названия: Ганнибаловское поле, Мокрый луг, Купальная аллея, Старая мельница...

Петр I с арапчепком
(предположительно А. П. Ганнибалом).
Художник А. Шхонебек. 1705 г.

Уроженец далекой Африки, крестник и сподвижник Петра I, генерал-инженер русской армии, военный инженер и известный государственный деятель России своего времени, Абрам Петрович Ганнибал, несомненно был человеком легендарным. Его загадочная личность и сегодня не даст покоя многим исследователям отечественной истории.

Весной 1759 года исполнилась долгожданная мечта Ганнибала, который уже давно желал иметь загородную виллу под Петербургом. Он покупает мызу Суйду с приписанными к ней деревнями. После выхода в отставку в 1762 году Ганнибал почти безвыездно поселился в своем новом поместье в окружении многочисленного семейства. Как сообщает его «немецкая биография», он уединился от государственных дел в Суйде и «начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое»¹. Большое значение он придавал благоустройству усадьбы. На ганнибаловский период приходится расцвет сельскохозяйственной славы Суйды. Высокопродуктивное крепостное хозяйство велось в поместье на самом высоком

уровне. Характерной чертой землепользования было сохранение взаимосвязанных между собой лесных сообществ – коренных ельников и сосняков, практически не восстанавливающиеся естественным путем после вырубки. Следует отметить, что освоение земель под пашни носило выборочный характер, что обеспечивало сложную структуру агроландшафта и, следовательно, его стабильность. В оставленных среди полей небольших рощах селились санитары полей – птицы. Эти же рощи являлись регуляторами водообмена на барских угодьях. Для получения органического удобрения аккуратно использовались болота. Нагрузка на пастбища была тоже оптимальной и не приводила к переуплотнению почв. Уцелевшие остатки березовых аллей вдоль дорог, пахотных землях около бывшей усадьбы «Суйда», указывают на очень продуманную некогда нарезку полей. Кроме того, эти лесополосы являлись незаменимыми элементами, укрепляющими агроландшафт, ослабляли влияние засух и заморозков, способствовали снегозадержанию и, наконец, украшали местность.

Прадед Пушкина усердно занимался агрономической наукой. При нем в Суйде местные крестьяне стали выращивать картофель, который в то время считался диковинкой. Гордостью усадьбы были оранжереи. Несмотря на наш суровый климат при Ганнибале здесь выращивались лимоны, абрикосы и персики. Особое внимание он уделял развитию земледелия. Ведь почти половине всех

¹ Бурлаков А. В. В деревне, где Петра питомец... Буклет. Суйда, 1999. С. 1.

его земель составляли пашни. До сих пор огромное поле близ бывшей усадьбы, расположенное вдоль шоссе Гатчина – Вырица, между **Березовой аллеей** и садоводством **Красная дача** называется **Ганнибаловским полем**. В 1982 году труженики опытно-производственного хозяйства «Суйда», прокладывая здесь подземный дренаж, обнаружили на бывшем историческом поле водоотводные глиняные водоотводные гончарные трубы, украшенные глазурью двухсотлетней давности. На переувлажненных землях они сыграли в прошлом немалую роль, обеспечивая устойчивые урожаи.

Заботился «Арап Петра Великого» и о своем усадебном парке. В то далекое время он был гораздо больше, чем сейчас, и состоял из двух частей: **Верхней** (регулярной) и **Нижней** (пейзажной). При Ганнибале в парке появилась уникальная достопримечательность – **Каменный диван**. Первоначально он располагался на **Мокром лугу** – круглой поляне, сохранившейся в юго-восточной части парка. Сейчас здесь футбольное поле. В усадьбе находилось множество аллей:

Липовых, Еловых, Березовых, Рябиновых, а одна из них называлась **Купальной аллеей**. По преданию суйдинских старожилов, именно по ней Ганнибал и все другие владельцы поместья совершали прогулки к реке Суйде, где имелась прекрасная купальня. Еще совсем недавно можно было полюбоваться этой старинной липовой аллеей и минуя парк, поля и луга, дойти до живописной, извилистой суйдинской речки. Ураганы последних лет поломали почти все липы. Сегодня исторических деревьев осталось всего семь. На месте утраченных деревьев сейчас растут молодые липы. Совсем недавно перестали существовать ганнибаловские **Солнечные часы**. Не найти уже точного места, где когда-то стояла беседка. Зарастают пруд с двумя островками и лабиринты затейливых каналов. Не восстановить уже и серпантин бывших парковых дорожек. Плотной стеной подвигаются на старинную усадьбу современные постройки опытно-производственного хозяйства «Суйда». Родовое гнездо Ганнибалов так и не стало пушкинским заповедником.

Недалеко от Суйды, по дороге на Кобриню расположена деревня **Мельница**. Сегодня уже немногие знают, что свое название она получила по находившейся здесь, на реке Суйде, в прежние времена мельнице. Каменную мельницу «о двух поставах, которая действие имела весь год» построил А.П. Ганнибал¹. Тогда же здесь появился дом мельника. Старая мельница была взорвана в 1962 году. Дорожные строители, ремонтирующие шоссе Гатчина – Вырица, в целях расширения дороги, приняли безумное решение снести до основания пустующие здания бывшей мельницы. Их идею поддержали местные власти, которые рассчитывали получить для своих пужд дешевый камень и кирпич. Ломать – не строить! Старая мельница осталась теперь только на фотографиях... В деревне Мельница в наши дни уже мало что напоминает о ней: остатки плотины, следы фундамента, разбросанные по реке обломки камней. Впрочем, изменился и весь прибрежный ландшафт. Не узнать сейчас и когда-то полноводную речку Суйдинку. Романтическое место под названием Мельница, уже не так, как раньше привлекает к себе дачников.

Каменный диван Ганнибала
в Суйдинском парке.
Фото К. Буша. 1999 г.

¹ Бурлаков А.В. В деревне, где Петра питомец... Буклет. Суйда, 1999. С. 1.

Ганнибаловская мельница на реке Суйде. Рисунок А. Васильева. 1953 г.

НЕТ БОЛЬШЕ В СУЙДЕ ЛУКОМОРЬЯ...

Накануне очередного 201-го пушкинского дня рождения, 25 мая 2000 года, в бывшей Ганнибаловской усадьбе случилась варварская трагедия. Знаменитый «Пушкинский дуб», простоявший около семисот лет, был сожжен. В его огромном дупле один из местных подростков додумался устроить гигантский костер. Последние десять лет дуб стоял засохшим. Пять раз в него ударяла молния, каждый раз отщепляя от патриарха части ствола и ветвей. После последнего такого удара в 1989 году дуб начал сохнуть. Его пытались спасти, вызывали специалистов, поливали корни водой, но все было безрезультатно. Ветеран растительного мира стал мертвым свидетелем прошлого. Его пощадила даже страшная буря 1999 года, когда Суйдинский парк лишился многих исторических деревьев времен прадеда Пушкина. И кто мог подумать, что старый дуб погибнет от рук жестокого малолетнего дикаря...

Гатчинский краевед А.Н. Лбовский, еще в первые послевоенные годы, при помощи шведских ботаников, по годовым кольцам установил возраст дерева. Тогда ему было около 650 лет. В одной из своих публикаций в 1953 году он писал: «Три взрослых человека, взявшись за руки, с трудом могут обхватить ствол этого великана. Он растет в старинном парке, находящемся при областной селекционной станции «Суйда» (Воскресенский сельсовет, Гатчинский район). Парк был разбит в 1743 году предками А.С. Пушкина Ганнибалами, по дуб старше парка. Его посадили еще при боярах Колычевых, в те времена, когда эти места принадлежали им»¹. Получается, что дуб был посажен примерно в 1300 году, когда Суйда, по крайней мере, уже три века существовала как славянское поселение. Конечно, возраст дерева сегодня кажется фантастическим. Но, как известно, именно дубы живут очень долго. Справочники о природных достопримечательностях Ленинградской области повествуют, что самый старый дуб в нашей области растет в Суйде.

¹ Лбовский А.Н. Памятный дуб. – Ленинские искры. 1953, 1 июля. С. 4.

Редкий паломник пушкинских мест не приходил сюда к древнему памятнику. Ведь дуб был овеян многочисленными легендами. Одна из них рассказывает, что именно о нем поэт писал в своих бессмертных строчках:

«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...»¹

В основу этих строчек А.С. Пушкин положил любимую присказку няни Арины Родионовны – уроженки Суйды: «У моря Лукоморья стоит дуб, а на том дубе золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет – сказки рассказывает, вниз идет – песни поет»².

Еще не так давно поблизости от легендарного дуба находился каменный диван Ганнибал. В 1976 году для «удобства» туристов его перетащили трактором с исторического места в центральную часть Суйдинского парка. Дуб, каменный диван и заросший пруд, выкопанный в начале XVIII столетия пленными шведами, еще при первом владельце усадьбы графе П.М. Апраксине, в форме «лука», направленного в сторону королевской Швеции, – все это и было загадочное своими символами суйдинское Лукоморье.

«Пушкинский дуб» после пожара.
Фото Б. Куликова. 2000 г.

Суйдинское Лукоморье. Рисунок С. Светлицкого. 1975 г.

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. М., 1949. Т. 1. С. 259.

² Грановская Н.И. Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. СПб., 1999. С. 171.

В одном из стихотворений в 1829 году Пушкин писал:

«Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный
Как пережил он век отцов»¹.

В данном случае поэт имел в виду дуб в селе Михайловском. Он жив до сих пор и находится под охраной. Остатки дуба в Суйде сегодня растаскивают на сувениры туристы. Его обгорелые ветви хранятся теперь в суйдинском музее. Удалось установить имя юного поджигателя, учащегося Высоко-Ключевой средней школы – его выдали друзья, но пощадим его и не станем называть фамилию. Ведь виновен в этом происшествии не только он...

В душе суйдинцы гордятся своим прошлым. Однако безразлично проходят мимо распаханного под картофельное поле Старого кладбища. А местные мальчишки все еще приносят в музей обломки чугунных крестов, монеты, кованые гвозди и найденные кости наших предков. Суйда уже не раз теряла свои исторические святыни. Жаль, что наши потомки в XXI веке уже не увидят «Пушкинский дуб», даже если когда-нибудь найдется пушкинист, который докажет, что рассказ о суйдинском Лукоморье всего лишь красивая, выдуманная легенда. Это не беда. Но зато какие в этих местах тайны, какая память, какие легенды!

НА ВЫСОКИХ КЛЮЧАХ

Мы хорошо знаем Сиверскую, Рождествено, Вырицу, Тайцы, Елизаветино и другие дачные места, расположенные в окрестностях Гатчины. А знаем ли мы дачную Суйду? В 2000 году исполнилось ровно сто лет со дня основания дачной жемчужины суйдинской земли поселка **Высоко-Ключевого**. До этого времени здесь, рядом с железнодорожной станцией Суйдой, находилась усадьба «**Паулиновка**», которая с 1884 года принадлежала помещице Паулине Карловне Гапс, урожденной Шпигель. Свое название усадьба получила в честь своей хозяйки, а ей она досталась по наследству после смерти отца, германского уроженца, купца Карла Ивановича Шпигеля. Сам Шпигель жил в усадьбе «**Елицы**» и имел большую семью – девять детей. В 1899 году П.К. Гапс, в то время уже вдова прусского подданного, стала распродавать свою усадьбу под дачные участки. В начале XX века здесь почти одновременно образовались два отдельных поселка: **Высокое** и **Ключевое**. Их границей являлась **Березовая роща**. Название поселков говорит само за себя. Здесь действительно высокая местность, покрытая сосновым и еловым лесом (его отдельные фрагменты сохранились до наших дней). Но главное богатство этой территории – обилие ключей, некоторые из которых в прошлом считались целебными. Не случайно в районе Суйды местные дачевладельцы когда-то хотели устроить водолечебный курорт. Но эта идея так и не осуществилась – произошла революция...

Среди первых дачевладельцев были люди в основном среднего класса: преподаватели учебных заведений, служащие Варшавской железной дороги, отставные военные, медицинские работники, деятели искусства, представители духовенства. Публика побогаче все же предпочитала проводить свой летний отдых в Сиверской дачной местности. Но бывали и исключения. Так, одна из самых красивых дач, расположенных на **Среднем проспекте**, принадлежала Управлению Делами Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича. Приезжал сюда и сам брат последнего российского императора Николая II, хотя и редко. Местные дачники называли эту дачу «**Царской**».

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. М., 1949. Т. 2. С. 83.

Ходили слухи, что сюда однажды приезжал государь император и без свиты прогуливался по улицам поселка...

Удалось установить имена всех домовладельцев старой Суйды. В начале XX века на месте современного поселка Высоко-Ключевого находилось более 150 дачных участков. Продажей земли руководил управляющий усадьбой «Паулиновка», коллежский секретарь Александр Александрович Герцвих. В мае 1907 года «Петербургская газета» сообщала:

«Против ст. Суйда по Варшавской ж. д. (в 8-ми верстах от Гатчины) продаются участки земли мерою от 400 кв. сажень, покрытые строевым хвойным и лиственным лесом. При участках парк и пруд для общественного пользования, а также лавки, аптека и доктор. Цена от 50–75 коп. за кв. сажень. Справки и заключительные условия на покупку ежедневно кр. четверга и пятницы у А.А. Герцвиха на ст. Суйда, усадьба Паулиновка»¹.

До революции и мой прадед по материнской линии Осип Антонович Римша – поляк, уроженец Варшавы, служил управляющим в одной из дачных усадеб в поселке Высокое. Эта усадьба принадлежала с 1900 года настоятелю церкви Святого Павла при Морском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича кадетском корпусе, протоиерею Дмитрию Ивановичу Удимову. Здесь же священник преподавал Закон Божий. Его загородная усадьба по дачным меркам была довольно большой и включала господский дом, службы, четыре дачи, одна из которых называлась Гостевой, а также сад и огород, пруд и даже Липовую аллею, кстати единственную в поселке Высоко-Ключевом. В столице Удимову принадлежала шикарная квартира. В Суйду к священнику приезжали многие представители духовенства. По семейным преданиям бывал здесь и Иоанн Кронштадтский, который не раз гостил на гатчинской земле.

После 1917 года усадьба Удимова была национализирована. Лишь небольшой земельный участок, отрезанный от бывших владений, новые власти передали в пользование моим предкам. А вскоре дачная усадьба была разграблена, господский дом сгорел, а дачи проданы на слом. Сам священник вместе с супругой Софьей Александровной и детьми, сыновьями Романом и Юрием был выслан в 1922 году в Сибирь. Там впоследствии Удимов работал фотографом, а его супруга – портнихой. Их дальнейшая судьба не известна. От бывлой старины уцелели на бывшем Удимовском участке заросший пруд (его выкопал мой прадед), вековые сосны и сильно поредевшая от времени липовая аллея (ныне **Безымянный переулок**). Старожилы поселка до сих пор называют ее **Удимовской аллеей**. О прошлом дачной Суйды напоминают расположенные по соседству дореволюционные дачи и фотографии их владельцев, купчие крепости и межевые планы, которые мне удалось собрать. На этой исторической земле, вернее сказать, на маленьком кусочке прежних владений, стоит сейчас мой старый дом.

Я живу на **Большом проспекте**. Всего же в поселке Высоко-Ключевом около трех десятков улиц. К счастью, почти все они сохранили свои исконные названия. О старинных улицах мне когда-то рассказывала Варвара Константиновна Блюк, урожденная Иванова (1899–1986 гг.), одна из последних местных старожилов:

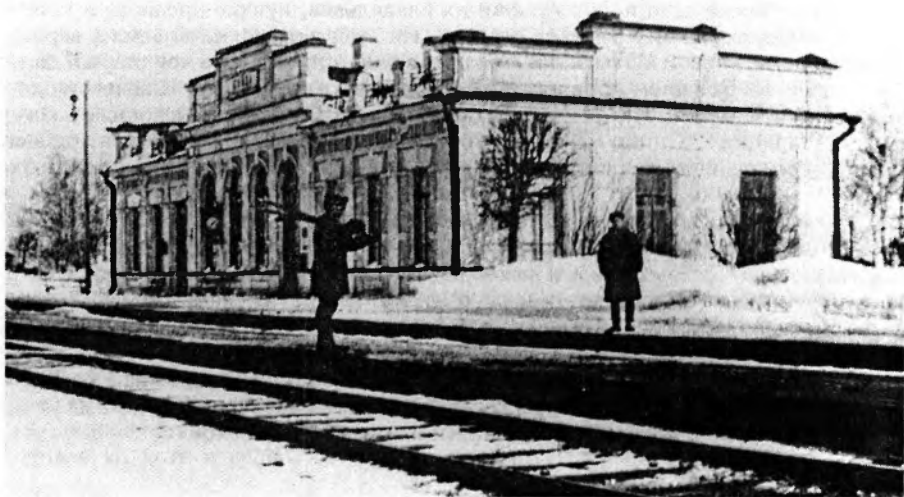
«В начале нашего века поселки Высокое и Ключевое представляли собой довольно цивилизованную дачную местность. Здесь имелись общества благоустройства, несколько торговых домов и лавок, почта и аптека, общественный парк и даже театр. Улицы носили громкие имена, созвучно петербургским: **Большой проспект, Средний, Малый**... Или согласно находящихся здесь заведений. Так, например, Торговая улица получила свое название по находившемуся здесь магазину малогатчинского купца Федора Ивановича Соколова. Выходцы из Украины, жители поселка Ключевого, называли свою улицу **Малороссийской**. А одна из улиц в память великого русского поэта стала называться **Пушкинской**»².

¹ Петербургская газета. – 1907, 6 мая, № 122.

² Блюк В.К. Я вспоминаю... – В сб.: Суйдинская старина. Суйда, 1993. С. 7.

К ее рассказу можно добавить, что в поселке есть также **улица Льва Толстого**, названная так в 1910 году в память о писателе, вскоре после его смерти. До революции существовали **Оленовский переулок** (ныне **улица Почтовая**) и **переулок Соколовский** (ныне **улица Школьная**), названные так по фамилиям своих первых дачевладельцев – дьякона Александро-Невской Лавры Оленовского и врача Соколовского. Была **улица Вокзальная**, которую в 1965 году переименовали решением общественности поселка и депутатов Воскресенского сельского Совета в **улицу Олейниковой**. В годы фашистской оккупации врач-стоматолог Гатчинской городской больницы Марианна Васильевна Олейникова была организатором подпольной группы местных патриотов и жила на этой улице. Она спасла жизни многим людям. В 1943 году была выдана предателем, и после зверских пыток скончалась в тюрьме. Могила ее неизвестна. Есть в поселке **улица Парковая**, название которой напоминает о существовавшем здесь до революции общественном парке. Есть **улица Зеленая** и даже **Лесной проспект**. В послевоенное время образовалась **улица Колхозная**. Раньше она связывала колхоз имени Пушкина в селе Воскресенское с другими колхозами Воскресенского сельского Совета расположенными в деревнях Ново-Кузнецово и Погост. Одна из улиц называется **Новой**, хотя возникла она в начале XX столетия и в свое время была самой удаленной в поселке Ключевом. Наконец, есть **улица Песочная, Ключевая, Пионерская, 1-го Мая, Чапаева** и другие. И каждая из них имеет свою историю.

Поселок Высоко-Ключевой частично находится вдоль Варшавской железной дороги. Из Суйды к нему ведет километровая дорога, которая в прошлом называлась Паулиновской дорогой (некоторые жители упорно называют ее **Павлиновской дорогой**). Эта старинная дорога пересекает железнодорожную магистраль. Переезд, который здесь расположен, тоже имеет свое название. Поселковые старожилы именуют его **«Шульским переездом»**. Почему? Все объясняется очень просто. В дореволюционные годы переездным сторожем здесь работал поляк Никодим Викентьевич Шульский. В поселке он проводил большую общественную деятельность. В 1917 году он принял революцию и вступил в партию большевиков, но уже вскоре в ней глубоко разочаровался. Впоследствии на семью Шульских обрушился шквал репрессий. Сам переездный сторож умер в 1921 году, еще до злополучного времени, когда последовали суровые испытания. Мне

Вокзал на станции Суйда (не сохранился). Фото 1909 г.

довелось встречаться с его дочерью Марией Никодимовной Кловве, урожденной Шульской (1902–1991 гг.). Ей пришлось пережить немало. Она работала заведующей телефонно-телеграфной станции на Варшавском вокзале в Гатчине и в 1938 году была арестована в числе других связистов по обвинению в «польском шпионаже». В это же время арестовали ее мужа и брата. Лишь в 1952 году после шести лет тюремного заключения и восьми лет ссылки она была реабилитирована и смогла вернуться в родные места. Коротенькая справочка, выданная ей по возвращению домой, гласит: «Постановление особого совещания при НКВД СССР от 16 мая 1938 года в отношении Кловве М.Н. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления...»¹. Всего в поселке Высоко-Ключевом арестам подверглись более пятидесяти местных жителей. Судьбы многих из них до сих пор неизвестны. Из репрессированных суйдинцев, кроме М.Н. Кловве, вернуться живыми больше не суждено было никому.

Напоминанием о дачном буме столетней давности в наши дни являются некоторые названия местностей в окрестностях поселка Высоко-Ключевого. Это прежде всего дачные поселки и одноименные платформы по Варшавской железной дороге **Прибыtkовo** и **Карташевская**. Уже почти забыто название бывшей дачной усадьбы **«Мой Приют»**, которая находилась в северной части современного поселка Прибыtkовo, в лесу, близ деревни Покровки. С 1879 по 1917 год усадьба принадлежала Невельским. Отсюда и другие названия, бытующие среди местных жителей: **Невельские дачи**, **Невельские хутора**, **Невельский лес**. В конце XIX столетия эта усадьба стала распродаваться под дачные участки. Среди первых покупателей был брат художник И.Е. Репина, музыкант оркестра Мариинского театра Василий Ефимович Репин, который в 1889 году построил здесь дачу. Эта памятная дача сохранилась до наших дней. Недалеко от места бывшей усадьбы **«Мой приют»**, на другой стороне реки Суйды, за деревней Мельницей, до революции находилось имение **«Красная Дача»**. На горке, в окружении пихт стоял барский дом управляющего усадьбой **«Суйда»** Германа

Бывшая дача Репиных в поселке Прибыtkовo. Фото 1975 г.

¹ Кловве М.Н. Воспоминания о старой Суйде. Архив музея-усадьбы «Суйда». Высоко-Ключевской, 1990.

Германовича Ланге. Рядом располагался еловый парк, переходящий в лес. И хотя имения здесь уже давно нет, все так же красиво выглядит это живописное место. В настоящее время рядом с бывшим имением находится садоводство опытно-производственного хозяйства «Суйда», которое унаследовало прежнее название — «Красная Дача».

Суйдинские старожилы. Слева И.Я. Малей. Фото К. Буша. 1999 г.

Вернемся, однако же, к поселку Высоко-Ключевому, когда-то являющемуся центром Суйдинской дачной местности. Сейчас здесь еще сохранилось немало старинных дач, некоторые из них являются настоящими произведениями искусства эпохи модерна. Сегодня из дореволюционных старожил в поселке остался только Иван Яковлевич Малей, который родился здесь в 1908 году. Его отец, бывший гатчинский кирасир, накануне революции служил кучером у А.А. Герцвиха, управляющего усадьбой «Паулиповка». Живут на суйдинской земле и другие потомки первых дачевладельцев. В последние годы поселок Высоко-Ключевой значительно разросся, но и через сто лет он не утратил своего дачного значения.

2000 г.

¹ И.Я. Малей скончался в 2001 году.

ЛАМПОВО – МИР РУССКОЙ СКАЗКИ

Наверное, всем хорошо известна на гатчинской земле деревня Лампово. Это настоящий мир русской народной сказки. Терема деревни Лампово являются замечательными памятниками деревянного зодчества. Здесь едва ли не каждый старинный дом украшен по фасаду искусной резьбой или росписью. Живописные места, расположенные по берегам реки Ламповки, и многочисленные достопримечательности уже много лет привлекают сюда туристов. Удивительна и загадочна история самой деревни и ламповских жителей – потомков древних старобрядцев.

* * *

В далекие времена на месте современной деревни Лампово находилась небольшая деревенька Пустошь, приписанная к Орлинскому погосту. Она впервые упоминается в Новгородской летописи за 1499 год. Позднее, когда наши земли захватили шведы, деревня Пустошь была нанесена на их административные карты. Под таким названием она обозначена на карте Ингерманландии в 1676 году, хранящейся в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге. Хотя деревня имела русское происхождение, при шведах здесь была построена лютеранская кирха, которая относилась к Кобринскому приходу. Местное население в то время, в большинстве своем, составляли финны, переселившиеся сюда из Финляндии и исповедовавшие лютеранство.

Кирха в деревне Кобринио. Рисунок С. Светлицкого. 1961 г.

В результате победоносных баталий Северной войны Петр Великий возвратил наш край в состав России. Однако деревня Пустошь в те годы уже не существовала. На ее месте в начале XVIII века появилась деревня с названием Лампола (по другим источникам Ламбола). Почему она получила такое название, до сих пор не установлено окончательно. Краеведы ведут многолетние споры. По одной из легенд, которую из поколения в поколение пересказывают местные жители, во время одной из битв со шведами деревня Пустошь полностью сгорела при пожаре, а все ее жители ушли в другие селения. Остался только один финн по фамилии Лампола. Он и стал первым жителем вновь построенной деревни, которая в честь его стала называться Лампола. Так гласит предание. Интересно, что в переводе с финского языка слово «лампи» обозначает озеро или пруд. Коренные ламповцы до сих пор называют речку Ламповку – Ламбовкой, а ее омуты Ламбинками и Ламбушками. Наконец, у шведов есть слово «лапдбо», в переводе обозначающее арендатор или сельский житель. Нельзя согласиться

с мнением известного гатчинского краеведа, покойного А.Н. Лбовского, который считал, что название деревни Лампово своим происхождением обязано слову «лампа», якобы, в былые времена освещавшей здешнюю дорогу...

В 1713 году Государь Петр I пожаловал земли Куровицкой мызы, включающей 14 деревень с 97 крестьянскими дворами, своему сыну, царевичу Алексею. Среди них была и деревня Лампово. Своей главной усадьбой царевич делает деревню Большая Грязна. После возведения здесь храма Рождества Пресвятой Богородицы эта старинная деревня была переименована в село Рождествено, по названию церкви. Из С.-Петербурга в Рождествено поступали многочисленные указы царевича Алексея, адресованные управляющему его Куровицкой мызы Никите Козлову, в которых упоминалась и деревня Лампово. Так, в указе за 1715 год говорится «о смолении ржи в ситную муку и о высылке оной до пивовара из деревни Лампов в Санкт-Петербург». В этих документах название деревни уже почти полностью соответствует своему современному написанию.

Документально установлено, что Петр Великий бывал в расположенной по соседству с деревней Лампово Орлинской мызе. В начале XVIII столетия она принадлежала царскому сподвижнику Ивану Бутурлину. Именно в этих местах проходили знаменитые государевы охоты, о чем до сих пор здесь бытуют легенды...

После смерти царевича Алексея деревня Лампово вместе с соседними поселениями была подарена Петром I своей племяннице, царице Прасковье Романовой. С 1733 года она входила в состав казенных земель Рождественской волости и даже некоторое время принадлежала Александро-Невской лавре. В 1780 году указом императрицы Екатерины II село Рождествено становится уездным городом, деревня Лампово значится уже в составе земель Рождественского уезда. На картах С.-Петербургской губернии того времени (1770 г., 1792 г. и других) среди прочих поселений обозначена деревня Лампова, расположенная на старинном тракте, соединяющем Рождествено с Орлинской мызой.

Вступивший в 1796 году на престол император Павел I город Рождествено упразднил и основал город Гатчину. В том же году царским указом деревни Лампово, Большее, и другие были пожалованы учительницам С.-Петербургского Воспитательного Дома общества благородных девиц сестрам Елизавете и Каролине Зальберейзен, которые в центральной части своих владений создали усадьбу, получившую название «Дружноселье». Впоследствии, вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года, столичное купечество, проведя с согласия императора Александра I подписную компанию, выкупило у них деревни Лампово и Большее, усадьбу «Дружноселье» и торжественно преподнесло их в дар известному полководцу, герою Отечественной войны 1812 года, фельдмаршалу Петру Христиановичу Витгенштейну. Этим оно выразило свое уважение и признательность «спасителю града Петрова». Как известно, некоторое время после кончины М.И. Кутузова он являлся главнокомандующим Российских войск. С этого времени деревня Лампово многие годы и десятилетия находилась в составе имения светлейшего князя П.Х. Витгенштейна и его потомков.

Ламповские старообрядцы. Сегодня уже никто точно не сможет ответить на вопрос, когда они поселились в этой деревне. По сохранившимся документам известно, что старообрядцы, или как их тогда называли – раскольники, жили в нашем крае уже в начале XVIII столетия. Так, например, в окрестностях села Рождествено проживало несколько семей старообрядцев, выходцев из Новгородской губернии. Можно предположить, что и в деревне Лампово старообрядческая община возникла еще во времена сына Петра I царевича Алексея, когда земли бывшей Ингерманландии осваивались русскими переселенцами.

Однако сами ламповские старожилы утверждают, что их предки приехали сюда гораздо позднее, в 1-й половине прошлого века. Они были выходцами из Архангельской губернии и называли себя поморами. И действительно, стоит только взглянуть на уникальные для наших мест типы ламповских домов, построенных 100–150 лет тому назад, и станет очевидным их сходство с памятниками деревянного зодчества северных губерний России.

Самые ранние упоминания о Никольской старообрядческой общине в деревне Лампово, которые автору публикации удалось найти, относятся к середине XIX века. Согласно местному преданию, первая ламповская молельня была построена на фундаменте бывшей лютеранской кирхи, существовавшей при шведах. Это здание до наших дней не сохранилось. В то время почти половину жителей деревни составляли старообрядцы. По статистическим сведениям С.-Петербургской епархии в 1883 году здесь числился 71 раскольник. Старообрядцы в значительном количестве проживали в Кургиине, Межно, Даймище, Грезии, Поддубье, Куровицах и других деревнях, расположенных в окрестностях Лампова, многие из которых входили в состав Рождественской волости. По церковным документам в 1895 году в этой волости числилось староверов 325 человек. В Орлинской волости, куда относилась деревня Лампово, проживало 566 раскольников. В конце XIX века по числу прихожан Никольская старообрядческая община в Лампове считалась крупнейшей в С.-Петербургской губернии...

В 1896 году на земле, пожертвованной Ламповской староверкой, вдовой помещицы Анной Аписимовны Головой (1809–1898 гг.), была возведена новая молельня. Строил старообрядческую церковь ее внук, деревенский староста Даниил Александрович Тиханов. В том же году добротной сложенной деревянная молельня, увенчанная изящной колокольней, была освящена. Из старого храма перенесли в нее древние иконы, утварь и книги. На колокольню были подняты старинные колокола.

Благодаря воспоминаниям ламповских старожил, удалось восстановить имена священнослужителей и членов церковного причта Никольской старообрядческой общины того далекого времени. Многие годы настоятелем Ламповской молельни был Иван Иванович Алексеев. В начале XX века он организовал здесь прекрасный старообрядческий хор, в состав которого входили местные староверки Матрена Филимонова, Александра Баскакова, Евдокия Филимонова, Матрена Смирнова и другие. В это время пост старосты общины занимал Степан Емельянович Емельянов, а казначеем в молельне служил Георгий Васильевич Прохоров. Свою безупречную деятельность они продолжали в двадцатых и тридцатых годах, оставив о себе добрую память среди ламповских жителей. Самым усердным прихожанином общины старожилы называют Даниила Тиханова. Он был заботливым попечителем старообрядческой церкви в течение очень многих лет.

Батюшка Иван Иванович Алексеев служил в Лампове и после революции, почти до самой смерти. Умер он в 1933 году и был похоронен в Риге. После него настоятелем молельни стал Михаил Трофимович Никитин, который перешел сюда из старообрядческой общины, существовавшей в то время в деревне Ротково Гатчинского района. Он служил с 1933 по 1939 год. При нем по указанию местных властей и воинствующих безбожников церковь была закрыта. В ее здании разместился сначала склад, а затем птичник ламповского колхоза «Красное Знамя». Сам батюшка лишь чудом избежал репрессий. Он поселился в доме

Ламповский старообрядец.
Фото к. XIX века

Лампово. Молельный дом. Фото Н. Григорьевой. 1998 г.

крестьянина Якова Павловича Филимонова и тайно проводил церковные богослужения. В 1941 году, когда началась фашистская оккупация, враги вернули моленную верующим, и службы возобновились снова. Их проводил Михаил Трофимович Никитин. Умер он в 1943 году и был похоронен на Ламповском кладбище. С военных лет старообрядческая церковь больше не закрывалась. Моленная действует и в наши дни. Сегодня это единственный подобный храм в Ленинградской области.

Немногое сохранилось из убранства старообрядческой церкви. Почти все святыни давно утрачены в результате многочисленных краж. Из старых реликвий каким-то образом уцелел колокол, отлитый в начале XX столетия. Совсем мало осталось в Лампове и староверов. Последние прихожане общины – люди в основном очень пожилого возраста: Ирина Михайловна Бабенцева родилась в 1913 году, Мария Васильевна Лаптева и Ирина Семеновна Изотова в 1915... Молодежи в моленной почти не бывает. В начале 1998 года умер последний дореволюционный «Патриарх» Никольской старообрядческой общины в деревне Лампово – 96-летняя Феодосия Михайловна Тарасова. Староверы обеспокоены, сохранится ли вера? Наверное, поэтому они так бережно относятся к традициям своих предков, спасая последние частицы истории и культуры старообрядческой деревни.

Знаменитые терема в деревне Лампово представляют собой архитектурный ансамбль вековой давности. Наибольший интерес вызывает их богатое резное убранство, выполненное во второй половине XIX века артелью местных плотников-старообрядцев. Многие годы эту артель возглавлял крестьянин Павел Филимонов. Его покрытый затейливым деревянным кружевом дом, к сожалению, был снесен потомками в 1954 году за ветхость. Как рассказывает его правнучка Татьяна Николаевна Филимонова, он был известен еще и тем, что в свое время изобрел деревянный велосипед и ездил на нем в старообрядческую моленную.

Посмотреть на его диковинку в Лампово приходили крестьяне из многих окрестных деревень. Умер талантливый мастер в 1902 году. В конце прошлого столетия во главе артели стоял крестьянин Андрей Смирнов, искусный резчик по дереву. Вместе с ним в то время трудились ламповцы Степан Федосеев, Василий Исаков, Герасим Макаров и Василий Кошелев. Дома, срубленные ими и традиционно украшенные резьбой, стоят в деревне до сих пор.

Самый древний дом в Лампове, уцелевший до наших дней, находится на Центральной улице под № 26. До революции он принадлежал Кузьминым, а сейчас им владеет старейшая жительница деревни Анастасия Марковна Катцен. Этот дом был построен еще в 1854 году.

Влияние деревянной северной архитектуры чувствуется в конструкции почти всех прошловековых строений, не характерных для здешних мест. Многие ламповские терема особенно примечательны декоративной отделкой, также свидетельствующей о влиянии традиций деревянного зодчества северных губерний России. Здешние крестьяне-староверы, которые на зиму обычно уезжали в Петербург и работали там по найму извозчиками, жили в относительном достатке. Они строили основательные, крепкие избы, рассчитанные на длительное использование несколькими поколениями.

Среди ламповских извозчиков особого упоминания заслуживает крестьянин Тимофей Тимофеев – кучер знаменитого художника И.Н. Крамского (1837–1887 гг.), который имел собственную дачную усадьбу в Сиверской у Строганова моста. Он возил Крамского в шикарном тарантасе по окрестностям на зарисовки. Умер Т. Тимофеев в предвоенные годы глубоким стариком. Его сын Иван Тимофеев в дореволюционные годы тоже был извозчиком. Дочь последнего – Агафья Ивановна Кузьмина, урожденная Тимофеева, прожила 90 лет и умерла в 1999 году.

Подлинным шедевром деревянной архитектуры можно считать бывший дом Сафроновых (Центральная улица, 22) построенный в 1884 году. Дата возведения постройки указана на ее фасаде. Иногда, по цвету окраски, дом называют «малиновым». Он очень богато украшен, каждая деталь убранства расположена в точно отведенном месте. Особый интерес представляют наличники окон с фигурками стилизованных лошадей. Кстати, владельцы дома до революции занимались извозом и держали несколько лошадей. Особенностью постройки, помимо его богатой резьбы, является яркая раскраска фасада. В белые, голубые и желтые цвета окрашены мезонин, балкон, резные детали; фоном им служит темно-красная раскраска фасада, создающая дополнительный эффект в оформлении. Этот дом очень хорошо сохранился. Сейчас его заботливо оберегает новая хозяйка, жительница С.-Петербурга Лидия Николаевна Ротова. Дом находится под охраной государства.

К выдающимся теремам деревни Лампово относится дом Прохоровых (Центральная улица, 85), построенный по рассказам старожилов более 150 лет назад. По фасаду этот дом имеет девять окон. Своеобразен рисунок наличников из четырех поясов с различными орнаментами, по верху которых выпилены деревянные утки. Крытый двор, сложенный из плит известняка, в полтора раза

Старообрядческая свадьба в д. Лампово.
Фото н. XX века

Лампово. Дом Сафроновых. Фото П. Григорьевой. 1998 г.

Лампово. Дом Геренга. Фото Н. Григорьевой. 1998 г.

превышает по размерам жилое помещение. Первый хозяин дома Герасим Прохоров занимался извозом и имел собственный дом на Измайловском проспекте в С.-Петербурге. В дореволюционные годы домом владели два брата Георгий и Никита Прохоровы, содержавшие здесь трактир и лавку. Сейчас дом принадлежит их потомкам.

Почти напротив, через дорогу, расположена еще одна замечательная постройка (Центральная улица, 70), известная как бывший дом Адольфа Геринга, немецкого уроженца, стеклодува завода «Дружная Горка». Дом построен в 1889 году, о чем указывают цифры на ступе мезонина. Постройка хорошо сохранилась. Балкон мезонина дома отличается ажурной резьбой замысловатого рисунка. Здесь можно рассмотреть стилизованные цветы лилий и маков, превращенных в кудрину – извивы лозы. В настоящее время домом владеет Татьяна Адольфовна Тылесова, бывшая учительница Дружногорской средней школы.

Большой интерес представляют дома: Сониных (улица Жуковка, 13) – хозяйка Ирина Семеновна Изотова, возведенный во II-й половине прошлого века; Клементьевых (Центральная улица, 55) – хозяйка Анастасия Георгиевна Дементьева, постройки 1886 года и другие. Ламповские избы являются уникальными памятниками народного творчества.

В исторической летописи деревни Лампово особое место принадлежит бывшей школе, в настоящее время уже давно не существующей. Первое учебное заведение – одноклассная школа появилась здесь еще в 1861 году. Она находилась в частном крестьянском доме и содержалась за счет владельца имения «Дружноселье» князя Л.П. Витгенштейна. В 1874–1875 учебном году в школе грамотности обучалось всего десять мальчиков. Занятия проводил священник Орлинской Преображенской церкви о. Алексей Стародумов, служивший в этом храме с 1855 года. Число учащихся с каждым годом возрастало, а помещение для проведения занятий оставалось довольно тесным. Поэтому земство и местное деревенское общество в 1876 году построили в Лампово для школы новое здание, после чего Министерство народного просвещения преобразовало это учебное заведение в двухклассное училище.

Многие годы здесь работали учительницы Мария Табакова и Анна Сперанская. За свою педагогическую работу они получали жалованье – 300 рублей в год

О.Р. Голубятникова и ее ученики. Фото 1910 г.

имели при училище бесплатные казенные квартиры. Закон Божий преподавал священник Алексей Стародумов, а впоследствии сменивший его священник Николай Фроловский. Последний в 1896 году «за ревностное пастырское служение и законоучительскую деятельность в приходе церкви села Орлина Царскосельского уезда» был награжден Епархиальным начальством серебряной медалью с надписью «За усердие». Священник Николай Фроловский служил в Орлинском приходе до 1908 года. Кроме Ламповского земского училища он также состоял законоучителем в Кургипском и Дружпогорском училищах, частных учебных заведениях графа Н.С. Строганова в селе Орлине и князя Ф.Л. Витгенштейна в имении Дружноселье.

Прошлое Ламповской школы и народного образования этого края связано с именем замечательной учительницы Ольги Ростиславовны Голубятниковой (1884–1975 гг.). У нее получили начальное образование несколько поколений местных жителей. На ниве просвещения она работала более пятидесяти лет. Благодаря воспоминаниям ламповских старожилов удалось по крупицам собрать некоторые биографические сведения о ее жизни.

О.Р. Голубятникова родилась в городе Пятигорске в дворянской семье польского происхождения. Ее крестной матерью была императрица Мария Федоровна, супруга императора Александра III, а ее родной дядя служил личным врачом у государыни. Вскоре ее родители переезжают в С.-Петербург, и юная Ольга Голубятникова после блестящей сдачи экзаменов зачисляется ученицей в Смольный институт благородных девиц. После его окончания в 1902 году она выбирает путь сельской учительницы и вместе с матерью переезжает на постоянное жительство в деревню Лампово. В том же году О.Р. Голубятникова была назначена заведующей местным земским училищем. Здесь состоялось ее знакомство с попечителем этого учебного заведения князем Г.Ф. Витгенштейном и его супругой Е.Д. Витгенштейн, урожденной Набоковой, родной теткой будущего известного писателя Владимира Набокова, а также с детьми княжеской четы Витгенштейнов: сыновьями Львом (род. в 1900 г.) и Петром (род. в 1902 г.). Молодая учительница была частой гостьей их родового имения в Дружноселье. В 1904 году господа предложили ей, совмещая педагогическую деятельность в ламповском училище, работу гувернантки для воспитания своих подрастающих

Ламповские школьники. Фото 1910 г.

Бывшее здание школы. Фото Н. Григорьевой. 1998 г.

сыновей. В летние месяцы школьных каникул О.Р. Голубятникова постоянно проживала в Дружисельском имении. В последние предреволюционные годы она служила у княжеских детей домашней учительницей. В советское время, за связь с барской семьей Витгенштейнов, ее неоднократно преследовали, и лишь чудом сельская учительница сумела избежать репрессий...

В 1910 году, благодаря стараниям Ольги Ростиславовны Голубятниковой, в деревне Лампово, на деньги, пожертвованные князем Г.Ф. Витгенштейном, было построено новое каменное здание школы. У автора этой публикации хранится интересный документ, сообщение адресованное О.Р. Голубятниковой от управляющего имением «Дружиселье» (подпись неразборчива) о назначении 10 октября 1910 года торжественного молебна в честь открытия школы. Его совершил священник Орлинской Преображенской церкви о. Михаил Успенский. В 1912 году Ламповскому земскому училищу было присвоено наименование «имени Князя Петра Христиановича Витгенштейна» – в честь знаменитого фельдмаршала и героя Отечественной войны 1812 года, прадеда последнего владельца имения «Дружиселье» Г.Ф. Витгенштейна.

Вскоре после 1917 года училище закрылось. На его месте была создана советская начальная школа. Все последующие годы ее возглавляла О.Р. Голубятникова. Лишь во время оккупации деревни Лампово фашистами в 1941–1944 годах она отказалась в ней работать. После войны старая учительница жила на крошечную пенсию. Помогали ей многие бывшие ученики. Она умерла в 1975 году на 92-м году жизни. Могила ее на Ламповском кладбище бережно охраняется и до сих пор особо почитается среди старожилов. На окраине деревни Лампово находится старинное здание школы, впоследствии закрытое. Именно здесь многие годы работала О.Р. Голубятникова. Сегодня местные ламповские дети посещают среднюю школу в поселке Дружная Горка.

Лампово можно смело назвать самой кинематографической деревней Ленинградской области. Да, именно здесь снимались многие отечественные художественные и документальные фильмы, хорошо известные телезрителям. Такой славой у нас, в Гатчинском районе, еще может похвастаться только бывшая почтовая станция Выра – ныне музей Домик станционного смотрителя. Почему же так любят деревню Лампово наши кинематографисты?

Ламповская кинолетопись уходит своими корнями еще в далекий 1928 год, когда в этой деревне снимался художественный фильм «Иудушка Головлева» (по одноименному роману М.Е. Салтыкова-Щедрина). Сегодня уже трудно поверить, что для участия в съемках картины в Лампово приезжали такие знаменитые мастера, как пародные артисты СССР, лауреаты государственных премий Василий Иванович Качалов (1875–1948 гг.) и Борис Николаевич Ливанов (1904–1972 гг.). Однако это факт исторический. Великий драматический актер Качалов к моменту выхода ленты на экраны кинотеатров имел уже почетное звание народного артиста РСФСР, которое он получил в 1927 году. Картина была «немой» и впоследствии демонстрировалась в кино недолго. В 1934 году на экраны вышел звуковой фильм с таким же названием. С тех пор старый фильм навечно оказался в архиве кинофотофонодокументов в городе Красногорске Московской области.

Ламповские старожилы вспоминают, что съемки «Иудушки Головлева» проходили главным образом в доме местного крестьянина, бывшего председателя колхоза «Красное знамя» Афанасия Степановича Емельянова. Этот дом находился на Центральной улице, рядом с кладбищем и до наших дней не сохранился, он погиб от пожара в годы Великой Отечественной войны.

Летом 1966 года в Лампове и соседней усадьбе Дружноселье проходили съемки художественного фильма «Серый волк» (киностудия «Ленфильм»). В массовых сценах этой картины принимали участие местные жители. По сценарию, один из фрагментов фильма должен был происходить зимой. Вместо снега «киношники» пытались использовать опилки, которые они специально разбрасывали и раздували, создавая иллюзию снежной вьюги. Но эту сказочную историю так и не смогли увидеть зрители. По неизвестным причинам кинолента так и не вышла на экраны.

Весной 1977 года ленинградские кинематографисты вновь выбрали деревню Лампово для съемок очередной картины. Газета «Гатчинская правда» сообщала читателям: «Второе творческое объединение киностудии “Ленфильм” приступило к производству нового цветного широкоэкранного кинофильма-альманаха, одна из новелл которого называется “Капроновая елочка” по рассказу писателя В.М. Шукшина». Все натурные съемки фильма проходили в Лампове и Гатчине. Неоценимую помощь в их организации оказали сотрудники ГАИ.

Летом 1978 года известный режиссер Виктор Иванович Трегубович (1935–1992 гг.) вместе с творческой группой работал в деревне Лампово над съемками фрагментов художественного фильма «Уходя-уходи» (киностудия «Ленфильм»). Эту картину, относящуюся к жанру трагикомедий, хорошо знают и любят многие. Она часто демонстрируется по телевидению. Основные съемки фильма проходили в Гатчине, но и Лампову в киноленте отведено достаточно много места. Старинная деревня в картине хорошо узнаваема. Ламповские съемки местные жители, до мельчайших подробностей, вспоминают до сих пор.

Герой фильма – бывший деревенский житель, ныне бухгалтер овощной конторы в небольшом городке Дмитрий Сулин, то и дело попадает в нелепые ситуации... Его роль превосходно сыграл заслуженный артист РСФСР Виктор Павлов. Сценарий для него специально был написан драматургом Виктором Мережко. В картине были заняты многие замечательные актеры: Людмила Гурченко, Николай Рыбников, Наталья Гундарева, Игорь Дмитриев и другие. Фильм начинается и заканчивается ламповскими этюдами. Все сцены из деревенской жизни снимались в доме бывшего заведующего Орлинской пекарней, ныне покойного Петра Мироновича Зухера. Этот дом, расположенный на Полевой улице,

не сохранился. Он был уничтожен пожаром несколько лет назад. Отдельные эпизоды фильма снимались на фоне дома Прохоровых (ул. Центральная, д. 85), уникального памятника деревянного зодчества XIX столетия, а также на Ламповском кладбище (сцена «похорон» Николая Рыбникова) и в окрестностях деревни. В картине очаровательно смотрится местная природа, особенно море цветов и сочной зелени. В герасимовской бане, расположенной под горой, на берегу речки Ламповки артисты мылись и отдыхали после кинематографических трудов. Теперь это тоже местная достопримечательность. За порядком в дни съемок бдительно следил старшина гатчинской милиции, ныне покойный, Карл Дмитриевич Хренов. Он даже сыграл крошечную роль в одном из ламповских эпизодов. Но этот «кусочек» в окончательном варианте картины был вырезан.

Зимой 1981 года в деревне Лампово и в музее Домик станционного смотрителя в Выре проходили съемки документального музыкального фильма ленинградского телевидения «Снега». Автор киноленты, режиссер Михаил Михеев попытался раскрыть перед зрителями красоту песенного русского фольклора, связанного с древним праздником крестьянского календаря, посвященного встрече Нового года, и это ему удалось. Фильм получился замечательный. Прекрасно исполняли свои роли ряженные актеры, распеваящие колядки с пожеланиями хорошего урожая и благополучия в наступающем году. В картине была сделана попытка воссоздать атмосферу этого веселого зимнего праздника. Удивительно смотрятся сказочные ламповские терема.

В 1992 году Лампово ненадолго превратилось в Хлюпово. Ленинградские кинематографисты снимали здесь художественный фильм «Деревня Хлюпово выходит из Союза». В то время это была очень актуальная тема. Многие ламповцы принимали тогда участие в массовых сценах картины и с гордостью сегодня вспоминают о тех днях. К сожалению, фильм только однажды демонстрировался по центральному телевидению и почти неизвестен зрителям.

По числу снятых фильмов (а их было гораздо больше перечисленных) Лампово имеет полное право называться кинематографической деревней.

К достопримечательностям деревни Лампово несомненно относится и старинное кладбище, расположенное на живописном холме, простирающемся вдоль речки Ламповки. Древний погост упоминается в документах еще со времен царевича Алексея – сына Петра Великого, первого владельца этих мест. О том, что кладбище существует уже действительно очень давно, подтверждают недавно найденные здесь монеты. Их обнаружила жительница деревни Лампово Татьяна Николаевна Филимонова, подметавшая дорожку рядом с могилами своих предков. Одна из них – медная «Денга» датируется 1753 годом.

Когда-то кладбище было старообрядческим. Из самых старых захоронений до наших дней сохранилась уже почти полностью вросшая в землю небольшая плита. Текст на ней читается с трудом. Надпись гласит, что «Пот сим камнем покоится Тело Царскосельского Мещанина Филиппа Алексеевича Пакулина скончавшегося 1841 года сентября 14 дня. Житие его было 56 лет от рождения. Покойся прах. В знак – от признательных детей отцу». По воспоминаниям местных старожилов, его потомки – многочисленный род Пакулиных, до революции проживали в деревне Протасовка, расположенной недалеко от Лампово. Впоследствии почти все они были раскулачены и высланы на поселение в Сибирь. После войны кто-то из них еще приезжал в родные места навестить могилы предков.

Уцелела и другая прошловековая каменная плита большого размера с надписью: «Здесь покоится тело Рабы Божией Анны Анисимовны Головой скончавшейся 9 октября 1898 года 90 году жизни от внука Даниила». Это именно она в свое время пожертвовала участок земли для строительства в Лампове старообрядческой молельни. Ее внук, деревенский староста Даниил Александрович Тихонов в 1896 году возводил молельню и впоследствии был ее самым усердным прихожанином. Умер он в годы войны. Его могила также сохранилась и отмечена скромным металлическим крестом. Рядом похоронены его жена Татьяна

Алексеевна Тихонова, урожденная Телятникова (ум. в 1958 г.), дочь Александра Данииловна Ермолаева (1902–1987 гг.) и другие родственники.

На окраине Ламповского кладбища находится ныне пустующая бывшая часовня святого Николая Чудотворца. Год ее постройки неизвестен, но православной часовне уже более ста лет. После войны она еще действовала, а в прошлые времена была приписана к приходу Преображенской церкви в селе Орлине. В 1953 году при проведении в Лампове переписи памятников старины Областным управлением по делам искусств под руководством известного гатчинского краеведа А.Н. Лбовского в кладбищенской часовне были обнаружены иконы-курьезы: Михаила Архангела с головой... Алексея Орлова (родного брата владельца Гатчины) и Архангела Гавриила с головой... придворной дамы эпохи императора Павла I. Как выяснилось позднее, эти обе вещи принадлежали кисти знаменитого русского художника-портретиста В.Л. Боровиковского. Найденные «иконы» пополнили фонды одного из ленинградских музеев.

Недалеко от кладбища, на Центральной улице под № 75, еще стоит так называемый «музейный дом» – бывшая усадьба Тихоновых. Этот замечательный памятник деревянного зодчества был возведен в 1890–1904 годах, на что указывают цифры, выбитые па каменной ступени при входе в дом. Рубленый одноэтажный, обшитый тесом терем поставлен на высокий подклет. Богато украшен резьбой балкон с небольшим фронтоном, поддерживаемый четырьмя колоннами с капителями. Основными мотивами орнаментов являются круг с его производными от перекрещивания и стилизованные цветы. Резьба выглядит более древнее, чем на самом деле. В былые времена дом был ярко раскрашен, но постепенно окраска была смыта дождями и больше ни разу не обновлялась. По рассказам местных старожилов, хозяин этой усадьбы Д.А. Тихонов до революции содержал у себя в доме лавку. Его дочь А.Д. Ермолаева в 1986 году безвозмездно передала старинный терем в дар Объединению музеев Ленинградской области, которое его и загубило. Музей здесь создан так и не был, а ветхий дом вскоре превратился в руины. Находились подвижники, которые пытались спасти уникальный памятник от разрушения, но сделать это никому не удалось. Не так давно пропала и укрепленная на фасаде дома вывеска с надписью «Охраняется государством». И если в самое ближайшее время у дома не найдется хозяин, он погибнет безвозвратно.

Лампово по праву может гордиться своим именитым земляком – писателем Сергеем Александровичем Высоцким. Когда-то здесь жили его предки. Дом Давыдовых и ныне стоит в центре деревни (улица Центральная, 51), но принадлежит уже другим владельцам. С.А. Высоцкий родился в 1931 году в Ленинграде, но детские и юношеские годы провел в деревнях Лампово и Грязно. Последняя является родиной его матери, которая до революции служила горничной у Набоковых в их имении на Выре. Сейчас он является признанным мастером детективного жанра, автором известных далеко за пределами нашей страны книг: «Увольнение на сутки», «Пропавшие среди живых», «Анонимный заказчик», «Реки Вавилона», «Третий дубль» и многих других. Почти все его произведения обрели второе рождение в кино. Так, например, по его повести «Три ненастных дня» был создан одноименный фильм. В 1988 году вышла его книга из серии «Жизнь замечательных людей» о выдающемся русском юристе А.Ф. Кони. Многие годы С.А. Высоцкий был редактором газеты «Смена» и первым заместителем популярного журнала «Огонек». Он является членом Союза писателей России, лауреатом премий, в том числе МВД СССР. Сейчас писатель живет в Москве, но почти каждый год навещает родные места. Лампово и его окрестности присутствуют в некоторых произведениях автора. Его книги заслуженно любят читатели.

М. Сазонов. Деревянная скульптура (вверху)
Художник в своей мастерской

А. В. Погуляева. Гобелен «Старая Ладога» (вверху)
Детская гобеленовая ткань (внизу)

Н. Емельянов. «Отражения» (вверху)
«Обрыв» (внизу)

С. Евдокимов. «Тайная вечеря» (вверху)
«Въезд Иисуса в Иерусалим» (внизу)

В. Д. Погуляев. «Домик Арины Родионовны» (вверху)
«Городской пейзаж» (внизу)

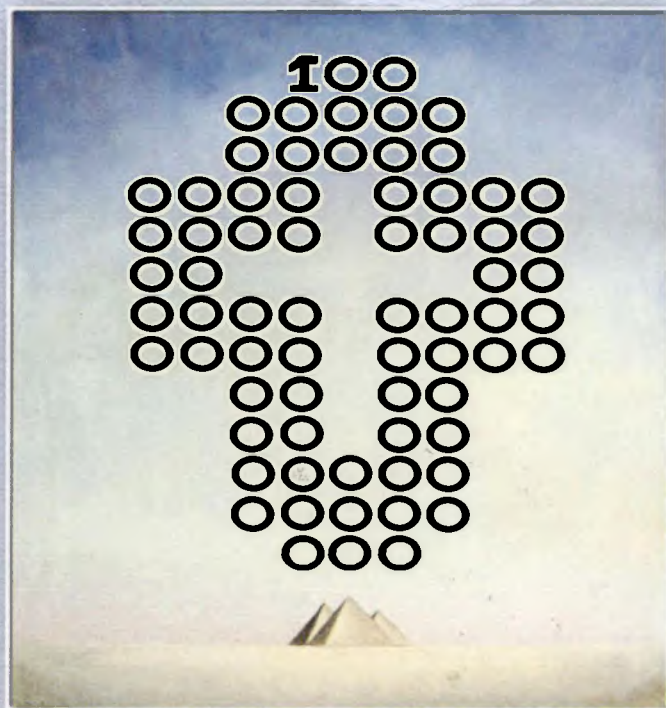
А. И. Бурзалов. «Сибирь. Якутия» (вверху)
«Оредеж зимой» (внизу)

Д. С. Паныч. «Воспоминания» (вверху)
«Часовня Кузьмы и Демьяна» (внизу)

А. Малов. «Формула жизни» (вверху)
«Музыка сфер» (внизу)

РЕАЛИИ УСАДЕБНОГО БЫТА РОДОВЫХ ГНЕЗД В.В. НАБОКОВА

В пределах Верхнего Оредежа располагались некогда сотни усадеб, от которых в разной степени сохранности прослеживаются десятка полтора-два.

Печальная участь постигла и родовые гнезда В.В. Набокова. Батовский дом сгорел в 1923 году, вырский – в 1944, пять лет назад чуть было не потеряли в большом пожаре рождественский, а между тем – это последний памятник деревянного зодчества конца XVIII в.

Сегодня нарастающий интерес к русской усадьбе как мощному пласту отечественной культуры, а также популярность творчества писателя Набокова создает все необходимые предпосылки для восстановления в Рождествено музея-усадьбы.

Вот уже пять лет под руководством директора музея А.А. Семочкина идут реставрационные работы дома в с. Рождествено. Сотрудники музея ведут успешный поиск реалий усадебного быта родовых имений писателя и из этих остатков старины «складывают», воссоздают материальный образ усадьбы.

Драгоценнейшим сколком того времени является альбом помолвки родителей писателя Е.И. Рукавишниковой и В.Д. Набокова, который хранится в музее с 1976 г. Это дар Зепнова, сына повара Набоковых. Толстый альбом в кожаном переплете бережно сохранялся в блокадном Ленинграде, утрачены лишь серебряные накладки, обмененные на продукты. На снимках можно видеть парки имений Рождествено, Батово и набоковской Выры, узнать знакомые теперь лица. Фотографии уникального альбома вошли в основу книги А.А. Семочкина «Тень русской ветки», изданной к 100-летию В.В. Набокова. СПб., «Лига Плюс», 1999 г.

В фондах музея хранятся также еще несколько фотографий семьи Набоковых – Рукавишниковых. Две из них были переданы жительницей Сиверской Верой Александровной Коломеец, имевшей косвенное отношение к писателю – ее крестным отцом был управляющий усадьбой Набоковых, который и подарил ей редкие снимки: портрет Василия Ивановича Рукавишникова, дяди В.В. Набокова, а также фото отца и матери писателя на фоне зимнего пейзажа (снимок был сделан в 1905 г.). Об этом времени сам Набоков напишет в «Других берегах»: «Зима (...) была единственной, проведенной нами в деревне,

и все было ново и весело – и валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек в комнатах усадьбы (...). Год, как известно, был революционный, с бунтами, надеждами, городскими забастовками, и отец правильно рассчитал, что семье будет покойнее в Выре»¹.

Спустя неделю после нашей встречи безнадежно больная В.А. Коломеец умерла, а родственники ее на очередных Набоковских чтениях подарили музею портрет няни Набоковых и две небольшие фотографии: жены и сына швейцара Набоковых – Устина Ковеля. Вместе с этими раритетами в музей были переданы пара бронзовых подсвечников из усадьбы Набоковых в Вырской мызе.

Совсем недавно я познакомилась с Галиной Станиславовной Коломеец, невесткой покойной В.А. Коломеец. Она показала мне два очень красивых блюда и сливочницу. Эта уцелевшая часть сервиза была подарена за добрую службу Евсею Васильевичу Новожилову – управляющему домом Набоковых его хозяином Владимиром Дмитриевичем Набоковым. Сотрудники музея очень надеются, что эти бесценные вещи рано или поздно займут достойное место в мемориальном фонде Рукавишниковых – Набоковых.

От Ирины Николаевны Пятницкой, внучки швейцара петербургского дома Набоковых, в дар музею-усадьбе с. Рождествена были переданы следующие вещи из дома на Большой Морской ул.: металлическая пепельница с держателем от спичечного коробка, две подставки для винных бутылок (фарфоровые с металлической окантовкой и цветной росписью), фотография Николая Устиновича Ковеля с дарственной надписью на обороте (1922), металлическая рамка для фотографий с винеткой, снимок Марии Филипповны Ковель.

Совсем недавно я познакомилась с Натальей Николаевной Нечаевой. Она доводится двоюродной правнучкой Евсею Васильевичу Новожилову – управляющему усадьбой Набоковых. В их доме бережно хранится большой портрет в великолепно выполненной раме из орехового дерева. На фото запечатлен Василий Иванович Рукавишников с двумя борзыми (см. фото). В доме Н.Н. очень красивая мебель, сделанная ее дедом Никитой Илларионовичем Борисовым, который работал мастером краснодеревщиком у Рукавишникова. Его сестра – Евдокия Илларионовна Борисова – была замужем за Евсеем Васильевичем Новожиловым и служила у Набоковых горничной. Наталья Николаевна рассказала, что где-то в конце 1980-х годов к ним в гости приезжали друзья из Москвы, привозили рукописи каких-то произведений В. Набокова. Дали почитать рукопись учительнице литературы Анне Федоровне Федоровой. Узнав, кому принадлежат эти произведения, учительница очень напугалась и тут же вернула их назад.

В фондах музея усадьбы Рождествено хранится теннисная ракетка конца XIX – начала XX в., книга В.Д. Набокова «Из воюющей Англии» с дарственной надписью автора В.П. Коломеецеву (мужу сестры) и третий том «Всемирной истории» с экслибрисом Набокова.

С Филоретовой Еленой Александровой я познакомилась на Набоковских чтениях в Рождествено. Не раз мне приходилось слышать о плетеном столике из набоковского дома и о том, что хранится он в Петербурге в семье Филоретовых. И вот, наконец, судьба свела меня с хранительницей этой реликвии. Мы договорились, что я приеду в Петербург, дабы оформить дарственную на столик для музея усадьбы Рождествено.

Я сразу же его узнала! Ну, конечно, это тот самый плетеный столик на «козых» ножках, который выглядывает углом на знаменитом снимке Елены Ивановны Рукавишниковой с сыном Володи. Столик и плетеное кресло из камыша стояли у Набоковых на веранде. В. Набоков упоминает эти вещи в романе «Защита Лужина»².

¹ Набоков В.В. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1990. Т. 4. С. 185.

² Набоков В.В. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1990. Т. 2. С. 35.

Василий Иванович Рукавишников (дядя писателя В.В. Набокова).
Публикуется впервые

Е.И. Рукавишникова с сыном
Владимиром

Изысканный столик, сплетенный из камышовых прутьев, стоял предо мной все еще сохраняя свою девственную прочность. На одной из ножек в верхней части прикреплена родная металлическая скоба с клеймом фирмы «Perret and Wiberg Paris». На другой – скоба (моложе первой на полвека) с инвентаризационным номером 1318. (В доме Набоковых на Вырской мызе в 20–30-е годы размещался ветеринарный техникум).

Плетеный столик, а с ним и дамский столик Е.И. Рукавишниковой и креслице (последние хранятся в фондах музея-усадьбы Рождествено) попали в семью Филоретовых от Капитолины Мелих. Ее муж Федор Иванович Мелих работал в 1930-е годы директором Ветеринарного техникума в Рождествено. Все эти вещи находились в блокаде в Ленинграде. Многие в те годы сгорело в печах, но память к дорогим людям оказалась сильнее холода.

Восемь деревянных стульев (два из них красного дерева) с вырской усадьбы Набоковых были приобретены у семьи Тимофеевых, жителей деревни Даймище.

Из воспоминаний Зинаиды Ивановны Тимофеевой: «Усадьбу на Вырской мызе Набоковы покинули в 17-м году. Перед отъездом часть добра была роздана верным слугам на сохранность. Вероятно, Набоковы надеялись на быстрое возвращение. В господском же доме разместили учебное заведение. Мой дед Никита до революции служил егерем у Набоковых. Человек он был образованный, да и дело свое хорошо знал. Из Петербурга даже выписывал специальную литературу. Отношение его с хозяином были дружеские. После революции, при отъезде из Петербурга, Владимир Дмитриевич отдал Никите часть мебели: два дивана (один из красного дерева), кресла, стулья, картины и другие вещи. Дед рассказывал, что поддерживал переписку с Набоковым даже тогда, когда тот был за границей. Письма передавались через множество рук с тщательной предосторожностью. Их хранили в леднике (погреб), скрывая от посторонних глаз, так как это было не безопасно. К сожалению, один из весенних паводков уничтожил переписку».

В 1998 г. музей приобрел через старую учительницу Валентину Николаевну Моисееву собрание нот из набоковской усадьбы в Выре, которое долгие годы хранилось у ее соседки Надежды Михайловны Барановой. «Когда была маленькая, гуляла как-то возле ветеринарного техникума (бывшая Вырская усадьба Набоковых – В.Д.). Там проводили, видимо, генеральную уборку и с чердака вытаскивали весь ненужный хлам. Меня привлекли красивые обложки, собрала я их все, до единого листочка, и сохранила до сегодняшнего дня», – поведала Н.М. Баранова.

Это были нотные литографии, некоторые ручной работы. Даты выпуска разные: 1900, 1902, 1905 гг., место выпуска – Санкт-Петербург, Лейпциг, Берлин, Париж и т. д. Собрание включает произведения Моцарта, Чайковского, Бетховена, Баха, И. Штрауса и прочих. На некоторых стоит штамп с надписью: «Нотная торговля. Большая Морская, 42». Таким образом, ноты покупались возле своего петербургского дома, а потом привозились в усадьбу.

Уникальное собрание нот – наглядное подтверждение строк писателя Бориса Носика о музыкальной образованности отца писателя – В.Д. Набокова: «Отец

с матерью не пропускают ни хороших концертов, ни интересных спектаклей (в день своей гибели театрал и знаток В.Д. Набоков закончил новую главу воспоминаний о театральной жизни Петербурга). В их доме на Морской дают концерты замечательные музыканты, знаменитые певцы»¹.

С одним из таких знаменитостей – композитором Эрнстом Ленгом Владимир Дмитриевич Набоков мог познакомиться за границей в 1903 г., когда семья отдыхала в Ницце, но, возможно, это была встреча уже давно знакомых людей. Об этом свидетельствует едва заметная запись на одном из нотных титульных листов, автор музыки Lent.

8 мая / 12 мая 1903 г. Пятница, Каприс, Lent и я.

В верхнем правом углу «изящным, плавным почерком» сделана уже черпильная запись (см. фото).

Подробность и аккуратность записи говорят о том, что Набокову-старшему эти связи были очень дороги.

У Надежды Михайловны я приобрела для музея также черный кружевной платок, предназначенный для траурных церемоний. Выполнен он на коклюшках матерью Надежды Михайловны Анастасией Ивановной Алексеевой. В память о матери дочь бережно сохранила эти вещи. Теперь они-музейные раритеты. Коклюшки и наборное полотно для изготовления кружев подарила Анастасии бабушка писателя со стороны матери – Ольга Николаевна Рукавишникова.

Ольга Николаевна, как и ее супруг Иван Васильевич Рукавишников, сделали много доброго для жителей и окрестных деревень. Так, по инициативе Ольги Николаевны были организованы в деревне Даймище курсы кройки и шитья, а в селе Рождествено – школа кружевниц. Обучение было двухгодичным, бесплатным. На втором году обучения

девушки уже принимали заказы от населения, часть изделий шла на продажу. По окончании курсов выпускницам предоставлялась возможность продолжить работу на дому, при этом им дарили необходимые для работы предметы: коклюшки, крючки, подушки для кружев и т. д. Изделия рождественских мастериц имели большой успех не только в Петербургской губернии, но и далеко за ее пределами, даже за границей. Особым спросом они пользовались у парижских модниц². Один из раритетов этого прикладного искусства – детское платье – хранится в Русском музее.

С трепетным чувством, в предвкушении открыть для себя, как музейщика, новое в старом, я перелистываю старинную книжицу-учебник. Ее дала мне посмотреть добрая соседка Аня Федорович, в девичестве Власова. Крестьянский род Власовых – древний на селе. И дед, и прадед учились по этой книжке. С тех давних пор и хранится реликвия в доме этих замечательных людей. И хоть книжонка тоненькая, всего-то 85 страниц (восемь первых страниц утрачены), вся она проникнута добром и любовью к людям, к родной земле. Здесь и обращение

¹ Борис Носик. «Мир и дар Владимира Набокова». Первая русская биография писателя. «Пенаты», 1995 г. С. 62.

² ЦГИАЛО. Ф. 218. Д. 534. Оп. 1.

к Богу, и добрые заповеди, и наставления. Но больше всего меня привлекли рассказы о малой Родине. В них все легкоузнаваемо: и наше село Рождествено, и река Оредеж, и церковь, и здание старой школы.

Вероятнее всего, учебник был заказан Иваном Васильевичем для местной детворы. Миллионер Рукавишников с 1887 по 1901 г. был почетным попечителем училищного дома в Рождествене. Старательный хозяин «... (1883 г.) перестроил своими средствами училище, устроив в нем две большие комнаты с квартирами для двух учительниц; заново обмоблировал те и другие, приобрел в собственность училища соседнее место, перестроил на нем службы; около училища разбил сад»¹ – из записей инспектора В. Петрова господину директору народных училищ Санкт-Петербургской губернии.

Более того, Иван Васильевич «... среди местных жителей считался не только благодетелем, но в то же время почетным попечителем их. Он всегда входил в нужды крестьян, он оставил большой капитал в пользу крестьян, процентами с этого капитала они пользуются для пособий в случаях падежа скота и вообще какого-либо бедствия»².

После смерти Рукавишникова все заботы об училище взял на себя В. Д. Набоков. Сохранилось свидетельство об образовании, подписанное в 1913 г. на Николая Яковлевича Филимонова. Внизу, напротив записи «Почетный блюститель» стоит автограф В. Д. Набокова.

В настоящее время известно местонахождение и некоторых других мемориальных вещей семьи Набоковых – Рукавишниковых. Комплектование мемориального фонда ведется не только через поисковую работу с местным населением, но и через архивы. Публикуем некоторые документы из переписки уездного исполкома г. Троица (в 1920-х гг. так называлась Гатчина). Стиль и особенности написания подлинников сохранены.

В Т. У. О. Н. О. Срочно!

(Исх(одящий) № 800/18. XII. – 22).

Препровождается при сем копия отношения Губ(ернского) отдела Управления от 8-го декабря с(его) г(ода) за № 11/94. Отдел Управления Троицкого Уисполкома предлагает Вам срочно выслать своего представителя в Рождественскую волость имение Рукавишниковых, в выше означенном отношении произвести опись по акту художествам. Музыкальной ценности опечатать в таковые и принять меры к охране.

Зав(едующий) отд(елом) управления. *Мельников В.*

Такое же письмо было направлено главному врачу Кезевского санатория (бывшее имение Рукавишникова в Сиверской волости).

Дальнейшее исследование архивных материалов установило, что пианино марки «Шредер» и фисгармония (Набоков ее называет «органом») переданы из имения Рукавишникова в Рождественский клуб. Пианино марки «Бехштейн» за № 22528 национализировано из набоковского дома и передано в Рождественский ветеринарный техникум.

Выписка из протокола № 13 заседания президиума Троицкого уездного исполкома от 29 января 1923 г.

Слушали: п(ункт) 3. О доме-музее в Рождественской волости в имении Рукавишникова и имеющихся там исторических ценностях.

Постановили: 1. Дом в бывшем имении Рукавишникова, Рождественской волости, впредь до особого постановления (...) закрепить за Уатмествхозом, который через своего уполномоченного на месте сохранять как дом-музей, принимая всяческие меры к предотвращению расхищения дома, производя необходимый ремонт крыши и т. п.

¹ ЦГИАЛО. Ф. 218. Д. 40. Оп. 1. Л. 24.

² Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. А. А. Лучинский и Н. В. Никитин. С.-Пб. Изд. Сиверское добровольное пожарное общ-во. 1910 г. С. 31–32.

2. В целях предотвращения возможности расхищения имущества в доме бывшего имения Рукавишникова, произвести вывозку такового в г. Троцк силами Уатместхоза (...) ¹.

Предметы, имеющие ценность, были доставлены в Троцкий (Гатчинский) дворец-музей, остальные переданы в распоряжение Троцкого Уфинотдела для распределения по организациям или продажи населению. К документу прилагалась опись «художественного имущества в имении Рождествено», составленная в 1919 г., из которой известно, например, что в «белом зале» находились два саркофага «белого мрамора, древнеримских, вывезенных из Италии (...)». Один из них украшен барельефом, состоящим из ряда античных фигур; на другом барельеф примитивный, с изображением двух дельфинов, переплетенных телами». О них напишет и В.В. Набоков в своих воспоминаниях. Кроме этого в доме было много мраморных статуй и фарфоровой пластики Датского, Мейсенского, Дрезденского и Императорского фарфорового заводов; в описи перечислено и большое количество гравюр и картин разных школ, бронзовых изделий, и даже гобелен XVII в.

Рукавишниковы не были собирателями или коллекционерами. Скорее всего, все эти предметы и картины были приобретены как дань моде, кое-что из них – подарки друзей. Среди знакомых И.В. Рукавишникова было немало художников. Сохранилась фотография, на которой рядом с ним стоит брат художника, знаменитый врач М.П. Кончаловский. Частыми гостями семьи Рукавишниковых были друзья – художник П.П. Кончаловский и скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Последний о своем пребывании в Рождествено вспоминает в книге «Мой век»: «В Петербурге жила родная тетка Петра Кончаловского – она служила управляющей имением богача Рукавишникова. Кроме большой городской квартиры, у Рукавишниковых вблизи станции Сиверская было имение с лугами, полями, скотными дворами. По воскресным дням Петр Петрович брал меня с собой в имение в гости к тетушке отдохнуть, подышать деревенским воздухом. Днем мы гуляли по окрестностям или предавались художественным занятиям: он писал этюды, я рисовал животных, а вечером принимали участие в деревенских играх и хороводах. Одним словом, полностью отвлекались от петербургской суеты. Вскоре в имении к нам настолько привыкли, что считали за своих».

Некоторые предметы искусства могли быть привезены Василием Ивановичем из Италии, где он служил при русском посольстве в Риме. Единственным, наверное, серьезным собранием в доме были миниатюры «на кости и фарфоре, резных барельефов, силуэтов и т.п. эпохи Александра I и Николая I – собрание генерала Н.И. Козлова – 80 лет», хранились они в кабинете В.И. Рукавишникова вместе с портретом самого Николая Илларионовича Козлова (деда Василия Ивановича по материнской линии).

В архиве Гатчинского дворца-музея имеется еще одна опись предметов, вывезенных из имений Рукавишникова и Набокова в 1924 г. В ней перечислены книги, картины, мебель, альбомы фотографий. К сожалению, проследить путь предметов, вывезенных из усадьбы, так пока и не удалось. В Гатчинском дворце-музее нам показали несколько сохранившихся книг и 8 (из 21 вывезенного) барельефов Ф.П. Толстого на тему Отечественной войны 1812 г.

Интересные слухи ходят в селе о скульптурах и вазонах, бывших некогда в Рукавишниковском парке. Они якобы покоятся на дне речки Грезны, сброшенные туда местными крестьянами. Подобные находки вполне возможны: так, весной 1998 г. при расчистке площадки от фундамента старого дома на территории бывшего имения баронов Фредериксов в поселке Сиверском были обнаружены две мраморные скульптуры ².

¹ ЦГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 23.

² Не вполне понятную историю о месте сокрытия части обстановки усадебного дома в Рождествене, рассказанную якобы непосредственным участником тех событий, см.: Мартыненко А.А. Невостребованные клады: По запискам лагерного врача. СПб., 1998 г. С. 277–281. (Ред).

*Из воспоминаний Веры Александровны Коломеец
(в девичестве Новожиловой).*

«Папин дядя – Евсей Васильевич Новожилов – был мне крестным. Дом его стоял там, где ныне расположен детский сад “Солнышко”. Он служил управляющим имением Набоковых на Вырской мызе. Часто он сопровождал хозяина за границей. Иногда с ним уезжала и его жена. Дом Евсея был очень красивый, впрочем, как многие дома в Рождествено. Папа рассказывал, что Василий (дядя В. Набокова по мат. линии), приходя в дом управляющего, не мог сдержаться от удивления: “Евсей Васильевич, да ведь у тебя дом красивее, чем у меня”. За домом, в пихтовом лесочке, на крутом берегу реки стояла большая беседка с колоннами.

После революции в этом доме останавливался С.М. Киров, а позже расположился дом отдыха. В 1944 г., при отходе немцев, дом сгорел. Фундамент его был перекопан. Фотографии Василия Ивановича, а также его сестры с мужем (Набоковых) подарила мне на память жена Евсея Васильевича. Она же мне рассказывала, что у Василия Рукавишников в Рождествено была любовница, от него у нее родился сын. Фамилия его была, вроде как, Карамышев (?). Василий ей очень помогал материально.

Умер мой крестный в 1928 г.

После окончания школы я работала один год лаборанткой химического кабинета в ветеринарном техникуме (дом Набоковых на Вырской мызе). У директора техникума Петра Леонидовича Симирыгина был очень красивый рабочий кабинет, стены его были сделаны из красного дерева. Часть помещений дома сдавали под жилье испанским детям в 1973 г.»

*Записано от Осиповой Надежды (88 лет),
жительницы с. Рождествено*

«Муж рассказывал. Прилег он как-то дома отдохнуть. Вдруг его кто-то будит. Голос женский. Встала за занавеской и говорит: “Николай, хочешь быть богатым? Иди в парк (Рукавишниковский). В конце аллеи, как идти к полю, желтая акация. У акации – тумба. Отсчитай столько-то (сейчас не помню, сколько) шагов на север. Найдешь клад!” И ушла. Я спрашиваю: “Что, пойдешь?” “Да бог с ним, с кладом-то, я ведь выпить люблю, напьюсь, буду хвастать, не удержусь”. Так и не пошел.

Сама я Рукавишниковых знала. Нас двое было с братом. Мне было 4 года, брату 6. Помню, Василий Иванович сам ходил по домам, разносил деньги солдатам (у кого мужья на фронте пропали). И не лень же ему было к нам в горы ходить! У нас во времянке окошечко всего одно было. Было плетеное креслице. Сидим с братом, смотрим в окно, ждем, когда мать придет. Брат: “Надька, барин”. “Какой барин?” – спрашиваю. “В шляпе, с палкой!” Вижу в окошечке красиво одетый мужчина. “Где мама? – спрашивает. – А брат: Ушла в поденщину к барину! (Мать в парке работала. Хороший был парк. Встал бы Василий Иванович, да посмотрел, что стало с парком. Через него же коров гоняли!) – Скажите, вот здесь я положил деньги”. И ушел. Мать пришла. Спрашивает брата: “Не нагрубил ли ты барину?” Мама у нас культурная была, до того горничной работала в Петербурге у господ.

Василий Иванович школу и больницу содержал. Школа хорошая была, классы светлые, мебель красивая. Часто показывали картинки по волшебному фонарю».

*Из воспоминаний Гордеевой Галины Николаевны,
с. Рождествено (80 лет).*

«Мой отец Николай Логинович Логинов родился в с. Рождествено в 1875 г., в семье крестьянина.

В ранней молодости был очень способен к работе столяра-краснодеревщика, в чем его и заметил помещик В.Д. Набоков (отец писателя В.В. Набокова).

У меня даже по сей день остался ломберный стол, изготовленный отцом. Помещик Набоков взял его к себе работать по столярному делу. Но вскоре хозяин отправил его в Петербург учиться на строительного десятника. За учебу платил Набоков, на пропитание отец зарабатывал сам, разгружая баржи и пароходы в ночное время, а днем учился. По окончании училища работал по ремонту порта Артура. Примерно в 1910 г. он изобрел машину по канализации. Поскольку отец был из крестьян, то свое изобретение он не мог внедрить и утвердить в Думе. Дума принимала изобретение только от иностранных лиц или от людей знатных и богатых. Тогда мой отец пошел на компромисс, воспользовавшись услугами тогда известного в Петербурге инженера немца Рейника. Они заключили между собой договор, что изобретение будет зарегистрировано за Рейником, а деньги поделят пополам. Изобретение было принято и за него было выплачено 70 тыс. рублей (в то время это были очень большие деньги. Получив свою законную половину, отец много путешествовал по свету. Он был в Индии, Китае, Манчжурии и т. д.

Очень жаль, что не сохранились копии документов об изобретении».

*Из воспоминаний Нины Васильевны Ворониной,
д. Парушино (90 лет).*

«Отец был родом из Сиверской, мать – даймищенская. Жили в дедовском доме в Парушино. Семья была большая. Девять ртов надо было накормить! Тяжко было растить деток! А тут еще кормилец семьи помер. Добрые люди и научили мать – сходить к госпоже Набоковой, попросить помощи похоронить мужа. Пошла матушка к Елене Ивановне, бросилась в ноги. «Встаньте, встаньте, – кричит барыня. – Я не могу этого видеть». Выслушала матушку внимательно и говорит: «Не переживайте. Сегодня же пошлю людей к вам. Привезут все необходимое».

Обрадовалась матушка, поспешила домой. Не успела и порог переступить, как подошла подвода. И вправду, не обманула барынька, помогла».

*Коллектив сотрудников
музея В.В. Набокова*

ОПИСАНИЕ ПОРТРЕТА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА РУКАВИШНИКОВА

«Другие берега» В. Набоков

«Вижу, как на картине, его небольшую, тонкую, аккуратную фигуру, смугловатое лицо, серо-зеленые искрой глаза, темные пышные усы, темный бобрик; вижу и очень подвижное между крахмальными отворотцами адамово яблоко, и змееобразное, с опалом, кольцо вокруг узла светлого галстука. Опалы носил он и на пальцах, а вокруг черно-волосатой кисти – золотую цепочку. В петлице бледно-сизого, или еще какого-нибудь нежного оттенка, пиджака почти всегда была гвоздика, которую он бывало быстро нюхал – движением птицы, вздумавшей вдруг обшарить клювом плечевой пух. Как я уже говорил, он появлялся у нас в деревне только летом (помню не больше двух-трех заграничных с ним встреч), и сквозь этот-то жаркий перелив в дорогом камне минувшего времени мне теперь и представляется он – вот опустился на ступень веранды для еще одного снимка (как любили сниматься тогда, как пытались задержать уходящее!) и сидит с тенью лавров на белой фланели штанов, с руками, сложенными на набалдашнике прости, с солнцем на выпуклом, веснушчатом лбу в ореоле далеко назад сдвинутого канотье».

Георгий ЗАЩУК

ХРАМ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ПОСЕЛКЕ ВЫРИЦА

По мере роста Петербурга его дачные места постепенно отодвигались все дальше и дальше от городской черты. Большую роль сыграли железные дороги, давшие дешевый, общедоступный и быстрый способ передвижения.

В начале XIX века дачные места петербуржцев были на Каменном острове, Новой деревне, по Петергофскому шоссе, в Лесном. К середине XIX века дачные пределы раздвинулись до Шувалова, Парголова, Павловска, Ольгина.

Рост городского населения в конце XIX века поставил на очередь освоение районов Луги, Сиверской, Сестрорецка. Царскосельская железная дорога, кончавшаяся при императоре Николае I в Павловске, получила продолжение на Павловск II и далее вела на Киев, именуясь в своей северной части Московско-Виндаве-Рыбинской железной дорогой.

В первые годы XX века стал быстро расти поселок при станции Вырица. В журналах тех лет можно встретить рекламы Вырицы, как красивого дачного места и предложения о покупке там участков под строительство дач. Поселок рос вправо от железной дороги, считая по направлению от города. Здесь в направлении на Сиверскую простирались земли князей Витгенштейн, полная фамилия которых звучала – Витгенштейн-Сайн-Беронбург.

Первый представитель этого старинного немецкого княжеского владетельного рода попал в Россию в качестве пленного офицера в Семилетнюю войну в 1761 году. После окончания войны он вступил на русскую военную службу. В 1768 г. в Нежине в этом роду появился младенец Петр. Это был будущий генерал-фельдмаршал светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн.

В войну 1812 года Витгенштейн командовал I-ым пехотным корпусом, прикрывая направление на Петербург. Удачными действиями он заставил французские корпуса маршалов Удино и Груши прекратить наступление на столицу.

В 1813 году после смерти Кутузова он принял главное командование над русско-прусскими войсками в Европе. Неудачные сражения при Дюцене и Бауцене повлекли его замену фельдмаршалом Барклай-де-Толли.

В 1818 году мы видим его главнокомандующим 2-ой армии, расквартированной на юге России. В 1826 году император Николай I возводит его в чин генерал-фельдмаршала. В войну с Турцией в 1828 году, в память которой в Петербурге были воздвигнуты Московские триумфальные ворота на Забалканском проспекте (названный так в память того, что русские войска шли из Балканских гор), он был главнокомандующим всеми русскими войсками. Он был награжден всеми высшими орденами России. В 1834 году ему пожаловано княжеское достоинство, а в 1836 г. присоединен еще и титул светлейшего князя. В 1826 году назначен шефом 4-го гусарского Мариупольского полка. Скончался генерал-фельдмаршал Витгенштейн 30 мая 1843 г. на 73 году жизни. В 1891 году его имя, как почетного шефа, было дано 4-му гусарскому Мариупольскому полку, носившему его вплоть до 1917 года.

В начале XX века его прямой потомок, отставной поручик л. гв. царскосельского гусарского полка Светлейший князь Генрих Федорович Витгенштейн,

проживавший в Петербурге по Сергиевской улице д. № 3, решил продать земли в районе станции Вырица. Основное его имение было по Варшавской жел. дороге и называлось Дружноселье. Вырицкая земля была разделена на участки, под застройку дачами и в газетах, и в журналах появлялись рекламные объявления о создании нового дачного поселка, получившего название Княжеская долина. Было это в 1910 году.

Участки раскупались быстро. Новый поселок представлял собой уютный уголок природы с сухой здоровой почвой, сосновым лесом и живописными берегами реки Оредеж. Поселок стал быстро застраиваться и заселяться. Подумали православные люди и о том, что поселку нужен и Храм Божий. 2 августа 1912 года состоялось общее собрание жителей поселка, посвященное вопросу о будущем храме. Желательность храма была признана всеми присутствующими единодушно и началось подыскивание подходящего места. Выяснилось, что в конторе князя Витгенштейна, ведавшей продажей участков, при первой разбивке земли был намечен и участок под храм по Ракеевской улице между Пильным и Майским проспектами. При осмотре участка представителями жителей он был признан неудобным. Более отвечающим своему назначению посчитали участок в центре поселка по Магистральному проспекту, угол Ракеевской улицы. К князю поехали в Петербург с просьбой о замене участка, отведенного под храм, другим, выбранным жителями. Владелец принял, выслушал представителей и обещал прислать письменный ответ, который вскоре был получен.

Князь сообщил, что просимый участок в 1771 квадратную сажень по оценке значительно превосходит стоимость выделенного первоначально участка под храм, но он согласен снизить 50% стоимости участка, составлявшую 2834 рубля, и продать при наличном расчете за 1417 рублей, из которых он сам лично жертвовал 700 рублей, а жителям поселка оставалось внести сумму в 717 рублей. Предложение князя было принято на собрании участковыхладельцев поселка и одновременно ему было написано письмо с благодарностью за отзывчивость и пожертвование. Была открыта подписка на приобретение земли. Жители ото-звались дружно, и нужная сумма была собрана и внесена в контору владельца в оплату за купленный участок.

Собрание поручило уполномоченным избранным лицам совершить от имени общего собрания купчую на этот участок. Но здесь, в совершении купчей крепости возникло препятствие. Купчая крепость – так называется нотариальный договор купли-продажи недвижимости. Название «крепость» произошло от слова «скрепление», когда в 15–16 веках важные договоры скрепляли представители власти, путем записи их в особую крепость.

Препятствие состояло в том, что надо было оформить купчую на землю, приобретаемую в общественную собственность на частное лицо. По законодательству, во избежание злоупотреблений и обмана, в общественную собственность могло приобретать землю частное лицо, занимающее крупную выборную должность и владеющее капиталом в банке, обеспечивающим залог за землю. Такого лица среди владельцев участков не оказалось. Тогда был найден выход в учреждении особого Братства с определенным уставом. Такой устав выработали, и перед епархиальной властью было возбуждено ходатайство об учреждении в поселке «Княжеская Долина» Братства в честь иконы Казанской Божьей Матери, по построению храма в память 300-летия царствования дома Романовых. Надо сказать, что в 1913 году по всей России торжественно отмечалась эта дата. Это был юбилей не только царской фамилии, но и юбилей всей России, которая после тяжелого смутного времени, когда на троне сменялись ряд правителей, в том числе и самозванец, когда поляки разорили всю Русь, заняли Москву. Тогда встали люди русские под знамена князя Пожарского и нижегородского купца Минина, прогнали поляков и самозванцев и позвали на царство Михаила Романова. И с той поры дом Романовых, правда, с сильной примесью кровей немецких принцесс, правил Россией 300 лет и умножал ее земли.

Описываемые нами дела происходили на пороге этой даты, естественно, что строящийся храм и был ей посвящен. Надо сказать, что в это время много храмов

строилось в память этих знаменательных дней. Назовем в Петербурге храм в честь чудотворной Федоровской иконы Божией Матери на Полтавской улице, недостроенный храм близ Варшавского вокзала на Обводном канале, Федоровский храм в Федоровском городке в Царском селе.

Устав был представлен на утверждение митрополита Петербургского и Ладожского Владимира. 9-го декабря 1912 года после торжественного молебствия Покровительнице Братства оно было официально открыто. Молебствие служило в церкви Училищного Совета при Св. Синоде митрофорным протоиереем П.И. Соколовым и Г. Преображенским – настоятелем Петропавловской Вырицкой церкви, в сослужении священника П.С. Десницкого при пении певчих хора л. гв. Семёновского полка. После молебна учредители Братства собрались в школьном зале училищного Совета. Было сказано слово о П.С. Десницком. Затем состоялись выборы членов Совета, ревизионной комиссии, после чего перешли к выбору проекта храма. До этого был объявлен конкурс на проект Храма. На конкурс было представлено пять проектов. Выбор проектов происходил баллотировкой. Большинство голосов было за проект архитектора В.Р. Апышкова и М.В. Красовского.

Все работы и заботы по постройке Храма и изысканию средств были возложены общим Братством на Совет. Совет Братства приступил к работе почти не имея денежных средств. К этому времени князь Витгенштейн землю, приобретенную Братством под Храм за 717 рублей, пожертвовал Братству, деньги же полученные за эту землю зачислил в уплату за другой лесной участок по Мельничному проспекту № 13. Строевой лес этого участка был снят и употреблен на постройку Храма, а сам участок был продан для употребления денег на Храм. У Витгенштейна было закуплено еще 1000 штук бревен.

27 февраля 1914 года обратились к Его Высочеству князю Иоанну Константиновичу с просьбой быть почетным покровителем Братства. Князь Иоанн Константинович был старшим сыном внука Императора Николая I Великого князя Константина Константиновича, который резко выделялся по своему уму и знаниям среди других членов семьи Романовых. Он был Президентом Российской Академии Наук. Не лишен был поэтического таланта, писал, подписывая свои стихи инициалами «К.Р.», многие его поэтические произведения были переложены на музыку выдающимися композиторами конца XIX века, включая Чайковского. Романы его широко исполнялись в России, даже и сейчас они иногда звучат, обычно без указания имени их автора. Пробовал он работать и в области драматургии – широко известна его драма «Царь Иудейский». Он состоял в переписке и встречался с Чеховым, Короленко, Репиным, Горьким. Ему принадлежали в Петербурге Мраморный дворец и в Павловске дворец, который был его резиденцией. Долгие годы он был командир старейшего гвардейского полка – Преображенского. В 1900 году он был призван на пост Главного начальника Военно-учебных заведений, на котором пребывал до своей смерти в 1915 г. С ним началась новая эра для военных учебных заведений. В корне были пересмотрены методы воспитания кадетов и юнкеров. В основу были положены гуманность и широта образования. Среди офицеров русской армии он был боготворим. Семья у него сложилась большая: 6 сыновей и две дочери. Из сыновей Олег убит в начале войны в 1914 году, Иоанн, Игорь, Константин – сброшены в шахты в 1918 году близ г. Алапаевска, Пермской области.

20 марта 1913 года было получено согласие князя Иоанна Константиновича быть почетным председателем Братства.

Торжественная закладка храма состоялась 14 июля 1913 года. Совершил закладку Высокопреосвященный Алексей архиепископ Тобольский при участии многих духовных лиц и большом стечении народа.

К осени 1913 года храм был в черне закончен: вырублены стены, выведена шатрообразная глава Храма, сделана колокольня, настланы верхние черные толки. Верх был покрыт железом. Церковный участок был обнесен досчатым забором со стильными рубленными воротами. На зимний период, как это обычно

было принято до советского времени, постройка была остановлена и возобновлена с начала весны 1914 года. Строительная комиссия и Совет принимали все меры, чтобы закончить постройку ко дню Храмового праздника – 8 июля (старый стиль).

26 мая 1914 года состоялось поднятие колоколов и крестов на строящийся Храм. При огромном стечении дачников и окрестного населения крестный ход во главе с о. Георгием Преображенским (настоятель Петропавловского Вырицкого храма) встретил на вокзале прибывшего на торжество члена Синода архиепископа Никона с сопровождением многих священников. Высокопреосвященный Никон в сослужении всего прибывшего и приглашенного духовенства совершил молебен и чин освящения колоколов и крестов, которые потом были подняты на Храм.

Храм в честь иконы
Казанской Божьей Матери
в Вырице

26 июля 1914 года состоялось свяжение Храма, чему накануне предшествовало всенощное богослужение, совершенное протоиреем Ф.Н. Орнатским с другим приглашенным духовенством, при пении л. гв. Семеновского полка. Чин освящения Храма совершил епископ Гдовский – Вениамин.

В эти дни разворачивались события начала первой мировой войны. Великий князь Иоанн Константинович не мог лично присутствовать при освящении храма и прислал телеграмму: «Всей душой скорблю, что не был в состоянии присутствовать на освящении храма. Дай Господь всему комитету счастья, благополучия и твердой веры в Царицу Небесную, которая дает великое утешение страждущим душам, приходящим в сей Храм и получающим исцеление как душевное, так и телесное. Помогите Вам всем Господь». 6 июля 1914 г. Иоанн.

Со дня освящения Храма служба совершалась в нем только в летний, дачный сезон, в виду непригодности Храма для службы в зимнее время. Иконостас Храма был исполнен по рисункам инженера Красовского – дубовый,

резное дерево с металлическими приборами. Паникадило 2-х ярусное в 28 свечей бронзовой отливки с хрустальными цепями, с бронзовыми отливными подвесками. Прибор в 28 металлических свечей, окрашенных под желтый воск. Цепь 11 аршин. Паникадило дар П.И. Летуновского.

Престол кипарисного дерева на дубовой основе. Одежда престола белая мраморная. Дар А.А. Кузнецова и М.М. Игнатьева.

Царские врата – иконы Спасителя и Божьей Матери открытого греческого письма, в серебрянной басменной оправе размером 1½ вершка.

Патриарх Иерусалимский Дамиан прислал икону Воскресения Христова, содержащую в себе частицу камня гроба Господня. Св. Синод подарил дароносу серебряную, вызолоченную и пасхальный трехсвечник бронзовый с эмалевыми украшениями. Большое Евангелие в серебряном окладе с камнями Иконопись под слюдой. Евангелие в малом, бархатном окладе с серебром. Евангелие на престольное в лист 9 вершков в бархатном окладе с бронзовым матовым зеленого золочения пропиленным крестом, с иконой Спасителя в камнях – дар П.Я. Мешкова. В вратах икона Спасителя и Казанской Божьей Матери на цинке. На тех же вратах с внутренней стороны икона де-Иисус-Спаситель, Божья Матерь и Иоанн Креститель на цинке.

Из икон отметим:

- икона св. Иосифа Белгородского Чудотворца на липовой шке (доске) с ковчежцем Строгановского письма в висячем светло-дубовом киоте с бронзовым отливным крошштейном;
- икона Казанской Божьей Матери в серебряной оправе с камнями;
- икона ап. Павла 2×1 аршин;
- икона св. м. Лидии 2×1 аршин;
- икона Казанской Божьей Матери в серебряной оправе с камнями (2-я хоругви бронзовые, зеленого золочения, чеканные – 2 штуки);
- колокола: 158 пудов 20 фунтов с железным языком 6 пудов, 73 пуда 10 фунтов, 43 пуда 5 фунтов, 17 пудов, 1 пуд, 22 фунта.

По счету расходы на постройку Храма составили:

Участок земли с лесом	– 2768 руб.
Страхование	– 527
Нотариальная купчая	– 40
Материалы	– 12031
Перевозка	– 326
Плотничьи работы	– 9831
Земляные работы	– 409
Поденные работы	– 299
Каменные работы	– 917
Кровельные работы	– 443
Конопатные работы	– 522
Столярные работы	– 2355
Технический надзор	– 1186
ИТОГО	– 30022 рубля
Иконостас, иконы, утварь; облачение, колокола	– 23882 рубля

Теперь посмотрим Бруслицыных. Николай Бруслицын был крупный предприниматель, купец 1-ой гильдии, основатель в России фирмы «Бруслицын Н.М. с сыновьями» – которой принадлежали кожевенные заводы на Косой линии Вас. ос-ва и на острове Голодай. Ныне это завод «Марксист» и «имени Радищева». Три его сына Александр, Георгий, Николай из которых один коммерции советник (звание дававшееся особо крупным предпринимателям), купец 1-ой гильдии и депутат Государственной Думы, банковский деятель; два других масштабом поменьше, но также купцы 2-ой гильдии, т.е. владели не малым капиталом. После смерти в 90-е годы XIX века своего отца Николая и матери Елены, желая увековечить их память основали дом призрения малолетних детей сирот в память Николая и Елены Бруслицыных на Косой линии. Приют этот, размещавшийся в нескольких зданиях по Косой линии получил № дома 15-й. При нем была домовая церковь во имя св. Николая Чудотворца. Для ее росписи приглашены известные художники Петербурга. Среди них профессор живописи Академии Художеств Николай Андреевич Кошелев (1840–1918) и известный мозаист, тоже профессор Академии Художеств Зошенко Михаил Иванович (1857–1908), чью мозаичную икону мы также видим в Вырицком Храме, куда она попала в то время вместе с иконостасом.

На этом можно было бы поставить точку, но нет, в жизни происходят удивительные и зачастую просто невероятные совпадения. Среди моих знакомых с 50-х годов был крупный инженер НИИ «Гипроникель» Кирилл Владимирович Головин (1908–1989). Он относился к той интеллигенции, которая за годы советского правления лачисто исчезла. Скромный, трудолюбивый, имевший па службе, как специалист, большой авторитет, он мог сделать большую карьеру

в своей отрасли, но он не проталкивался вперед, не вступал в партию, не кланялся партийным боссам, всю войну прошел, начальство его фронтовое, чтобы спасти свою шкуру, сваливало на него свою вину и упекало его даже в штрафной батальон, что обычно вело к гибели, но Провидение спасло его и он, отбыв срок на передовой позиции, невредимым вернулся оттуда. Из разговора с ним я узнал, что его мать относится к роду купцов Брусницыных, что имела она заводы, даже яхту на Балтике – «Астарту» и приют для сирот. Когда я занимался поисками происхождения иконостаса Вырицкого Храма и попал на след Брусницынского приюта, я рассказал ему об этом, он тоже заинтересовался, поехал со мной в Вырицу и сразу сказал, что он помнит будучи 13-летним мальчиком этот иконостас в бывшем приюте его дедушки. Познакомился тогда он и с настоятелем Храма протоиереем А.И. Коровиным.

Надо отметить, что из перечисленного выше видно, что очень много утвари, икон поступило от людей в качестве пожертвования, поэтому расход на иконы и утварь был относительно невелик.

За прошедшие десятки лет лихолетия и гонений на религию и храмы привели к тому, что в настоящее время большинство из перечисленных икон и богослужебной утвари безвозвратно расхищены и утеряны.

Сегодняшний иконостас Храма:

Когда Вы входите в Храм, то сразу бросается в глаза, что иконостас здесь позднейшего происхождения, он значительно больше того места, которое намечалось архитектором под него: он закрывает окна алтарной части, но надо отдать должное, он красив, изыщен и усиливает прелесть Храма. Автор этих строк узнал от сторожа, что иконостас был привезен в первые послереволюционные годы из Петрограда. Но откуда? Никто сказать не мог. Можно было предположить, учитывая работу иконостаса, что он был взят из какого либо великокняжеского дворца. Просматривая описание дворцовых церквей от этой гипотезы пришлось отказаться. Ни один из иконостасов не подходил хотя бы отдельно к находящемуся в Храме. Были просмотрены путеводители по церквям города и пригородов, но тщетно, след пропал. И вдруг находка! В книге «Путеводитель по церквям города С.-Петербурга» Н.А. Тихомирова изд. 1906 года на стр. 108 нахожу: «Церковь во имя св. Николая Чудотворца при приюте братьев Брусницыных (Косая линия Вас. ос-ва). Освящена в декабре 1897 года в 2 этажа приюта в память основателя завода и фирмы купца Николая Брусницына. Очень изысканный дубовый иконостас украшен двумя картинами профессора Кошелева: Божьей Матери всех скорбящих радостей и Благословение детей».

В Вырицком Храме в самом деле имеются эти две духовные картины с подписью Н. Кошелева и датой 1898 год. Сомнений теперь быть не может, откуда попал иконостас в Вырицу. Как всегда, за одним открытием следует другое. Отыскивается пожилая Вырицкая жительница, которая вспоминает, что в двадцатые года она в числе других ездила в Петроград на подводах, на которых обратно везли церковные доски в Храм. И брали их на Косой линии.

Церковь на Косой линии освящали в 1897 году, а иконы проф. Кошелева имеют дату 1898 год, но и в этом нет особого недоразумения. Можно предположить, что освящение церкви происходило, когда не все заказанные иконы были выполнены живописцами. Такое случилось нередко.

Пояснительная записка о стиле храма, приложенная архитектором к его проекту

Реформы Петра Великого сравнивали культуру древней Руси с культурой цивилизованных государств Западной Европы, одновременно с этим стремились уничтожить все самобытное, отмеченное печатью русского народного вкуса. Такое направление не могло сказаться на архитектуре вообще и на церковном строительстве в частности. Вследствие этого на Руси начали строиться такие храмы, которые не имели ничего общего с религиозной мыслью русских людей, остававшейся почти неизменной со дня принятия

христианства. Примером такого строительства может служить Вознесенский монастырь в Москве, построенный в готическом стиле, который всегда служил выразителем идеи католичества, а никак не православия. Конечно, такое направление долго продержаться не могло, и русские люди стали постепенно охладевать к архитектуре, совершенно чуждой их духу, по крайней мере в области церковного зодчества, и уж при императоре Николае I взор передовых людей начал обращаться к родной старине, ее начали изучать и охранять ее памятники. Следствием этого явились такие сооружения, как Троицкий (на Измайловском проспекте) и Введенский (л. гв. Семеновского полка на Загородном проспекте, против Витебского вокзала, теперь пустырь) соборы в Петрограде, все еще да-леки от идеи допетровской Руси. Однако простепенно наравне с увеличением изучения старинных церквей и новые начали к ним все ближе и ближе подходить и начали в наше время появляться храмы, как память моряков погибших при Цусиме (набережная Невы, вправо от Николаевского моста. Копия храма в Нерли, спесен в 1930 г. (который без прекрас и в то же время чисто русский по духу своей композиции)).

Все сказанное касалось преимущественно храмов каменных, но церкви деревянные в послепетровскую эпоху сильно изменили свой внешний облик, так как при построении их зодчие стремились подражать формам каменных церквей и таким образом шли вдвойне ложным путем. Такой взгляд строителей продолжался гораздо дольше, чем это можно было предположить и сменился в конце прошлого столетия другим, руководствуясь которым, зодчие строили деревянные церкви, похожие на приукрашенные дачи и совершенно не отвечающие вследствие этого игрового внешнего вида той серьезной и величественной задаче, которая должна отличать от людских жилищ церковные здания. Наконец, в начале текущего века строители стали всматриваться туда, куда следовало, – стали изучать деревянные церкви нашего севера, где сохранились много памятников древнего деревянного строительства, и оценивать их величественную спокойную прелесть и простоту и стали подражать им в своих произведениях. Вот почему авторы проекта церкви для Вырицы руководствовались как для плана, так и для фасада, теми принципами, которые господствуют в церквях Олоонецких и Вологодских, совместив их одновременно с требованиями нынешней техники.

Анышков Владимир Петрович, военный инженер-строитель. В 1909 году подполковник, штатный преподаватель Николаевской инженерной Академии. В 1917 году полковник, преподаватель строительного искусства. Красовский М.В. Инженер-строитель. Преподаватель института гражданских инженеров в Петербурге.

Братство в честь иконы Казанской Божьей Матери по построению Храма в память 300-летия царствования дома Романовых в поселке «Княжеская долина», ст. Вырица Московско-Виндовско-Рыбинской ж. д.

Председатель Братства Порфирий Сергеевич Десницкий, священник, настоятель церкви А. Невского при Училищном Совете св. Синода. Кабинетская (ул. Правды), 13.

Казначей Братства – Василий Кириллович Горохов. Лиговка, 150.

Секретарь Братства – А.М. Прохоров, Загородный пр., 4.

Весь Петербург 1911 г. Отд. III. Стр. 163.

Св. князь Генрих Федорович Сайн-Витгенштейн.

Главное управление имениями. Петербург, Загородный пр., 31.

Продажа земельных участков «Княжеская Долина» Высокая, сухая местность, образцовое благоустройство. Рассрочка 10 лет. Ст. Вырица М.В-Р жел. дор.

Литература:

1. Отчет со дня возникновения Братства в честь иконы Казанской Божьей Матери по постройке Храма в память 300-летия царствования дома Романовых в местности «Княжеская долина» близ станции Вырица

Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. Царскосельского уезда Петербургской губернии. Изд. Петроград 1916 г.

2. Тихомиров Н.А. Путеводитель по церквям города С.-Петербурга и ближайшим его окрестностям. СПб. 1916 г.

Я старался о всех встречающихся в очерке лицах дать характеристики для лучшего их представления читателям. По большинству из них мне это удалось. Не было у меня только ничего о св. князе Генрихе Федоровиче Витгенштейне, владельце земли, уступившему ее под Храм на очень льготных условиях. И вот опять удача!

Я вспомнил, что у меня на книжной полке стоит папка с записями Б.А. Энгельгардта, где упомянут Витгенштейн.

Б.А. Энгельгардт (1877–1962) полковник, офицер л. гв. Уланского полка, член Государственной Думы, активный деятель Временного правительства, служил в Белой армии, потом шофер такси в Париже, после 1924 года житель Риги, где в Латвии имел участок земли. Он не уехал из Латвии в 1940 году, был сослан при приходе Советов в Среднюю Азию, вернулся в 1950-ые годы обратно в Ригу, где и умер в возрасте 85 лет. Его перу принадлежат ряд исторических воспоминаний: «Потонувший мир», «Записки камер-пажа» и др. Описывая свое обучение в Парижском корпусе, он дает большую картину его питомцев и среди них Витгенштейна.

Фигура Витгенштейна была столь калоритна и выходила из обычных рамок, что я позволю себе, с незначительными сокращениями, привести его рассказ о нем.

Итак, представим слово Энгельгардту:

«Мойм учителем игры в теннис был лучший игрок в корпусе в мое время, паж, старше меня года на два, св. князь Витгенштейн, стяжавший широкую, хотя и не всегда лестную известность в Петербурге под именем “Грицко Витгенштейна”. Это была не банальная фигура – своеобразный пережиток далекого прошлого, – в котором было что-то из былого гусарства времен толстовского “Турбина старшего”, перенесенного в чинный Петербург конца прошлого века. Красивый, не глупый, способный паренё. Прекрасный ездок, танцор, отлично говоривший на многих языках, незаменимый собутыльник и товарищ... Чего ж Вам больше?

Петербургский “свет” действительно находил, что Грицко “очень мил”. Имя и титул открывали перед ним двери самых аристократических домов столицы, но интересы и вкусы влекли его в среду золоченой богемы. Сразу после выпуска в офицеры он прикомандировался, а затем и перевелся, в императорский конвой, и вскоре его похождения и кутежи стали басней всего города. Большинство его выходов было довольно безобидны, хотя подчас некоторые могли шокировать уравновешенных и чинных людей.

Однажды на пароходе, по пути в Петергоф, после обеда с обильным возлиянием, Грицко закричал, что ему жарко и, скинув черкеску и кинжал, прыгнул за борт. Увидя, что он скрылся в волнах, его собутыльник, московский купчик, с криком: “Князь тонет!.. Спасайте!..” – прыгнул за ним. Прекрасный пловец Витгенштейн выплыл легко, а его спасателя вытащили с трудом.

Другой раз, во время веселого ужина в ресторане, в третьем часу ночи, разговор зашел почему-то о К.П. Победоносцеве, обер-прокуроре св. Синода, одним из самых влиятельных министров того времени. Витгенштейн подошел к телефону и позвонил к нему на квартиру. Ответил лакей. Грицко назвал себя: “Конвоя его Величества св. князь Витгенштейн”. Лакей, уверенный, что дело важное, пошел разбудить барина. В телефоне послышался заспанный старческий голос вскочившего с постели министра: “Чем могу служить?” – “Во имя Отца и Сына и Св. Духа – Аминь”, – ответил Витгенштейн и повесил трубку. Глупая шутка должна была стоить ему очень дорого, но он в спешном порядке уехал на театр военных действий в Манчжурию – Японская война была в то время в полном разгаре. Там он вел себя доблестно, но и в боевой обстановке не мог удержаться от привычных выходов. Во время затишья на позициях под Мукденон он про-

брался ночью с дозором между нашими и японскими позициями, к брошенной фазе, куда попеременно заходили то те, то другие, и оставил там записку на английском языке с приглашением японскому офицеру распить с ним бутылку шампанского в день русского Нового года. Через день на том самом месте найден был ответ: "Японский лейтенант принимает приглашение". В назначенный час оба офицера вышли одновременно из своих окопов, каждый со своей бутылкой под мышкой, встретились на полпути, дружески приветствовали друг друга, распили вино и, поболтав несколько минут, под аккомпанимент редких выстрелов, разошлись, каждый восвояси.

После войны дела пошли хуже. То ли настроения в столице создались другие, и выходы его стали казаться менее забавными, то ли просто переборщил он в них. Во всяком случае, ему пришлось оставить службу. Громкое имя его могло бы ему обеспечить возможность выгодной женитьбы, но Грицко был давно женат на красавице, цыганке из хора в "Самарканде" Лизе Морозовой. Денег не было, в долг никто не давал: Витгенштейн попытался заняться делами и отправился с женой во Францию. В то время оказался в Париже проездом один из великих князей, возвращавшийся из какой-то официальной поездки. В одно прекрасное утро состоявший при нем камер-юнкер докладывает: "Грицко Витгенштейн просит Ваше Высочество принять его". Великий князь поморщился: "Знаю, хочет занять денег, — сказал он, — гоните его к черту!" Однако прогнать Грицко было не так легко. Узнав, что Великий князь "очень занят", он рассмеялся. "Он думает, что я пришел занимать у него деньги, — сказал он Г., — так передайте Великому князю, что денег мне не нужно, я сам покупаю замок с виноградниками во Франции. Я пришел пригласить Его Величество на гарден-пари. Будет весело". Перспектива соблазнила Великого князя и, несмотря на советы Г. отказаться от этого приглашения, он согласился приехать, предупредив предварительно Грицко, что он в настоящий момент находится во Франции инкогнито, что оно должно быть соблюдено нерушимо. В отдельном вагоне ночью доехали до станции назначения. Чтобы не будить приглашенных, вагоны отцепили и поставили на запасной путь. Спокойно умывшись и одевшись, не торопясь, веселая компания вышла из вагона, и вдруг Великий князь, к ужасу своему увидев на стационной площадке толпу народа во главе с мэром в трехцветном шарфе, дам в светлых платьях и с цветами в руках, одним словом настоящую официальную встречу. Делать, однако, было нечего: пришлось выслушать приветствие, и парижская "звезда", стоявшая за плечами Великого князя, получила великолепный букет роз.

Дальше шло все прекрасно. Хозяева замка, умиленные присутствием Великого гостя, были в восторге от своего покупателя "Знатного иностранца", и рассыпались в любезностях, делали все возможное, чтобы доставить удовольствие гостям. Только Г. подозрительно осматривался, стараясь разгадать загадку этой истории. Перед отъездом дело разъяснилось, Грицко собирался заключить с продавцами предварительное условие и решил вместо задатка продемонстрировать свои высокие связи, а потом, до заключения купчей, перепродать замок какому-то американцу, которого он уже имел ввиду. В результате ничего из этого не вышло и Г., узнав уже в России о крушении коммерческого предприятия Витгенштейна, пугал Великого князя: "Вот увидите, Ваше Высочество, приедут к Вам эти французы с претензиями". В один прекрасный день французы, действительно, явились. Г. торжественно принес их карточку Великому князю. Тот замахаал руками: "Делайте как знаете, только уберите их прочь". Принять их, однако, пришлось, и оказалось, что они приехали не с претензиями, а благодарить Великого князя за честь, оказанную своим посещением, привезли в подарок ящик вина и просили фотографию с автографом. Все закончилось к общему удовольствию.

Это была, кажется, последняя выходка Грицко. Вскоре после этого он скоропостижно умер от какого-то злокачественного нарыва в горле. По материнской линии Витгенштейн был в родстве с грузинской аристократией, и, несмотря на свою немецкую фамилию, числился как бы полукавказцем».

На этом сообщения о Витгенштейне Энгельгардта кончаются. Покрыто мраком неизвестности – было ли у него потомство и их судьба.

Сложной, греховной жизни был Витгенштейн, но находясь в Храме Казанской Божьей Матери при возгласении ектении «О блаженных и приснопамятных создателях Святого Храма сего», не забудем, что среди них был и Генрих Витгенштейн и помянем его душу!

Приведу здесь «Колыбельную песню», написанную Вел. князем Константином Константиновичем на рождение его старшего сына Иоанна 23 июня 1886 года, где он как бы предвидет тяжкую смерть его 18 июля 1918 г. в Алапаевске.

Спи в колыбельке нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку.

В тихом безмолвии ночи,
С образа в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей,
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время
Час неизбежный пробьет,
Примешь ты тяжкое бремя
Горе труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины,
Будь же всегда упованьем
Нашей родной старины.

С верою твердой, святою,
Честно живи ты свой век,
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Спи же! Еще не настали
Годы сметений и бурь,
Спи же, не зная печали,
Глазки скорее зажмурь!

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой,
Спи ж бесконечно и сладко,
Спи, мой сынок дорогой!

К.Р. 1886 год

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ГАТЧИНСКОГО КРАЯ

Андрей БУРЛАКОВ

КУПЦЫ ЧИКИНЫ. ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

«Уважаемый Андрей Бурлаков.

Меня зовут Криста Чикин и я живу в Эстонии. Мой дедушка Александр Иванович Чикин (1871–1917) жил в Сиверской. Моя бабушка Евдокия Чикина пришла в Эстонию во время революции. У дедушки и бабушки было 4 детей, один умер очень рано, мой отец Александр Александрович живет в Эстонии, его сестра Галина умерла пару лет назад в Германии. Брат моего отца Алексей умер в 1941 году, коммунисты арестовали его когда пришли в Эстонию, и мы точно не знаем, что они с ним сделали.

Мой дедушка был дворянин и имел в Сиверской фабрику и дома. У него было еще место, где выращивали рыбу. Я была в прошлом году в Сиверской и мне очень понравилось. К сожалению, музей был закрыт, но я достала газеты о истории Сиверской. Меня очень интересует все, что касается моих предков, их жизни в Сиверской до революции. Надеюсь, что Вы мне можете узнать больше о моем дедушке. Я хочу приехать летом опять в Сиверскую и очень буду благодарна, если придет возможность встретить Вас. Я хочу заплатить Вам за то время, что Вы будете тратить, чтобы искать мне все возможное о моих предках. Если Вы заинтересованы, могу Вам рассказать о наших родственниках, кто ушли с Сиверской во время революции, где они живут или жили. Меня очень интересует, как мой дедушка стал дворянином, кому и за что дали этот титул. Очень извиняюсь за плохой русский язык, но я все понимаю. Я pošлю Вам мою визитную карточку и буду очень благодарна, когда Вы ответите мне и напишите как Вас найти, когда приеду в Сиверскую летом.

С уважением Криста Чикин».

Такое письмо я получил весной 2000 года. Подобные письма для меня не редкость. В наши дни многие потомки знаменитых российских фамилий, утратившие свою родословную в революционном 1917 году, пытаются по крупицам восстановить забытые имена предков, а может быть, если повезет, вернуть хотя бы частичку затерявшегося фамильного наследия.

Мы, жители гатчинской земли, уже привыкли к довольно частым приездам, потомков А.П. Ганнибала. Проложив сюда тропинку еще в 1912 году, в бывшем поместье в Суйде, побывала правнучка «Арапа Петра Великого» (троюродная сестра А.С. Пушкина) Анна Семеновна Ганнибал. И впоследствии многочисленное семейство Ганнибалов не забывало свое историческое гнездо. Родная земля помогает жить. Совсем недавно, уже в 2000 году, в Суйде снова собрались представители этой славной фамилии, живущие сейчас в Санкт-Петербурге и Москве. Поводом для встречи стала презентация книги А.М. Бессоновой «Родословная потомков А.П. Ганнибала». А спустя еще некоторое время в старинную усадьбу приезжала прапраправнучка легендарного арапа Ксения Валентиновна Лаврентьева с сыном Германом. Они посадили в парке молодой дубок.

Время собирать камни, а мы столько лет разбрасывали их... В 1995 году от случившегося пожара сгорел Набоковский дом в Рождественской усадьбе. Эта трагедия до сих пор овеяна мистикой, ведь пожар случился именно в день рождения писателя. А вскоре на родное пепелище из Швейцарии приехал сын В.В. Набокова, Дмитрий Набоков. Все ждали каких-то впечатлений, воспоминаний, открытий. Набоков-младший появился в Рождествене неожиданно, покориw всех огромным ростом, внимательным взглядом, доброй улыбкой и знакомыми по фотографиям набоковскими чертами лица. Мне посчастливилось присутствовать на этой встрече. Когда он спускался по ветхой, полуобвалившейся лестнице бывшего отцовского дома, я попросил его написать хотя бы несколько слов на память. После недолгого смущения (Дмитрий Набоков крайне редко дает автографы) он написал:

«Рад повидать семейный дом даже в теперешнем виде... Благодарю. Д. Набоков. 13.06.95.»

Позднее он побывал в Рождествене и его окрестностях еще два раза.

В последние годы кто только ни приезжал из потомков бывших владельцев на гатчинскую землю. Тайцы посетили потомки Демидовых, а Дружноселье – потомки Витгенштейнов. В 1995 году гостями музея истории Сиверской были потомки управляющего усадьбы барона В.Б. Фредерикса «Сиверская» Мартына Мартыновича Дреймана, проживающие в Санкт-Петербурге. В 1999 году в Гатчину приезжали из Германии потомки любимой фрейлины государыни императрицы Марии Федоровны (супруги Александра III) Софии Христиановны Динне. Ее дом на Березовой (ныне Хохлова) улице, так же как и ее могилу на городском кладбище они так и не нашли. Наконец, Гатчинский дворец уже неоднократно удостаивали своим посещением зарубежные представители династии Романовых. Настала очередь возвращения на родную землю и потомков купцов Чикиных.

Я думаю, что каждый из нас чувствует свою сопричастность к малой Родине, к своим корням и истокам, к своим великим землякам, к тем, кто составляет гордость и славу нашего Отечества. Наш долг помочь людям, которые по разным причинам оказались сейчас далеко от своей исторической Родины, но кто и сегодня чувствует себя русским по духу.

Купцы Чикины. Что теперь мы знаем о них? К сожалению, почти ничего...

Иван Филиппович Чикин

Впервые фамилия Чикиных упоминается в исторической летописи гатчинской земли в середине XIX столетия. Так, в одном из церковных документов храма Вознесения Господня в селе Рождествене за 1851 год среди местных прихожан значатся купец Филипп Степанович Чикин (1796–1854 гг.), его жена Анна Ивановна и сын Иван. Рождественские старожилы, давно покойные, вспоминали, что сначала Чикины «жгли в лесу уголь и продавали его петербургским литейным заведениям, а потом, накопив капиталец, сами открыли в Даймище меднолитейный заводик». А как же было на самом деле?

Первоначально Чикины арендовали Даймищенский завод у помещика Вырской мызы П.М. Донаурова и только уже после смерти родоначальника этой купеческой династии Ф.С. Чикина, его вдова и сын приобрели промышленное предприятие и окрестные владения в свою

Александр Иванович Чикин

Александр Александрович Чикин

собственность. Запись в старинном документе за 1859 год указывает, что «жена Вильмапстрактского и С.-Петербургского временного купца, Анна Ивановна Чикина, – введена во владение купленным ею в Царскосельском уезде у помещика, Тайного Советника Петра Михайловича Допаурова, – медноплотильным заводом, с принадлежащей к оному землею». Завод, который приобрели Чикины, существовал еще с 1825 года. Его основательницей была мать П.М. Донаурова – помещица, вдова сенатора, действительная тайная советница Мария Федоровна Допаурова (1774–1848 гг.). Ее бывшие владения включали мызу Выру с деревнями Вырой, Старым и Новым Поддубьем, Замостьем, Грезпо, Даймищем, Лядами и Парушиным. На территории ее вотчины в прошлом имелись и другие небольшие по размерам предприятия: лесопильный и винокуренный заводы.

В 1860 году основную часть поместья приобретает в собственность тайный советник Василий Михайлович Быков, который становится ближайшим соседом Чикиных. Ряд участков земли Донауров исключает из продажи и дарит их своим крестьянам. Так, например, один из них помещик жалует крестьянину деревни Грезно Ивану Васильевичу Рябову.

В 1859 году новым владельцем завода становится сын Ф.С. Чикина – купец Иван Филиппович Чикин (1830–1892 гг.). Вместе с ним, при заводской усадьбе здесь проживают его мать А.И. Чикина, брат Алексей и сестра, девица Александра. Чикины становятся владельцами одной из самых красивых местностей в окрестностях Сиверской, которая в то время входила в состав Рождественской волости. Верховье реки Оредежа, реликтовая природа, несметное количество рыбы, дичи, зверья – все это привлекало сюда российских императоров Александра II, Александра III и Николая II, а также многочисленную знать. По соседству с Чикинским заводом располагались охотничьи угодья царской семьи с охотничьим домом в деревне Малое Заречье.

Из официальных источников удалось установить, что в 1860 году государь император Александр II, будучи в этих местах на охоте, посетил Чикинский завод. «На следующий 1860-й год Император Александр Николаевич два раза посетил Гатчину, – сообщается в книге «Столетие Гатчины», изданной в 1896 году, – но оба эти приезда были совершенно не похожи на предыдущие. Во-первых, посещения эти были не в обычное время, а именно: в феврале и в августе, а во-вторых, их нельзя назвать пребыванием, так как целью обеих поездок послужила охота, Гатчина же была только местом остановки. 2-го февраля Император

Евдокия Владимировна Чикина
(урожд. Бабичева)

Александр Николаевич проводил вечер в Петербурге в Большом театре и так как на другой день была назначена охота в местечке Рождествене, отстоящем в 30-ти верстах от Гатчины, то Государь, вместе с приглашенными участвовать в этой охоте, прямо из театра отправился на вокзал и почью прибыл в Гатчину; с Государем Императором прибыли следующие лица: князь Суворов, барон Ливен, генерал-лейтенант Огарев, граф Баранов, князь Воронцов, князь Паскевич, шталмейстер Толстой, егермейстер граф Ферзеп, генерал-майор Ламберт, флигель-адъютант Слепцов и прусский флигель-адъютант Леон. Переночевав в Гатчинском дворце, на другой день в 10 часов утра Его Величество в сопровождении всех переименованных лиц выехал на охоту в имение Данаурова; завтрак для Государя был устроен на заводе купца Чикина, к обеду же охотники возвратились во дворец, после чего все выехали в Петербург».

По преданию местных старожилов именно тогда, после посещения царем Чикинского завода, здесь был установлен памятник царю-освободителю, импе-

ратору Александру II. Он располагался на площади, у здания заводоуправления и на своем историческом месте простоял до 1918 года. Впоследствии памятник был демонтирован. Дальнейшая его судьба неизвестна. До наших дней сохранился бывший пьедестал старинного памятника. Интересно, что при советской власти на пьедестале в разное время находились памятники К. Марксу, В. Ленину, И. Сталину, но все они впоследствии были демонтированы. Их дальнейшая судьба известна, но это тема уже особой публикации.

Особенно часто бывал в окрестностях Чикинского завода император Александр III. В путеводителе «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге», изданном в 1910 году, рассказывается: «У верховьев Оредежа расположено имение Заречье, принадлежащее вдовствующей Императрице Марии Федоровне. Оно находится в 22 верстах от Сиверской. В 5 верстах от Заречья находится старинный завод меднопрокатных алюминиевых изделий братьев Чикиных. Местность эта замечательна тем, что здесь берет начало река Оредеж, причем в ее верховье находится масса форелей. Площадь имения 10.000 десятин земли. Чтобы удержать ценную рыбу, здесь устроен пруд верст 6 длиною, разделенный шлюзами на 3 части. Весь пруд кишит рыбою форелью, которая, получая постоянно массу ключевой воды, прекрасно разводится и доходит весом фунтов 12–15. Ловля этой рыбы составляет любимый спорт многих великих князей. Здесь часто бывал Император Александр III с государынею.

Рядом с помянутым озером начинается имение Чикина и ближайшая к озеру часть Оредежа тоже принадлежит ему. Чикин сделал на реке шлюз и в отдаленной части реки имеется тоже масса форелей. Кроме того, Чикин разводит эту рыбу искусственно в специальных садках, получая чудные результаты».

В 1893 году в этих местах, у истока реки Оредежа, побывал великий князь Константин Константинович (внук императора Николая I), замечательный поэт (подписывавший свои стихи псевдонимом К. Р.), в то время полковник, командир Преображенского полка.

Таким образом Чикинский завод всегда был на слуху у многих представителей династии Романовых. Бывавшие здесь монархи не раз делали щедрые подарки его владельцам. Больше тридцати лет стоял у руля медноплющильного производства И. Ф. Чикин. Его заслуги в развитии местной промышленности до сих пор по достоинству не оценены потомками.

В 1860 году на Чикинском заводе трудилось около тридцати рабочих. Все они были выходцами из крестьян и проживали в соседних деревнях Даймище, Батово и Ляды. Завод расширился и быстро набирал силу. К 1862 году число рабочих на нем возросло до 59 человек. Трудились на предприятии как мужчины, так и женщины. В документах того времени завод нередко назывался Даймищенским медноплющильным заводом. Из описания предприятия в 1884 году следует, что завод «действие имеет от одной паровой машины, выделяет листовую латунь, тазы, умывальники и др.» на 50 тысяч рублей в год. Часть прибыли И. Ф. Чикин выделял на благотворительные цели. Он был почетным членом церковно-приходского попечительства храма Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествене. Он постоянно жертвовал этой церкви большие суммы денег. И. Ф. Чикин был почетным попечителем Даймищенского народного училища, созданного по его инициативе в 1866 году. В 1872 году учебное заведение преобразовалось в земское. Из отчета училища за 1871/1872 учебный год следует, что оно «содержится за счет купца Чикина» и располагается в паежном помещении. В то время здесь обучалось 43 мальчика и 23 девочки. Двести пятьдесят рублей в год платил И. Ф. Чикин жалование учителю Даймищенского училища Ивану Бараусову.

Чикинские владения были довольно обширными и включали 16 710 десятин земли (сорок десятин из них занимал сам завод). В одном из документов того времени было указано, что купец 1-й гильдии И. Ф. Чикин владеет в Рождественской волости, в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии, имением «Даймище», заводом и землею в окрестностях деревни Даймище, а также в местностях, которые назывались «Лисий Верх» и «Веряжка».

В Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге хранится подробное описание Чикинского завода, сделанное губернским механиком, инженером-технологом В. Ясинским в 1885 году. Его рапорт в Строительное отделение С.-Петербургского губернского правления публикуется полностью:

«Во исполнение предписания Строительного отделения, честь имею донести, что мной был осмотрен Меднопрокатный завод, принадлежащий Гатчинскому 2-й гильдии купцу И. Ф. Чикину, и находящийся во 2-м стане Царскосельского уезда в 12 верстах от Сиверской станции С.-Петербургско-Варшавской железной дороги; причем оказалось, что завод состоит из шести отделений, из коих два разделены коридорами через плотину, по коридору проложена железная дорога с двумя вагонами. Заводские корпуса каменные, крытые железом, тесом и толем. Заводские отделения заключаются в следующем:

1-е отделение – двухэтажное здание, в котором в нижнем каменном этаже помещается мастерская для выделки оловянной фольги для ружейных кастрюлей, где имеется четыре средних прокатных машины; во втором деревянном этаже давяльная мастерская для посуды, где помещается четыре давяльных и пять токарных чугунных станков; описанные станки в этом отделении приводятся в движение водяным наливным железным колесом в 25 сил. При отделении имеются: кузница с особою каменною трубою, одна плавильная для красной меди печь, одна обжигательная печь с кирпичными колпаками и трубами, две каменных кладовых, отдельно приспособленных с кирпичными сводами на рельсах, крытые одна железом, а другая тесом, для склада металлов и инструментов, а также три каменных здания: одно крытое железом для отправки латуни, другое двухэтажное, крытое тесом, в коим низ каменный с кирпичными сводами на рельсах, для осмотра и контроля листовой латуни, а верхний этаж деревянный и третье здание с кирпичными сводами на рельсах, где помещается горн для плавки оловянной фольги. Кроме того, двухэтажное каменное здание, в котором помещается: наверху большой токарный станок, пять пожниц, один вырубательный

станок для патронных колпачков, а внизу два строительных станка, приводимых в движение водяным колесом (деревянным наливным) в 8 сил, и одно каменное здание, крытое тесом, где помещается слесарная мастерская.

2-е отделение – каменный корпус чрез плотину, крытый тесом, в коим три водяных наливных деревянных колеса и одно железное, все эти колеса в сто сил, там же две больших, три средних и две малых машины для прокатки листовой меди, одни большие ножницы для разрезки крупных досок латуни и две большие обжигательные печи с двумя большими кирпичными печами; при отделении два каменных здания, из которых в одном водяное наливное деревянное колесо в 30 сил, большая прокатная машина и обжигательная печь с трубою, а другое для отправки латуни и, кроме того, в третьем каменном здании, крытым тесом и разделенным кирпичною стеною на две половины, из коих в одной водяное деревянное наливное колесо, а в другой запасная плющильная машина для прокатки латуни.

3-е отделение – литейная для отливки латуни; помещается в двух соединенных зданиях на каменных столбах, крытых тесом, в коих три кирпичных печи под кирпичными сводами с жестью кирпичными и железными трубами, состоящие из десяти отделений или плавильных горшков собственного изобретения, где топка производится дровами; там же одно горно в два волчка с особенною трубою для плавления на коксе разных розбрызгов и крох; при этом отделении две каменных кладовых для склада металлов и латунных досок.

4-е отделение – литейная на каменных столбах, где помещаются: горн в два волчка с особенною большою кирпичною трубою для сплава металлов на разные изделия и одна обжигательная печь для обжига огнеупорного кирпича, который изготавливается из английской глины; при отделении каменное здание, крытое тесом, где помещается формовочная разных металлических изделий и там же кирпичная сушильня под сводом с трубою.

5-е отделение – каменное здание, крытое тесом, разделенное на две половины, из коих в одной делаются глиняные горшки для плавки латуни, а в другой – столарная мастерская.

6-е отделение – каменное одноэтажное здание, где помещается толчея крохи розбрызгов, с двумя деревянными пристройками, деревянным водяным наливным колесом и четырьмя чугунными ступками. Кроме того, при заводе деревянная плотина, на каменных устоях, через речку Оредеж, длиною 32 сажени и шириною 2 сажени 1 аршин и три деревянных, крытых тесом, кладовых для склада материала.

Все описанные здания, станки и прочия технические приспособления, находятся в прочном и удовлетворительном состоянии. Что же касается до размеров ежегодной производительности этого завода, то судя по техническим средствам завода, при 400 человек рабочих, завод в состоянии изготовить ежегодно до 20 300 пудов мелкокалиберной гильзовой латуни, как это видно по контрактам и переписке с Управлением Петербургского Патронного завода, от 9 октября 1877 года за № 5698.

Так как Меднопрокатный завод купца Чикана, исключительно только по настоящее время изготовлял латунь для Артиллерийского Ведомства, и на котором последний заказ был исполнен в 1882 году, и больше заказов для Артиллерийского Ведомства не имелось, а потому Меднопрокатный завод, принадлежащий купцу Чикину, не находится в действии в настоящее время, исключением является только отделение, в котором готовится в виде опыта оловянная фольга для ружейных капсюлей в количестве одного пуда в день при 10 человек рабочих.

Губернский механик, инженер-технолог *В. Ясинский.*»

Уже вскоре Чикинский завод снова заработал на полную мощность. В 1887 году здесь трудилось 120 рабочих, а к 1889 году их число возросло до 186 человек.

О семейной жизни И.Ф. Чикина известно очень немного. Он был женат на Анне Васильевне Фоминой, дочери мещанина из деревни Даймище. Имел трех детей: двух сыновей Александра и Ивана и дочь Екатерину. Внешность Иван

Филиппович в зрелые годы имел представительную, солидную, носил бороду, усы и пенсне и был похож скорее на столичного профессора, чем на купеческого заводчика. После его смерти в 1892 году хозяином предприятия становится его старший сын Александр Иванович Чикин (1871–1917 гг.), которому тогда шел всего 21-й год. С этого момента главным местом его деятельности становится отцовский завод. Он значительно укрепляет и расширяет фамильное производство. Количество рабочих в конце XIX века возрастает у него до 200 человек. Как и его отец, он много занимался благотворительностью. Помогал храмам, учебным заведениям, больницам, приютам. Поддерживал дружеские отношения с известными деятелями российской культуры. Это о нем и о его заводе сообщал писатель Александр Иванович Куприн в рассказе «Начальница тяги» (1911 г.):

«Мы трое были приглашены на елку к владельцу меднопрокатного завода Щекину в окрестностях Сиверской... Наутро нам обещали облаву на лисиц и на волков с обкладчиками-костромичами, а если бы не удалось, то просто охоту с гончими. В этом приглашении было много соблазнительного. Елку предполагали устроить в лесу, – настоящую, живую елку, но только с электрическим освещением. Кроме того, там была целая орава очаровательных детишек – милых, свободных, ничем не стесненных, – таких, с которыми себя чувствуешь в сто раз лучше, чем со взрослыми, и сам, незаметно для себя, становишься мальчуганом двенадцати лет. А еще, кроме того, у Щекиных в эти дни собиралось все, что только бывало в Петербурге талантливого и интересного. А мы трое были: ваш покорный слуга, ... один начинающий бас – теперь он мировая знаменитость и третий, ныне покойный...» (Очевидно А.И. Куприн имел в виду Ф.И. Шаляпина).

В 1892–1897 годах А.И. Чикин был почетным попечителем Даймищенского земского училища. Некоторое время он был попечителем и училища в селе Рождествене. Вот какой эпизод много лет спустя вспоминал бывший выпускник этого училища, колхозник села Рождествена Леонид Иванович Подрядчиков. События, о которых идет речь, происходили в 1913 году.

«На выпускном вечере объявили, что семеро лучших учеников закончили школу с круглыми пятерками, в том числе и я, поедут на казенный счет на экскурсию в Москву. Мать с дедушкой и бабушкой радовались великому событию, собирали мне одежку, пекли подорожники. Только вот беда – нет сапог. У меня их сроду не было, зимой бегал в школу в старых бабушкиных валенках, а летом с ранней весны до заморозков босиком. Мать вытащила из сундука свои единственные праздничные долгоносые ботинки и подала деду. “Сбей наполовину каблук, чтобы пониже стали. Будет Лене справная обувь!” – с гордостью сказала она. В назначенный день собрались семь учеников, которым выпало счастье поехать в Москву. Приехал школьный попечитель владелец медно-прокатного завода – Александр Иванович Чикин. Ребята выстроились на встречу с начальством, как солдаты, непременно вытянув руки по швам. Чикин посмотрел на мальчиков, остановился около меня и презрительно скривив зубы, стал оглядывать со всех сторон. “Хорош, хорош, – процедил попечитель. – Скажи ты мне пожалуйста, что это у тебя на ногах? Ужас что такое! Марш домой! Нечего тебе, голодранцу, делать в белокаменной”. Не помню, как и добрался от горя до дома».

В начале XX века Чикинский завод производил в год около пяти с половиной тысяч пудов листовой меди и латуни, выпускал посуду (знаменитые ковши всевозможных размеров, кастрюли, чайники), умывальники и другие бытовые изделия, выполнял военные заказы.

Семь действующих «подливных колес» приводили в движение восемнадцать различных механизмов. Здесь трудилось около 300 рабочих, как местных, так и приглашенных Чикиным для выполнения казенных заказов из подмосковного города Кольчугина. Условия труда на заводе были нелегкими. Рабочий день длился 12 часов для мужчин и 10 часов для женщин, с часовым перерывом на обед. Средняя заработная плата за один день составляла 1 рубль. Много это или мало можно оценить по следующим примерам. Один килограмм ржаного

хлеба в 1905 году стоил 7 копеек, килограмм говядины – 35 копеек, а килограмм картофеля – 2 копейки. Рабочие трудились в две смены. Они даже не могли и мечтать об оплачиваемом отпуске. Имели один законный выходной воскресный день. Выходными официально считались также дни больших православных праздников, а именно Новый год (1 января), Богоявление (6 января), Сретенье (2 февраля), Благовещение (25 марта), Преображение (6 августа), Успение (15 августа), Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября, это был престольный праздник церкви в селе Рождествене, прихожанами которой были Чижины), Воздвижение Креста Господня (14 сентября), Покров (1 октября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), Рождество Христово (25, 26, 27 декабря). Причем, в сочельник, 24 декабря, рабочий день на заводе заканчивался в 12 часов дня. С 1900 года при заводе существовала бесплатная амбулатория с приемным покоем, устроенная А.И. Чижиным.

Благодаря разумной постановке дела владельцу предприятия в течение долгого времени удавалось избегать крупных конфликтов между рабочими и администрацией. Но в 1906 году здесь все же произошла забастовка. Уездная газета «Царскосельская жизнь» сообщала: «На днях на медно-прокатном заводе братьев Чижиных около деревни Даймище, рабочие предъявили ряд требований экономического характера и, не получив удовлетворения, забастовали. Из общего числа 400 рабочих 80 человек было уволено. Остальные стали на работу».

Забастовка продолжалась около двух недель. Пришлось вызывать полицию. Хозяину завода было предъявлено двадцать одно требование, в том числе сократить на два часа рабочий день, прибавить жалованье, улучшить бытовые условия рабочих... В результате забастовки А.И. Чижин вынужден был пойти на некоторые уступки. Так, например, квалифицированным рабочим прибавили зарплату. В цехах появились умывальники, рабочим стали выдавать брезентовые рукавицы, в туалете оборудовали вентиляцию.

Из документов того времени известно, что совладельцем завода был брат А.И. Чижина – Иван Иванович Чижин, прапорщик запаса. Ему принадлежала 1/2 часть всех чижинских владений (всего 833,5 десятин земли). Однако в жизнедеятельности отцовского предприятия он почти не принимал участия, полностью посвятив себя рыбоводству. Это именно он разводил знаменитую ордежскую форель, поставляя ее в лучшие рестораны Санкт-Петербурга.

В 1909 году на территории завода произошло чрезвычайное происшествие. «На медно-прокатном заводе Чижина в ночь с 9-го на 10-е августа сгорел большой сарай, в котором было около 2000 пудов клевера, – рассказывала уездная газета «Царскосельское Дело». – Сарай находился в 50-ти саж. от дома Чижиных, и только благодаря тихой погоде находящиеся вблизи постройки не загорелись. Как говорят, сарай сгорел от поджога».

В 1914 году началась первая мировая война и Чижинский завод стал выполнять военные заказы. Первым в стране он освоил выпуск солдатских алюминиевых фляжек. Выпускал завод пуговицы, бляхи на ремни и даже патроны.

К сожалению, в настоящее время уже не осталось современников последних дореволюционных Чижиных. В 2000 году ушла из жизни старейшая жительница деревни Даймище Мария Ивановна Лабутина, которой было сто лет. Она еще могла вспомнить заводчиков Чижиных. Жаль, что ее рассказы о старине не были записаны местными краеведами. К счастью, в этих местах еще живы ближайшие потомки бывших рабочих Чижинского завода. Среди них старожил деревни Даймище, ветеран трех войн (Финской, Великой Отечественной и Японской) Михаил Григорьевич Никифоров¹. Вот его воспоминания, записанные мною в августе 2000 года:

«Мой отец, житель деревни Батово, Григорий Никифорович Никифоров работал до революции плотником на заводе Чижиных. Работал он по 12 часов

¹ М.Г. Никифоров скончался в 2001 году.

в день, получал при этом в день рубль с полтиной. По тем деньгам это было много. Мальчишки-подростки получали в день по 15–20 копеек. Отец много рассказывал о Чикиных. Перед революцией на заводе работало около двух тысяч рабочих. Рабочие приходили даже пешком из Сиверской. Было честью здесь работать. В день своих именин Чикин ставил рабочим хороший стол с вином и закуской. После празднования именин господский кучер развозил всех пьяных мужиков по домам. Чикин был строгим хозяином, но добрым баринном. Многим помогал деньгами. Все семейство Чикиных было очень набожным. Их могилы на Рождественском кладбище сохранились до сих пор.

Усадьба Чикиных находилась на берегу пруда, недалеко от завода. Барский дом был деревянный, двухэтажный. За домом имелся парк. От завода к усадьбе вела аллея. Среди заводских построек выделялось здание заводоуправления, каменное, одноэтажное. Почти напротив этого здания стоял раньше памятник Александру II...

Сам я родился в 1915 году, когда еще завод работал, но самих Чикиных уже не помню».

А.И. Чикин, как и его брат И.И. Чикин, был отставным прапорщиком запаса. Еще в 1907 году он вступил в законный брак с купеческой дочерью Евдокией Владимировной Бабицовой (1879–1967 гг.). Бабицове были сиверскими купцами и владели несколькими домами в бывшей дачной столице (среди них домом № 4 по Церковной, ныне Красной улице, который до наших дней не сохранился) и торговым заведением. Им принадлежал также дом в Гатчине. От этого брака у Чикиных появилось на свет четверо детей, один из которых – мальчик, умер еще в младенческие годы. Другие дети: Алексей (род. в 1911 г.), Галина (род. в 1912 г.) и Александр (род. в 1915 г.) свои первые детские годы провели на земле предков, в Чикинском имении.

Удивительная история связана с именем сестры А.И. Чикина – Екатерины Ивановны Чикиной (1886–1991 гг.). В 1909 году она стала женой потомственного дворянина Александра Анатольевича Пушкина (1872–1919 гг.), который приходился внуком Льву Сергеевичу Пушкину – родному брату Александра Сергеевича Пушкина. Таким образом, род Чикиных породнился с родом Пушкиных.

Автор книги «Родословная потомков А.П. Ганнибал» Анастасия Михайловна Бессонова в своем фундаментальном труде сообщает о А.А. Пушкине, приходившемся прапраправнуком «Арапу Петра Великого», следующие факты:

«Род. в с. Большое Болдино, внесен во 2-ю часть ДРК (Дворянской Родословной Книги. – А.Б.) Нижегородской губернии; выпущен корнетом из Николаевского кавалерийского училища – в 1897 г.; штабс-ротмистр 1-го Ахтырского гусарского Е.И.В. в. к. Ольги Александровны полка в Межибужье; в этом же чине – в постоянном составе офицерской кавалерийской школы; ротмистр – в 1912 г.; участник Первой мировой войны; на фронте был несколько раз ранен, получил много наград; погиб на Кубани, на реке Валерик (так называемой Сунженской линии) в схватке с большевистски настроенными чеченцами, командуя бригадой кубанских казаков в войсках Деникина, в деле под аулом Устар-Гардай; похоронен в Екатеринодаре на братском кладбище».

Супружеская чета Пушкиных имела троих детей: дочь Аллу (род. в 1910 г.), сына Александра (род. в 1912 г.) и дочь Ирину (род. в 1919 г.). А.А. Пушкин почти постоянно находился на военной службе. Е.И. Пушкина вместе с детьми проживала в чикинском имении. Она арендовала мельницу на реке Оредежи в деревне Большое Заречье и содержала ее до самой революции. Занималась она птицеводством и кролиководством. Ей удалось создать образцовое помещичье хозяйство. В Большом Заречье Пушкиным принадлежала летняя дача.

В начале XX века Чикины владели сразу двумя заводами: медно-прокатным и алюминевым. В 1910 году эти предприятия были преобразованы в «Акционерное общество Сиверских металло-прокатных заводов». В то время чикинские заводы посещали многочисленные дачники, отдыхающие на Сиверской. Предприятия входили в число местных достопримечательностей. Организаторы поездок рекомендовали побывать дачникам в имении «братьев Чикиных с прекрасно

оборудованным медно-прокатным и алюминиевым заводами и садком для разведения форели».

5 мая 1917 года после продолжительной болезни скончался А.И. Чикин. Он был похоронен на семейном участке Рождественского кладбища, рядом с могилами отца, матери, деда и бабушки. (Его дед Ф.С. Чикин, скончавшийся в 1854 году, еще до приобретения Чикиными завода и земли в Рождественской волости, был похоронен на Рождественское кладбище позднее, после кончины своей вдовы А.И. Чикиной). Приближалась Октябрьская революция. Памятник на могиле А.И. Чикина установить не успели... После его смерти совладельцами заводов становятся И.И. Чикин и Е.В. Чикина. После 1917 года предприятия и имение принадлежало им недолго. На смену старым хозяевам пришли новые.

В 1918 году специальным постановлением Рождественского волостного Совета заводы и усадьба были национализированы. А спустя еще несколько лет предприятия прекратили свое существование. Все ценное оборудование было перевезено на ленинградский завод «Красный выборжец». Туда же переехало и несколько семей рабочих-специалистов бывших чикинских заводов. И уже вскоре на территории брошенного предприятия образовалось поселение, которое стало называться Чикиным.

Вспоминает старожил этих мест 84-х летняя Нина Николаевна Федорова, урожденная Новожилова, ныне жительница С.-Петербурга:

«Чикинский завод был закрыт в 1922 году. Часть его оборудования перевезли в Петроград на завод «Красный выборжец». Некоторые бывшие рабочие тоже уехали в город и устроились работать на этом заводе. Среди них был и мой отец – бывший давильщик Николай Федорович Новожилов (1881–1951 гг.). Он жил в заводском общежитии, а на выходные дни и в дни праздников приезжал домой. Позднее, во время коллективизации, он ушел с завода и устроился на работу в местный колхоз».

Сама Н.Н. Федорова в 1931 году закончила Рождественскую семилетнюю школу и поступила работать сначала ученицей, а затем бухгалтером на Стружечный завод в Чикино, который за год до этого был открыт в помещении бывшего завода. Официально новое предприятие стало называться Сиверским древесно-стружечным заводом. Его первым директором был Николай Карпович Павлов. Завод производил упаковочную стружку для Дружногорского стекольного завода. В 1939 году в Чикино из поселка Елизаветино перевели Галантерейную фабрику и завод стал называться Даймищенской галантерейной фабрикой. Здесь делали пуговицы, гребни, пудреницы, «валяли» валенки, изготавливали другую продукцию. В годы войны предприятие не работало. В послевоенный период в бывшем Чикинском заводе располагалась птицефабрика и хозяйство по разведению рыбы.

А что же стало с самими Чикиными? После революции судьба их складывалась трагически. Они на свой страх и риск продолжали жить в национализированном большевиками имении. Власти так и не решились изгнать их из собственного дома. Бывшие рабочие как могли оберегали прежних хозяев. Но приближались суровые испытания...

Осенью 1919 года Чикины покидают гатчинскую землю. Вместе с отступающими войсками Северо-Западной Белой армии генерала Юденича они вынуждены были бежать в Прибалтику. Точно так же из Гатчины бежали Куприны. Беженцев из наших мест было очень много. Уже много лет спустя Екатерина Владимировна Чикина вспоминала, как заводские рабочие снарядили для их семьи специальный обоз и как дружно провожали их в дальний путь. Войска Красной армии были совсем близко. Чикиным пришлось отступать лесными дорогами до самого Нарвского шоссе. Уже в Ревеле (ныне Таллинн) им выдали временный паспорт Эстонской республики.

По-разному впоследствии сложились судьбы многочисленных представителей семьи Чикиных.

Иван Иванович Чикин (1878–1959 гг.) стал офицером Белой армии и вместе с отступающими войсками в 1919 году бежал в Эстонию. Его супруга, фран-

чуженка Жозефина Чикина, позднее из Петрограда эмигрировала к мужу. Детей у них не было. В Эстонии они имели торговое заведение, и дела их шли довольно успешно. Незадолго до оккупации Эстонии советскими войсками Чикипы выехали на постоянное жительство во Францию. В Париже жизнь была трудной. Здесь они долго не могли найти работу. После смерти И.И. Чикина его вдова, оставшаяся без средств к существованию, была помещена в богадельню, где и скончалась в 1963 году.

Почти ничего не было известно о том, как сложилась жизнь у Екатерины Ивановны Пушкиной, урожденной Чикиной и ее детей. Пушкинисты считали, что потомков по линии «Левушки» – младшего брата А.С. Пушкина уже давно нет. Но это не так. В 1991 году вышла в свет прекрасная книга московского литературоведа, профессора, доктора физико-математических наук Владимира Михайловича Фридкина «Пропавший дневник Пушкина». Работая в рукописном отделе библиотеки конгресса в Вашингтоне, он нашел архив Американского Пушкинского общества. Общество это было создано в США в 1936 году бывшим русским дипломатом и писателем Борисом Львовичем Бразодем в связи с подготовкой к столетию со дня смерти поэта. В архиве обнаружили интересные документы, связанные с пушкинским юбилеем и тоненькая папка с письмами. Автором одного из писем была Е.И. Пушкина. Вот полный текст этого письма.

«Екатерина Пушкина, род. 1886 г. 27 ноября. DP Camp Aschaffenburg Area 3. Bayern. Germany¹. В Пушкинский Комитет. New York... Я, Екатерина, урож. Чикина, в 1909 г. 23 января вышла замуж за Александра Анатольевича Пушкина, штаб-ротмистра постоянного состава Офицерской Кавалерийской Школы. Штаб-ротмистр А.А. Пушкин приходился двоюродным внуком поэту, именем которого именуется Ваш комитет. А.С. Пушкин – брат Лев Сергеевич Пушкин – Анатолий Львович Пушкин – Александр Анатольевич Пушкин, мой муж. От этого брака мы имели 3 детей. Старшая дочь Алла, замужем, эмигрировала в Венесуэлу в мае 1948 г. Средний сын Александр погиб от большевиков в Эстонии в 1941 г. Младшая дочь Ирина находится со мной в D.P. лагере в Германии. Мой муж погиб в 1919 году весной на Кубани на реке Валерик (т. называемой Сунженской линии) в схватке с большевистски настроенными чеченцами, командуя бригадой кубанских казаков в деле под аулом Устар-Гардай. Похоронен в Екатеринодаре на братском кладбище. Я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой как комитету, носящему имя двоюродного деда моего мужа с просьбой помочь мне и моей дочери Ирине перебраться из Германии в Соединенные штаты и там устроиться на работу. Имею: 1) Царский паспорт, удостоверяющий, что я являюсь женой А.А. Пушкина, 2) письмо от сослуживца по гус. полку ротм. Трескина; 3) письмо очевидца смерти моего мужа Императорской армии артиллерии поручика Макшеева; 4) поручительство моей племянницы Голубевой Екатерины и ее мужа. Я надеюсь, что Вы поможете мне и дадите возможность после всех перенесенных мытарств найти мне и моей дочери работу, чтобы я смогла бы конец своей жизни провести в покое. Я могу быть домашней хозяйкой, владею французским, немецким и немного английским языками. Моя дочь работала в Эстонии, где мы жили в 1919–1944 гг., на Каунасской фабрике 7 лет заготовщицей.

Ек. Пушкина, 16 июня 1948 г.»

Далее В.М. Фридкин сообщает, что письмо Е.И. Пушкиной – это «по-видимому, первое сообщение о судьбе потомков Льва Сергеевича Пушкина, о которых до сих пор мы ничего не знали». Впоследствии потомков по линии брата А.С. Пушкина включила в «Родословную потомков А.П. Ганнибала» А.М. Бессонова. Но в ней отсутствуют сведения о дальнейшей судьбе Е.И. Пушкиной и ее детей после 1948 года. А что же было дальше? Мне удалось установить, что уже вскоре вдова А.А. Пушкина вместе с дочерью Ириной эмигрировала в Канаду.

¹ Лагерь перемещенных лиц Ашаффенбург, зона 3, Бавария, Германия (англ.).

Там Пушкины обрели свою новую родину. Все последующие годы они поддерживали тесную связь с родственниками в Эстонии. Е.И. Пушкина стала долгожительницей. В год столетнего юбилея ее поздравлял сам министр иностранных дел Канады. Умерла она в 1991 году на сто пятом году жизни.

Недавно удалось найти интересные данные, связанные с биографией сына Е.И. Пушкиной – Александра, который во время их бегства из России в 1919 году был серьезно болен и поэтому остался у родственников. А.М. Бессонова в своей книге о послереволюционном периоде жизни Александра Пушкина сообщает следующее: «В 1924 году жил в д. Даймище в 13 верстах от Сиверской под Петроградом; позже переехал к матери в Прибалтику; погиб в Эстонии».

В Даймище опекунами мальчика стали его многочисленные родственники по материнской линии – Фомины. Сначала он жил в доме покойного Ивана Ивановича Фомина – бывшего дореволюционного управляющего Чикинского завода, а затем в доме его сестры Наталии Ивановны, в замужестве Букашкиной. Последняя приходилась его матери двоюродной теткой, поэтому мальчик называл ее бабушкой. В Даймище А. Пушкин учился в начальной школе, а в летние месяцы помогал взрослым – пас скот. Он рос очень непослушным, плохо учился и часто слышал жалобы в свой адрес от учителей, которые, ругая его, говорили: «Шурик! Да разве так можно себя вести. Ты же родственник великого русского поэта!»

Александра Пушкина до сих пор помнят местные старожилы. Среди них 84-х летняя Александра Петровна Громова, урожденная Ванюшкина – дочь бывшего бухгалтера Чикинского завода П.И. Ванюшкина. Когда я попросил ее рассказать какой-нибудь эпизод из жизни А. Пушкина, она рассмеялась и сказала: «Шурика? Конечно помню. Он ведь был таким хулиганом. Однажды на качелях он меня так сильно раскачал, что я упала и здорово ушиблась. Шурик был старше меня на несколько лет. Жил у бабушки с дедушкой: у Наталии и Екима Букашкиных, которые приходились ему какими-то родственниками».

Только в 1926 году мальчик был доставлен к матери в Нарву, где стал учеником местной гимназии. Там же учились его сестры Алла и Ирина. В этой же гимназии некоторое время учительствовала его мать. Александр Пушкин погиб в Эстонии, будучи призванным в советскую армию в 1941 году.

Его старшая сестра Алла впоследствии жила в Нарве и там вышла замуж за аптекаря, эстонца Ариольда Карловича Йогги. После войны они жили в Германии, а в 1948 году эмигрировали в Венесуэлу. Детей у них не было. Супруг Аллы работал аптекарем. В 1999 году, в день 200-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина Алла Александровна Пушкина была приглашена Российским посольством в Венесуэлу на торжественный прием. Младшая сестра А. Пушкина – Ирина живет в Канаде. Детей у нее нет.

О потомках Александра Ивановича Чикина поведала в своем письме его внучка Криста Чикина. К ее рассказу можно добавить, что потомки А.И. Чикина сохранили фамилию предков. С 1919 года и по настоящее время все они проживают в Эстонии. Патриархом чикинского рода сейчас является сын А.И. Чикина – Александр Александрович Чикин, который родился в 1915 году. Он был выпускником Нарвской промышленной школы (1937 г.). Служил в эстонской армии (1937–1938 гг.), а впоследствии работал на шахте Йыхви и ткацкой фабрике «Вилл». Когда советские войска оккупировали Эстонию, он был вынужден скрывать свое происхождение и даже место рождения. А.А. Чикин был арестован сотрудниками НКВД, но, к счастью, вскоре освобожден. Он был мобилизован в Советскую армию и участвовал в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). В дальнейшем он закончил Таллинский физкультурный техникум (1949 г.) и Тартуский физкультурный институт имени П.Ф. Лесгафта (1952 г.). Вся его дальнейшая судьба была связана со спортом. Он стал известным спортсменом по легкой атлетике, а впоследствии тренером. А.И. Чикин – мастер спорта СССР (1946 г.), заслуженный тренер СССР (1965 г.). Участвовал в олимпийских играх в Мексике, Мюнхене, Монреале и в Москве. Он награжден Орденом Трудового Красного Знамени (1971 г.), многочисленными медалями, премиями и грамотами. В 1997 году президент Эстонии вручил ему медаль «Белого креста».

В 1998 году он был удостоен звания «Почетный гражданин города Таллина». А.А. Чикин до настоящего времени работает тренером, находится в хорошей спортивной форме и является наставником молодых спортсменов. Его супруга, Миральда Константиновна (род. в 1924 г.) – эстонка, уроженка Таллина. У них двое детей и трое внуков. Самая старшая, Криста Александровна Чикина (род. в 1951 г.) работает бухгалтером в одной из фирм. Ее дочь, двадцатилетняя Мерлин Чикина – студентка одного из таллинских вузов. История старинного рода продолжается.

В деревне Даймище, селе Рождествене и в Санкт-Петербурге проживают многочисленные родственники Чикиных – Фомины, которые сейчас носят уже другие фамилии. Среди них Любовь Сергеевна Смесова (род. в 1927 г.). А.А. Чикину она приходится четвероюродной сестрой...

* * *

В августе 2000 года Криста и Мерлин Чикины побывали на гатчинской земле. За один день удалось посетить усадьбу А.П. Ганнибала в Суйде и церковь в селе Рождествене, деревню Даймище и бывшее Чикинское имение. Не ожидали они увидеть могилы предков на Рождественском кладбище. Сейчас они находятся в ужасном состоянии. Несколько лет назад кто-то потревожил прах купцов Чикиных. В могилах, видимо, искали ценности. Нынешние потомки мечтают привести семейное захоронение в порядок, заказать памятник на могилу А.И. Чикина. Помогут ли им в этом деле местные власти?

В письме, которое Криста Чикина написала уже после возвращения домой, она сообщала:

«Уважаемый Андрей Бурлаков,

Большое спасибо за интересную встречу. Нам очень-очень понравилось и мы непременно опять приедем. Я хочу могилы в порядок сделать и поставить камень дедушке тоже.

Я написала письма родственникам за границу, чтобы они написали бы мне все, что они помнят. Бабушка рассказывала, что Чикины пришли из Сибири, но когда не знаю. Бабушка вспоминала, что они часто ходили на охоту и кушали даже мясо медведей. Бабушка говорила, что они убежали, когда красные войска уже видны были...

Это все так грустно, что все время плакать хотелось, когда мы были там. Но очень приятно, что церковь осталась и могилы. Надеюсь, что можно заказать камень, большой и красивый на месте для моего дедушки и бабушки. Бабушку я тоже привезу домой, перехоранивать буду на родной земле.

Всего хорошего и большое спасибо за все.

Криста Чикин».

В деревне Даймище удалось пообщаться с 85-летним Михаилом Григорьевичем Никифоровым – старожилом этих мест. Из Даймища пешком дошли до Чикина. И вот она, долгожданная земля предков. Указатель «Чикино». Небольшое поселение, один из 240 населенных пунктов Гатчинского района. В Чикипе местная молодежь встречала потомков бывших владельцев восклицаниями: «Чикины вернулись!», «Не может быть!» Грустно было смотреть на руины чикинского завода, на брошенную плотину, на пустующий пьедестал, оставшийся от памятника Александру II. Сейчас в Чикине расположено муниципальное предприятие (деревообрабатывающий цех), которым руководит Сергей Александрович Громов. Может быть, когда-нибудь он сумеет возродить старинный завод? Местная жительница Алла Тагировна Беглова, проживающая в бывшем здании заводоуправления, подарила Чикиным аптечный пузырек («Чичушку») начала XX столетия, найденную не так давно в подвале здания. Эту реликвию потомки увезли в Эстонию. Они бережно сохраняют то немногое, что уцелело у них от предков. Ведь почти все семейные документы и фотографии были уничтожены во время ареста А.А. Чикина в 1941 году. Пришлось уничтожить даже метрики и в новом документе о рождении у Александра Александровича Чикина указано, что он родился в 1915 году в городе Нарве. Чудом удалось сберечь часы, по преданию, подаренные императором Николаем II купцу А.И. Чикипу за большой вклад в развитие отечественной промышленности. На часах имеется надпись «Павел Буре поставщик Двора Его Величества».

Вот, пожалуй, и все, о чем мне хотелось рассказать в своем очерке. Поиск исторических сведений о купцах Чикиных и их потомках продолжается. Я благодарен Кристе Чикиной за предоставленные старинные фотографии из семейного архива, за ее прекрасные письма и за ее неиссякаемую любовь к России.

2001 г.

Аркадий МЯСНИКОВ

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ ИЗ СИВЕРСКОЙ АПОЛЛОНА МАЙКОВА

По обрывистому склону к реке Оредеж легко спускался стройный человек в темном костюме и высоких сапогах с удочкой в руке. Очки и аккуратная, длинная, с проседью борода не старили его, наоборот, делали облик человека независимым и задорным. Было пасмурно – самая хорошая погода для клева. Он ступил на песчаный берег и осмотрелся... Это потом на Сиверской, через много лет назовут такой знакомый ему спуск к реке «тропой Майкова».

Здесь он был своим. На другом берегу к самой воде подступали темные разлапистые ели. Река текла, казалось, из вечности, мерно покачивая русалочьи водорослями. Он вздрогнул – в глубине мелькнул серебристый отблеск. Майков стал быстро разматывать удочку...

Поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) по количеству прижизненно изданных собраний сочинений (шесть) и широкой известности стал классиком уже для своих современников. В те времена триада поэтов почти одного возраста и состоявших к тому же в дружеских отношениях – А.Н. Майков, А.А. Фет и Я.П. Полонский, представителей «чистого искусства», составляла поэтический Олимп России. В своем творчестве они сочетали славянский патриотизм с европейским интеллектом, создав в стихах особый сплав народности и классицизма. Среди них первым по силе воздействия в конце XIX века был Майков, для которого в свою очередь вершиной являлся Ф.И. Тютчев, протянувший нить русской поэзии от Пушкина. Майков называл Тютчева своим духовным крестным отцом в творчестве, а Державина образцом для своей поэзии.

При имени Майкова прежде всего вспоминаются строки лирических стихов. Его хрестоматийное стихотворение:

Весна! Выставляется первая рама
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса...
«Весна», 1854.

И еще:

...О, божья благодать!.. О, как прилечь отраднo
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой...
«Нива», 1856.

Цикл своих больших произведений, поэм, Майков посвятил духовному подвигу первых христиан древнего Рима в эпоху гонений во времена Нерона. Автора притягивает драма борьбы добра и зла, когда зло торжествует, но не может до конца сломить людские души. Герой поэмы «Три смерти» (1851) римский поэт Лукиан восклицает:

...Ужели с даром песен лира
 Была случайно мне дана?
 Нет, в ней заключена
 Одна из сил разумных мира!
 Народов мысли – образ дать,
 Их чувству – слово громовое,
 Вселенной душу обнимать
 И говорить за все живое...

В этих строках второй полюс поэзии Майкова – гражданственность, осознание себя частицей мирового процесса.

Дача Майкова на Сиверской за 19 лет жизни там поэта (1878–1896) стала настоящим родовым гнездом семьи. Здесь выросли дети и внуки, гостили многочисленные родственники и друзья, большинство из которых были известными литераторами и государственными деятелями. Дача – это место, где Майков преворал в жизнь христианско-просветительские принципы, которые исповедовал в своих стихах и письмах. Он участвовал в постройке на Сиверской первой церкви – Петропавловской – и приходской школы для бедных при ней, попечителем которой поэт являлся. Дача – это связь поэта с природой. Здесь он «благоденствовал» (по его выражению) в любую погоду. Отсюда рассылал свои письма, которые были для него жизненной необходимостью, недаром он называл почтальона «Нужда».

А природа? Майков беседует с оредежскими хариусами, как с ближайшими соседями по даче. В памяти возникает картина Крамского, запечатлевшего Майкова с удочкой в руках в тростниках на Сиверской. Несмотря на шляпу и пальто, поэт кажется частью природы, столько в фигуре Майкова доверительного ожидания чуда...

1879

*К жене Майковой Анне Ивановне и младшему сыну Аполлону
 в г. Старая Русса*

1

23 мая 1879 г. (Из Петербурга)*

(Рисунок спеленутого младенца)

Я пятьдесят восемь лет назад. Сегодня!

Ну вот, мои милые, вчера мы уехали, а сегодня уже я вам пишу. Всего пьжа 23 часа, как мы не вместе, а уж это время кажется очень долгим!!.. Из квартиры нашей только две души выбыло, или лучше сказать одна душа, и все получилось нежилой и неуютный вид. А тут еще солнце, день рожденья. Никогда он, кажется, не был для меня так грустен.

Все думаешь, что у вас? Коклюш или не коклюш? Наши говорят, что у Попки есть и насморк, или насморк, но не коклюш, – но я насморка не замечал... Ах, душенька моя, много в течение дня приходило мыслей тебе сказать, да как писать не припомнишь.

* Даты даны по старому стилю.

Кругом укладывались весь день, потом Комитет¹, сам разбираюсь, а мыслями все у вас. Между прочим, вот что: несмотря на невеселое настроение, сегодня у меня уже давно небывалое чувство аппетита и к завтраку, и к обеду, и даже сию минуту (8 часов), и пока я приписываю это тому, что сегодня поутру выпил первый стакан гамбургской воды. И хоть она и не прославила, но аппетит, пожалуй от нее. Прошу тебя убедительно, скажи Васильеву, что ты по совету Эйхвальда 2 года пила «Гамбург», не повторить ли тебе? Если там есть, то хоть попробуй день, два, как подействует на аппетит? Дело в том, что при малокровии, особенно при потере крови, аппетит и хорошее питание необходимы. Успокой меня, позаботься о себе, ты сама не можешь представить, как ты нам необходима, да не одна твоя внешняя заботливость, а как духовный центр.

Пишу эти строки под аккомпанемент Жениных рыданий (Маленькой Жени)². Дело в том, что она отпросилась к сестре в 12 часов, я велел к 3-му быть дома, а она явилась в 5, когда мы обедали у бабеньки, вприпрыжку легкой пташкой вприпрыжку. Я выпул часы, показал ей и говорю бабеньке: «Так как она, несмотря на то, что уже прежде было ей толковано от тебя при таком же случае, она также не считает своим делом исполнение долга, то вы ее больше никуда не пускайте». Потом она приходила просить прощение, и пр. такой разговор. Но я сказал, что я не сержусь, а это для нее надо знать, что дело прежде всего. Ушла, и теперь ревет. Я делаю вид, что не слышу.

Володя³ очень хорошо кончил греческий экзамен, переведен и получил формальный отпуск. Коля⁴ пошел хлопотать об Валериане⁵, приезжали в отчаянии, что его нет у Рукавишниковых, и что уж лучше бы он отказался, и даже Коле предложили его место. Коло, было поколебало, что выгодно, но уступил чувству, что если и его не будет на даче, то одиночество наше будет еще чувствительнее. Спасибо ему. Но где же Валериан? Уж мы все думали, что он возвратится. Однако нет. Вчера отец тоже его не видал. Коля пошел к Бекетовым узнавать, а ему написали письмо, уж здоров ли он? Что, если это был бы наш сын? Господи, сколько бы муки с ним было! А Владимир Николаевич⁶ почти что как бы ничего!

Юлия⁷ уехала. Пока едет. Тоже упрямыца порядочная. Та ее, вероятно, как ширму хочет употреблять. Хороша роль!

Что же я скажу Попочке? А вот что, голубчик мой, не серди маму, ты ведь понимаешь, что ей не легко. Ты мальчик с сердцем. Живите с надеждой поправиться и вместе заключить лето грибами, рыбой, раками. Куплю еще парочку рачинок. А если будешь умен, то еще парочку, на радостях.

Целую вас, мои милые! А ты, друг мой, пожалуйста, поговори с доктором о себе.

Попка I

* * *

¹ Комитет иностранной цензуры, где служил А. Н. Майков.

² Жениа Маленькая – воспитанница А. Н. Майкова.

³ Володя – средний сын.

⁴ Коля – старший сын.

⁵ Валериан – сын брата А. Н. Майкова, Владимира Николаевича.

⁶ Владимир Николаевич Майков – брат, писатель.

⁷ Юлия – родственница.

25 мая 1879 г.

Сиверская

Как видишь, кажется, это письмо с Сиверской. В половине второго выехали – шел дождь, потом все больше, больше. Теперь поднялся ветер, авось разгонит. А теперь 5 часов. Люди выехали в 9 ч. 30 мин. Вещи пришли, но разгружать

по причине дождя не решились. Ждем. А пока поели. Я – холодный биток, Володя – ветчины, и напились чаю. Славно, с аппетитом пообедали!

Воздух – аромат! Чудо! Дача – прелесть! Мебель – красота из красот! Так, по крайней мере, кажется все это от радости, что не в городе, а главное, что дышу и чувствую, что дышу чем-то живящим, питающим и возбуждающим аппетит.

Затем Володя отправится на станцию посмотреть, нельзя ли перевезти вещи и вот тебе несколько строк и воздушных поцелуйчиков, из которых часть к Попке.

Ti bacio mille a mille potte (Целую тебя тысячу раз в несметном количестве ночью – *итал.*)

Может быть, Володя принесет от тебя письмо. Друзья мои, как жаль, что вы не с нами! Хотя бы дождь и испортил твое расположение духа, но я уверен, ты все бы поддалась влиянию того хорошего, что при нас есть, т. е. нашей веселости, воздуха и т. д. Лена⁸ в восторге от прачечной. Конечно, Володя торопит – ноги у него горят походить.

* * *

⁸ Лена – прислуга в доме Майковых.

3

Суббота, 26 мая 1879 г.

Как я и думал, милая мамочка, в день же приезда получил от тебя письмо. Грустное впечатление произвело оно на нас. Тебе еще не доставало хлопот с квартирой, с клопами, с прислугой, не говоря уже о душевной тревоге с Попкой! А я еще отправил к тебе такое глупое письмо (карандашом писано, без адреса, просто в Старую Руссу). Но это был момент смешливый, радость физическая, что переехали в холод и дождь. Что же делать, надо было выразить впечатление как *puriti* (очищение, – *лат.*)!

Я уже убежден, что это коклюш. Вот вопрос, можно ли при том брать ванны. Гаусман говорит, что дело рискованное. Если окажется коклюш, то лучше всего – *pliet baggage* (собирать чемоданы – *франц.*) и ехать к нам, захватить бочонок грязи. Будет здесь прикладывать. Поговори в этом смысле с Васильевым. Да, друг мой, сегодня и день прекрасный, а дума все о вас! И результат этой думы я уже написал тебе.

Но полно об этом. Одного еще боюсь, это твоих дум по отношению к твоему здоровью и крепости. И нет меня подле, чтобы развлечь, успокоить, отвлечь даже хоть бы тем, что утешал, иной раз, что рассердил бы тебя! Вы же думали, а ничего не сделаешь, только лишишь себя сна, вообще расстроишь себя. Но помни, помни, мой ангел, как ты нужна нам всем! И потому подумай о себе, надень на себя узду, сказал бы еще: положишься на волю Божию... Но полно об этом...

Анна Григорьевна⁹, я думаю, рада тебе помочь и похлопотать, но Федор Михайлович¹⁰ все это готов в идею сделать, а на практике и оскорбить, и обидеть, и рассердить, это уже такой человек. Он в вечной лихорадке, и сам нуждается в уходе за собой всех близких ему людей, которые в состоянии оцепить и высоту его понятий, и высоту его таланта. Это уже я много раз говорил и опять напоминаю на случай, если выйдет вдруг такая минутка...

Дети тебе тоже пишут, и я понимаю, в их письмах, особенно в Володином, будут все факты нашего обитания здесь. Одно скажу – переехали благополучно: ничего не разбили, ничего не забыли. Володя сегодня все перевез со станции, тоже благополучно, только переменились с соседями ящиками с провизией, но тотчас же и поменялись; а соседи наши – доктор Никитин, что жил напротив, на даче у Ананьева, который строит на своем клочке земли, строит уж чуть не пятую дачу. Мы с ним еще не заводили сношений. Пока еще ел все привезенное из города. Зато с помощью Головиных устроил получение молока с фермы. Там

главная фермерша чужарная полька, Головина мне и не советовала к ней обращаться, а пообещала скотнице Марье ситцу на платье при отъезде, что я и поручил сделать их горничной, и уже сделано, и завтра будем пить хорошее молоко. А то брали у прежней чухонки, дает чухонскую отрыжку. Цена – 13 коп. за кружку, в которой две бутылки с лишком. Ходил зеленщик.

Тот чудесный угол, что мы называли Крепостью, увы, застраивается! И вообще, я туда прегрустную прогулку сделал сегодня после 2-го стакана. Все мне представлялся бедный тамошний леший от них удаляется! Тишина сменилась плотниками, землекопами, роят канавы, строят две дачи огромные – и на плевков одна от другой! Вся томительность, прелестная грусть, все шорохи и звуки лесные, все пропадает перед нагло врывающейся цивилизацией, с ее безвкусицей, руганью, дымом...

Да, душа моя, жаль мне бедного лешего: им воспитанные поколения все-таки были лучше тех, которые его не признают... Но вот, и конец бумаги! Ложусь спать, и завтра утром после 3-го стакана отнесу на почту письмо! Будешь ли спать и где? Усни, мой ангел, да пошлет Господь хороший сон и нам. Может быть, во сне увидимся. Целую тебя *per la nota* (через письмо – *лат.*). Попеньку тоже. Бедный мой мальчик! Выздоровливай скорее и береги маму. Утешай и развлекай ее, и замени ей меня.

Папка.

* * *

^{9. 10} Анна Григорьевна и Федор Михайлович Достоевские.

4

29 мая, вторник

Ну, душа моя, получил я твое письмо пополам с Попкой. Ваши мытарства не кончаются! Это ужасно! И люди-то там не лучше клопов! Что у Попки коклюш, в этом я не сомневался с первых минут, коих пришла об этом мысль – в вокзале. Но если коклюш, и нельзя купаться, а он длится долго, то не лучше ли вам взять да в обратный путь на дачу к нам, захватить бочонок грязи, и, смотря по тому, что будет рука – или здесь делать потом ванны, или опять поехать в Руссу на второй сезон. Так же жить из-за коклюша несколько недель в Руссе ей Богу незачем!

Коклюш лечится воздухом, переменою воздуха, а что уж лучше нашего воздуха на Сиверской! Право, подумай-ка. Гаусман говорит, что купаться при коклюше, «по крайней мере, рискованно». Я уже писал тебе: Возьми с собой рассолу или в виде соли, да и бочонок грязи. Можно будет делать пока ручную ванну. Да вообще, об ручке его ты ничего не пишешь. Как идет – на прибыль или на убыль? А воздух в Старой Руссе не-сделается хорошим, да и как можно, наполненный йодистыми испарениями. Спроси у Васильева. Все-то о вас думается, не могу вследствие того даже рыбу удить. Если бы вы были здесь, давно бы съездил на Выру.

Мы еще живем кое-как, т. е. ничего, хорошо. Лена устроила все комнаты, как при тебе, и надо сказать, что она, кажется, только и соображает с тем, как бы ты сделала, и заботится больше всех, чтобы ты не нашла никакого упущения. Я порешил ее поить молоком, и стоило большого труда ее уговорить, чтоб она на это согласилась. Сегодня согласится, а завтра отказывается, что совестно. Я, однако, настоял, говоря, что ведь не для нее это делаю, а для Бога.

Коля гостил у нас с субботы вечера до понедельника вечера. В следующую субботу придет с маменькой. У нас ничего не разбилось дорогой. От Ананьева еще покамест ничем не пользовались, едим ростбиф, молоко и яйца в разных видах. Яиц уж накоплено больше сотни, как было у тебя заведено. Прочел пять частей Потехина романа «Молодые побег» – скучно, тянет, жизни верно, но

ужасно скучно читать роман из этой низменной жизни. Володя читает «Нотоп» Эберса. А есть ли у тебя книжки и газеты; Коля переведет тебе «СПб ведомости». Я думаю, что это уже сделаю, как мне казалось, мне сказали еще в городе. Оказывается, что я недослышал. Мебели у нас довольно.

А право, я думаю, что вы скоро вернетесь, подумай об этом. Жить-то так в Руссе недели три-четыре, может быть, пять – и не расчет, да и тоска, а коклюш, известно, скоро не проходит, и ждать его конца можно все лето прожить в Руссе без толку. Чем больше думаю, все свожу к тому, чтобы вам сейчас же ехать. Едва ли можно брать ванны. Чтобы не было чего хуже.

Я пью «Гамбург», и представь себе, в Петербурге она меня с 1 и 2-го стаканов слабило, а на Сиверской с 3-х – склонность к противоположному, только вчера парочко поел побольше шпинату и компоту из чернослива, так сегодня послабже. Вот тебе объяснение, отчего прошлого года воды эти действовали на тебя здесь не так как в Руссе. Это, должно быть, здешняя вода оказывает свое влияние. Так я думаю, и думаю, что угадал.

Ах, душечка моя! Как все-таки жаль, что не вместе нам пришлось принять первое впечатление нашей дачи. Как теперь здесь хорошо! При переезде никаких неприятностей, зелень, травы, деревья, цветы – чудо! Все, все цветет – ландышей бездна! Дети нарвали два огромные букета, отослали с Колей к маменьке и Дарье Ивановне¹¹.

Очень почувствуют. К довершению удовольствия – нет комаров. Или еще их срок не пришел, не знаю, но их очень, очень мало, так что об сетках я еще не думал. Окна, впрочем, тут узкие, так что можно будет прилепить кисею прямо к окошку хоть воском, пока сделают рамы. Но, может быть, без них обойдемся. Управляющий Нагель премилый и преуслужливый.

Что тебе еще сказать? Я думаю, что Достоевские тебе не большое развлечение, но все-таки кланяйся от меня. А что семейства Юрия?¹² Я думаю, ото всех у тебя карантин по случаю коклюша. Жду с нетерпением после понедельника, но уж это, наверное, коклюш, именно лицо-то его и было подозрительно, глаза хоть и не краспы, но очень оживлены, и все лицо припухло. Впрочем, коклюш неопасная, но скучная болезнь. Давай варенье из белой смородины.

* * *

¹¹ Дарья Ивановна – родственница.

¹² Юрий – родственник.

Ti baccio cara mia. Stia bene!

Vecchio amante.

(Целую тебя, моя дорогая. Всего хорошего!

Старый возлюбленный – *итал.*)

Ночи у нас холодные – теперь 10 часов и 8 градусов.

Сейчас получил твое письмо, где пишешь, что идешь обедать на веранду. Очень рад. Пожалуйста, прошу, умоляю – кутите! Ездите за город – в Сутрову, к Спасу и пр. Пожалуйста, не жалея денег. Да и Попке нужен воздух. Не съездить ли в Новгород, если останетесь в Руссе и не вернетесь к нам? После нынешнего твоего письма посетлее, пожалуй, завтра соберемся на Выру. Уж Володя поговаривает. Может быть, и соглашусь. Это третье мое письмо (не четвертое ли?) Первое карандашом, второе к Достоевским. Не помню, писал ли из города.

Вот, милый мой Попочка, только что я написал тебе, чтобы ты левой рукой настроил мне несколько строчек, а от тебя уж явилось письмо! Надобно отвечать тебе тоже особым письмом. Ты очень интересуешься дачей – а потому об ней и буду писать. Дача, оказывается, совсем не так безобразна, напротив, мы расположились удобно. Что делают хариусы? Да на нашей речке, на старых местах я видел только двух, почему и отпустил назад. Не хочется ничего предпринять посерьезности.

Ходили с Володей за Старую Сиверскую, помнишь за Васильеву избу, и доходили до следующего поворота, где начинается бон, тут двух хариусов я и поймал. Но видя подозрительные облака, а в воздухе парило, я и поспешил домой, и умно сделал: едва добрались до дома, как полил дождь, и разразилась гроза, главное, с градом. Град такой, что мы выскочили посмотреть: дорожки и все лысые места побелели, и Володя в минуту горстями набрал три стакана града, точно гороху. Очень было любопытно!

На другой день пошли за Фридрихса, к старому ключу – один хариусок, и опять грозовая туча прогнала. Вот тебе и все.

Едим мы все еще ростбиф и ветчину, у Ананьева еще ничего почти не брали, кроме хлеба, да уксуса, да кваса. Была еще городская зелень. Займусь твоей удочкой, только удастся ли тебе половить нынешний год! Очень рад, что тебе нравится Вальтер Скотт. Читай не спеша, и не пропускай. Какие же там у тебя развлечения? Какая это церковь, против которой вы живете? Старенькая или новая? Напиши мне, как на твой взгляд мама? Чай, похудела? Ты-то еще не подбавляешь неудовольствия? Впрочем, надеюсь, что нет! И понимая трудное положение мамы, ты, конечно, всячески стараешься смягчать его.

Смотрел я у Маттеи средства против коклюша, у него стоит *antiscrofuloso*, которое с вами. Так как коклюш не лечат, то принимай его из второго стакана. Понимаешь, что это значит?

Целую тебя и маму, будь умным и береги маму.

Твой Папка.

Напиши мне, что ручка идет на убыль или нет? При коклюше тебе ведь не будут давать лекарства, поэтому продолжай попеременно крупинки, в одном стакане разведи и ложечку влей во 2-ой стакан и пей, не забывай.

5

Пятница, 1-е июня 1879

Кажется, это 4-е письмо.

Chere dame! (Дорогая жена! – *франц.*) Много мыслей приходит в голову в течение дня, пока гуляешь или дома лежишь, особенно по ночам в минутные обыкновенные промежутки между сном, а вот когда идешь писать, все это позабудешь. В Карлсбаде была у меня карманная книжечка, ну и вносил туда, да вел еще дневник; но дома, в царстве распущенности, какие дневники и книжечки!

Хотел, между прочим, написать тебе, что ты ничего не говоришь о себе, т. е. о своем здоровье. Конечно, неприятности первых дней не могли остаться без влияния; пожалуй, опять потеряла сон? А что аппетит? Да еще и вот что: ты поехала не совсем в нормальном положении. Это как теперь? Говорила ли с Васильевым? Не попить ли вод? Если уж не хочешь вод, то не прибегнуть ли к Юнилову дереву? (для аппетита-то). Все это вопросы очень важные, и важность их не хочешь понять только ты, и это меня сокрушает.

Если за что ты мне скажешь похвалу и спасибо, так это за то, что я устроил молочную часть. Такого молока, как мы пьем, я не запомню. Чудо что такое! Сливки пока не берем, и приходится всего 6,5 копеек за бутылку. Чухонки продают тоже 6 и 7 коп. Люди купили, себе вчера сливок у чухонки, да так и вылили.

Вчера мы с Володей поехали к Выре, день был теплый, но ветреный, я устал ужасно, поймали только 7 хариусов порядочных. Попка знает тамошних хариусов. Но Володя был несчастлив, поймал только одного. Вспоминал Попочку. Недоставало главного и на рыбной ловле самого милого помощника. Помню, раз мы ловили, он поймал несколько, а Володя все ничего. Только вдруг вижу, бежит Попка ко мне и кричит; я думал, не случилось ли чего. А это он в восторге кричит: «Папа! Володя поймал!» Точно у него у самого камень с плеч и совести долой. Вот это у него драгоценные черты.

Володю Давыдова просила заняться с ее сынишкой арифметикой; он теперь пошел туда, но решительно не знает, что ему делать: мальчика учила какая-то педагогичка – все по-своему, шиворот навыворот, например, без таблицы умножения. В гимназии в классах совсем не так учат. У Давыдовых гостила одна дама – жена офицера из Ташкента: удивительно, как это у русских на востоке прибывает ума, а на западе теряется. Она, конечно, повторяет только то, что слышит в своем обществе, но это-то и замечательно, что это общество в Ташкенте смотрит и понимает вещи гораздо здравее, чем все учившиеся в Германии профессора, а ведь, чай, простые офицеры.

(Три строки зачеркнуто. – *Сост.*)

Что же тебе еще сказать? У Ананьева брали всего только два раза по 4,5 фунта говядины. Ходит зеленщик, хоть берем у Ананьева, конечно, было, он раз прислал целую витуху фунта в 3 с лишком; и до сих пор половины его не съели. Вчера привезли огромный платяной шкаф – уж он будет у вас общий.

Почтмейстер на станции новый и завел разнос писем и газет, разумеется, надеясь в этом найти подспорье к своим 18 р. месячного жалованья, если встретит благодарность со стороны дачников. Прочие все по-прежнему: и Петровы, и наш Василий дворник – удивительно стармонизировалась эта троица. Помнишь его лошадь? Она, бедная, зиму-то тоже чай в лесу пробавлялась, кости да кожа, передние колени подогнуты, и хотя уже на свежей траве поправилась, но как бы едва ступает, должно быть, вся в ревматизме. И вот она тихим шагом идет в воду, подле или сзади идет Василий, таким же шагом и в некотором расстоянии, тоже весь в ревматизме и хромая, бедный водолаз, и все они трое друг на друга похожи. В лесу нектар! Цветет рябина и благоухает невероятно!

Читаю Эберса «Номо сум» («Человек есть») из IV века христианства. Не жид ли он? Духа христианства совсем не понимает. Это заметил и Володя, и потому не совсем доволен остался романом. А как Попка, справился ли с Вальтер Скоттом? А ты что читаешь? Ведь надобно что-нибудь читать для скуки. Читал наших второстепенных писателей, ей Богу, у меня такое чувство, что как будто это филантропическое занятие, так все это мало, узко, казенно, и уж ничего не оставит, за что сказал бы спасибо. Да и много ли не второстепенных-то? Если читала процесс Соловьева, то обрати внимание на речь Набокова. Как хорошо он вывел, что сквозит в деле, и вывел, основываясь на психологии. Очень хорошо.

Засим до свидания! Следующее письмо будет уже по приезду маменьки. Целую тебя, друг мой, с вечной думой о твоём здоровье. Да и о Попкиной ручке: на убыль идет или прибавляет опухоль? Есть ли у вас хорошее молоко? Обоим вам полезно. Поцелуй за меня (Попку). Я надеюсь, что он постарается скрасить чем-нибудь твоё одиночество. А вопрос: останешься ты или приедешь?

Твой Попка!

6

(2 июня 1879)

Сегодня суббота, 2 июня, день, назначенный для переезда маменьки, а такой минимум, что страх! Всю ночь и по сие время (утро 11 ч.) холодный и сильный ветер, проносятся тучи и осыпают нас градом! Снаружи 6 градусов, в комнатах с северной стороны 7, а с южной 8. Под эдакой погодкой, я, однако, после 3-го стакана отлично прогулялся на станцию отнести тебе письмо, теперь сижу дома в 2-х рубашках, 2-х пальто и пледе, и решил усладить свою душу беседой с тобой, и вообще, завести к тебе постоянное письмо. Отчасти и потому, что от тебя нет писем (получил 3), и я думал получить вчера; между тем очень хочется знать, что вы и как?

Вероятно, впрочем, что и у вас такая же погода, и вы мерзнете и в дурном настроении. Неужели маменька поедет сегодня! А очень вероятно, будет советится задержать Колю, который должен ехать с нею. Авось либо передумает!

2 часа. Холод небывалый. Ноги как лед; надел другую пару псов. Как хорошо, что вас никого здесь нет, т. е., если вам тепло. Затапливаем печи. 6 1/2 градусов на воздухе! Ходили на станцию, на случай, не приехали ли паши (в 3 1/2 ч.), но вместо их получили твое письмо от среды, оно должно было быть получено вчера, но его провезли дальше. Это 4-е письмо. Ты пишешь, что Васильев велел делать компрессы из рассола, а Склифосовский и Женья были против – но это против *eschauffantes* (согревающий компресс – *франц.*), а также простые, что называется холодные, без клеенки, совсем другое дело, и я не вижу резона, почему бы их не делать, уж лучше йода, конечно.

Потом еще пишешь, что у тебя была мысль приехать к нам недели на две. Да ведь я писал тебе об этом, или еще письма не получила. Именно, я пишу, не уехать ли тебе назад, к нам до излечения коклюша (что Васильев не говори, а это коклюш), а в Руссу опять поехать на второй сезон, оставив там вещи свои, какие можно оставить, и которые громоздкие. Об этой мысли я предлагал тебе подумать, да еще и теперь не поздно. А от нас к тому времени, может быть, уйдет минимум, и будет тепло. Печи наши истопились, но пока толку не видно. Идем обедать, что, впрочем, делаете теперь и вы.

Неужели ты, Попинька, мечтаешь ловить плотву? Да как ты червяка-то наденешь? Да в азарте и правой начнешь действовать. Я сомневаюсь, чтоб ты был на ловле хладнокровнее меня: помнишь, прошлого года мне говорил: «Ах, Папка, как ты горячишься!»

А вот, насчет обедов. Это, кажется, самое лучшее для вас обедать *en ville* (вне дома – *франц.*), да и почему же и не на веранде, если там лучше, и, *chere amie* (милый друг – *франц.*), не без любопытства прочли мы *menu* (меню – *франц.*), которые ты нам посылаешь, только, кажется, обед очень легкий; вот только про мороженое Володя заржал от удовольствия и, вероятно, зависти, потому что, я думаю, он тяготится некоторым однообразием стола в нашем одиночестве. Неделю почти был ростбиф и ветчина со шпинатом или бобами, или спаржей, а когда это вышло, то взяли кастрецу 4 фунта, и два дня едим битки в обед и завтрак. За сим что будет, не знаю, маменька привезет провизии.

(Дальше приписка сына Володи)

Нет, каково! Один биточек, и притом маленький со шпинатом! И все-таки в некотором роде для человека, который способен чувствовать голод. Ну, уж и погодка у нас! От холода вспотел; да ведь и у вас, я думаю, не лучше.

В скором времени надеюсь начать заниматься; учусь читать по-английски; (врет, – приписка Майкова А.Н.); помню что-то мудрено, все надо читать не то, что написано, из головы больше. Не могу писать больше: обрезал палец. Целую тебя, мамочка, и тебя, Попочка, надеюсь, что приедете к нам.

Ваш Володя.

Отправляемся встречать маменьку, если приехала, и опускаем тебе письмо в ящик вместе с моими поцелуями вам обоим.

После топки обеих печей в комнате 8 3/4 градуса.

7

2–3 июня 1879

Вот что, милый друг, сегодня ночью пришло мне в голову написать тебе по поводу Попкиного кашля. Со мной никогда не бывает, а теперь три ночи к ряду повторяется какая-то перхота в горле и кашель мучительный без мокроты. Помогало отчасти – глоток комнатной воды, а нынче я прибегаю к пульверизации Володиной *kali chlorini* (калий хлор. – лат.), и с успехом, т. е. во время припадков: еще немножко покашляешь, и успокоит. Кроме того, – прикосновение шерсти.

Во всяком случае, не рассуждая, сделай следующее: сейчас же повяжи Попке на шею красной шерсти нитку, сложив ее концов 5. Это непременно сделай.

Во-вторых, когда он начинает кашлять, повяжи на шею шерстяной платочек. Да не худо попробовать и 3 глотка воды (комнатной температуры), если нет пульверизации. Как видишь, все это невинно, и потому прошу сделать.

Очень, очень благодарю его голубчика, за то, что вы живете дружно, и за его милые письма, которые не могу читать без слез, смотря на его каракульки левой рукой. Но, впрочем, о слезливых моментах нечего писать, а они бывают, что греха таить. Лучше о другом.

Как я тебе писал, у нас был ужасный холод, в пятницу на воздухе самое большее в сутки было 6 градусов, а к вечеру 4, ночью же, говорят, мороз; весь день посыпало нас градом. Комнаты едва натопили на 8 градусов. Как тут быть завтра, т. е. в субботу должна быть маменька. Суббота утро тоже холодное, хоть полегче, градусов 6–7. Мы и телеграфировали, чтоб она не приезжала. Но, увы, телеграмма ее уже не застала в Петербурге, и в 3/4 4-го она приехала. Она в нездоровье, в первом настроении, перед отъездом была история: украли серебряный подсвечник.

Предложенная ей комната испугала ее потому, что выход есть на балкон, и ее зарежут и пр. Зная, однако, что так всегда бывает на первых порах, я ей сказал, что это я предположил только ей занять эту комнату, потому что она веселее, светлее прочих, с видом, но чтобы она посмотрела, выбрала и пр. Пока вещей их нет, поместил я их в нашей, но сегодня она, кажется, сама увидела преимущества своей.

К вечеру вчера затихло и затеплело до 10 градусов, и сегодня очень недурно, хотя не больше 11 градусов. По крайности не зябнем, да и маменька укрепилась спом в 4 или 5 приемов, и ничего.

Женя Большая¹³ спрашивает, получила ли ты ее письмо «до востребования»? Завтра еду в город (вместе с Ним – письмом) в Комитет. А курьезный случай был в Театральном комитете. На время отсутствия Юркевича вдруг вместо Маппа, как его помощника, исправлявшего его должность, Кистер назначил Китицына, человека сомнительной репутации. Благо подошло лето, оказалось возможным дать им почувствовать, что более и менее «почтенным» ли преторам, заседающим в Комитете даром, неприлично навязывать. Мы и не ходим, да при том и незачем, что лишнего пьес не бывает. А Китицын является и один составляет заседание. Ну, вот им и урок. Нам уйти, – ничего не терю, а как-то они подберут вновь Комитет, – с Ним их поздравляем. По уставу он член, может не ходить 4 месяца, и уж тогда это значит, что он вышел. В августе явится Юркевич, и мы явимся. Все-таки он – автор, да и человек все-таки покладистый, при том давнишний.

Боже мой, нас преследует цивилизация! И это милое захолустье уже портится. Дачами застроят скоро весь город! Но Головины! О скоты! О медицинская черствость и сухость! О семинарское отсутствие всякой эстетики! Представляешь себе: в своем тенистом, чудном участке вырубают всю осину, рябину и ольху, а эти деревья у них высочайшие, например, рябина вершков восемь в диаметре, а теперь – вся в цвету лежит срубленная как чухлома. Сама чухма жалеет и говорит, что барин и барыня «глупы». И так весь берег, весь скат – все призрачно и ветрено. Подлые *ragueus* (высочки – *франц.*)!

Сегодня отвел душу, все это высказал Давыдовой, я не понимаю причины вражды к этим деревьям. Видно медицина открыла, что они не гигиеничны! А вдруг откроет противное? Ведь известно, наука живет верою в свою настоящую глупость, пока эта глупость не сменилась новою глупостью, и история науки есть история человеческих глупостей. Но ради этих глупостей жаль непоправимого: жаль красоты природы, исчезающей там, где явится этот зазнавшийся подлец – человеческий разум!

Но я вижу, ангел мой, что мое письмо несколько для тебя неинтересно. Что же делать, я не умею писать так хорошо, полно, просто и прочувствованно письма, как ты. Твое письмо читаешь и все видишь, а сквозь мое, я думаю, ничего ты не можешь представить, как у нас, что делается, словом *weg, wie, was* (кто, как, что – *нем.*).

Впрочем, вот несколько фактов, да жаль только, скверных. Коля на днях (во вторник) поехал на дежурство и встретил на станции Вячу и Валерьяна, который ехал держать в этот день экзамен и вернуться вечером. Но не вернулся: Коля встретил его в пятницу вечером три раза в Летнем саду, куда забрел с Овсянниковым, и тот три раза от него спрятался. Неизвестно, вернулся ли теперь. Кроме того, еще черта этого милого мальчика: одна дама говорит Коле на его упреки Валерьяну:

– Да что вы говорите. Вы бы и сами не кончили университета, если б вас не тянули за уши.

– Как, что это такое?

– Это говорит ваш брат Валерьян.

Можешь себе представить, как это подействовало на истинно благородное и любящее сердце Коли! А, кстати, он был у Месмахера, чтобы сообщить ему в случае чего свой летний адрес и много говорил о том, как преподавать литературу у них в училище, и очень ему понравился, и то, что он будет туда определен сначала преподавателем русского языка и литературы – дело решенное. Я рад за него. Вообще, в нем много прекрасных качеств, и это, должно быть, признается дяденькой Константином Аполлоновичем, который в этот его приезд дал ему 25 рублей, равно как и Жене с тем, чтобы Коля ему застрелил рябчика.

Ну, вот тебе и факты, и письмо спросилось. Что же касается до чувств моих, *chere dame*, то уж что об этом говорить, они все те же, как и много, много лет тому назад, это известно и Богу, и всем, только не признается вами. Впрочем, в настоящее время эти чувства могут быть выражены так, что я «болею по вам».

Ах, Попочка, Попочка! А Федор Михайлович не позволяет назвать его «бедный мальчик». Бедный Федор Михайлович!

Но, полно, *ti baacio, mia cara* (Целую тебя, моя дорогая – *итал.*). Спасибо, что не оставляешь письмами. *It tuo amante* (Твой возлюбленный – *итал.*).

* * *

¹³ Женья Большая – дочь брата А.Н. Майкова, Владимира Николаевича.

8

Среда, 6 июня 1879

Сейчас возвратился из города и начинаю рассказывать. Впрочем, самое главное ты уже, милый друг, знаешь из телеграммы, которую я отправил к тебе сегодня утром в 9 часов.

Именно, что был у Эйхвальда, имея в виду показать себя и спросить насчет вод, которые сначала слабили, а потом стали заирать, а во-вторых, спросить насчет Аполлоши. Эйхвальдом остался очень доволен, он принял меня в неусловленный час и очень интересовался вами всеми. Насчет Гамбургских вод сказал, что и на тебя они действовали один год так, а в другой иначе.

– Да, да, – сказал он, – странное действие именно этих вод, и я никак не могу понять отчего, а это со многими так бывает оттого, как укупорены, что ли?

– Нет, – говорю, – все чудесно закупорены.

– Ну, так не от самого ли источника?

Вот это может быть. Но действием их за 2 недели на меня остался очень доволен и сказал, что они уничтожают у меня в кишках какие-то штуки, которые ему очень не нравились, и велел пить не 5, а 6 недель. О Попке говорил: «Если это коклюш, то купание не годится, особенно в нашем климате». Расспрашивал, кто за ним наблюдает. Васильева не знает, а спрашивал, что говорит Шенк, о котором отнесся хорошо, что он опытный, и уж по части Старой Руссы никто лучше не посоветует. Не приехал ли Шенк в Руссу? Передай ему и Васильеву мнение Эйхвальда о купаниях. Главное, кажется, в определении коклюша или нет.

О тебе раз спрашивал, но я сказал глухо, что мы говорим, что, когда в доме есть больные, то ты должна быть здорова. Засим в разговоре о Сиверской просил меня поузнать, нет ли для него дачи. Жаль, что нельзя ехать по нездоровью за границу, а ему хочется уйти от людей на время, вздохнуть. Я наметил Дружноселье, съезжу, узнаю, и очень буду рад, если удастся водворить его вблизи нас.

Приехал я во вторник, обедал с Вышнеградским у Демута в саду, неважно. Но вот неожиданное происшествие. Вернулся домой в 1-ом часу, лег, читаю, вдруг во 2-ом часу слышу колокольчики, потом гром пожарных экипажей, я четверть часа слушаю, все это усиливается. Отдергиваю занавески и вижу – дом Аничкова горит! Кругом из-под всей крыши переднего, заднего и обоих боковых корпусов – столбы дыма и пламени. Внизу пожарные, треск, ломают (также) крышу, валятся железные листы массами с треском на мостовую. Ветер, впрочем, очень тихий, на дом Вуича – немного повернул он, и искры посыпались бы на нас. Просидел на окне до 4-х часов, ожидая результата. В 4 часа сбили пламя, крышу снесли, сгорели все чердаки, даже в верхний этаж не пустили пламя. Загорелось, говорят, оттого, что кухарка вынесла на чердак угли.

Возвращаясь из телеграфа, зашел к Константину Аполлоновичу. Симанский видел на почте молодого человека, который спрашивал письма Майковой. Он спросил, не де Анне Ивановне? молодой человек сказал: «Да». Любопытно, какой это у вас там завелся молодой человек. Неужели это Попку он принял за молодого человека. Немудрено, впрочем, он сам маленького роста. Спроси Попку, делал ли ему кто этот вопрос? А, впрочем, может быть вам известно, что это за молодой человек, и только для нас загадка.

Константин Аполлонович рассказывал, что в день переезда зашел к маменьке, лежит, охает, бранит, больна, дача и пр. Я уж, говорит, знаю, в чем дело – да есть ли у вас деньги? Оказалось, нет. Я дал ей 100 рублей, и все прошло.

Вследствие неспанной ночи я забежал только к Любовникову, написал рапорты и уехал от заседания; впрочем, видел вчера Ведомского в Главном правлении, куда забегал мимоходом и видел все начальство в сборе. Был с Вышнеградским еще у Страхова, пили чай. Ничего интересного. Успел побывать и у Милюкова, видел Крестовского и Данилевского, слышал некоторые новости, но, не считая источник их верным, не рассказываю, чтоб не прослыть болтуном, повторяя слова болтуна.

Засим, ангел мой, вот и все. Рассказал, теперь вздохну, пойду гулять. Если коклюш, и нельзя купаться, следовательно, скоро увидимся. Так, что ли? Ti басю, mia сага (Целую тебя, моя дорогая – *итал.*).

Понди, Понди! Здравствуй! Как поживаешь? Не спрашиваю – весело ли?? Сегодня и у вас хорошая погода. Чай, бродишь по городу? А что ведешь себя умно и мило, не сомневаюсь.

Вечером ходили смотреть новую дачу у Фридрихса. Чудесная, и на чудесном месте. Завтра снимаем план и вид и посылаем Эйхвальду. Эх, кабы удалось его перетащить сюда!.. А знаешь что? Когда было холодно, то мы только вспоминали – что бы мама говорила! А как тепло, так не смеемся, а грустно. А в прогулках так чувствую – не достает Попки. Ti басю в другом месте и здесь.

Прошли вечером. Возвратившись сюда, нашел тепло, и все довольны, и маменька в счастливом расположении, и все хорошо, страх исчез... Пили вечером чай на балконе, и, думаю, что и у вас теперь тепло, и вы пьете чай и думаете, что мы на балконе пьем чай... Симпатия душ по поводу чая... Лена застала меня за письмом, просит и от нее поклончик передать. И здесь тоже ti басю.

(9 июня 1879 г.)

До сих пор я писал тебе, милый друг, точно из Лапландии или из Камень-Сердца в Ледовитом океане, где затерт льдами Норденшельд, а теперь точно из внутренней Африки, где подвизался Ливингстон. Жарко. В тени утром 22 градуса. У вас, конечно, то же.

Ну и, конечно, у меня мысли постоянно обращаются к вам: если такая погода простоят, то, может быть и купаться, потому что Эйхвальд именно прибавил: «Особенно в нашем климате». Не приехал ли Шенк? Ты уж, конечно, тотчас, не стесняясь ничем, его отыщешь и спросишь на счет Попки. Да! Порядочное коварство – это сочетание коклюша и опухоли, и именно в это время. Во всяком, однако, случае грязевая ванна для руки могла бы быть им принимаема. Шенк еще и зимой ее рекомендовал, да грязи не нашли. Все-таки уведомляй меня и о руке, и о кашле.

У нас идет все своим порядком. В порядке вещей и то, что маменька находится в обыкновении своем настроении или расстройстве, когда ее дожимает желчь, и вообще живот. И припадочки истерички, и собирается умирать, и упорно отказывается от касторки и «Мариенбада». Сегодня, однако, дошло до того, что решилась принять касторки, да еще в кофе, капселей-то здесь нет, и согласилась «попить» «Мариенбад», но уверяет, что бутылочка 10 будет довольно, и всегда, мол, так пила. Завтра же пишу Леониду¹⁴, чтобы выслал, по крайней мере, 20 бутылок, т. е. на 3 недели, хотя этого мало: курс в Мариенбаде – 6 недель. С Женей (Большой) у них часто вспыхивает распря, конечно, большей частью маменька к ней придирается, но и со стороны Жени я понимаю, что ее раздражает. Это ее тон, она говорит со старухой как гувернантка с ребенком, положим, чаще всего и дело говорит.

Я тебе писал, что Валерьян застрял в Петербурге. Вчера ездили узнать о нем в Рождество: еще его нет, но он писал, что ему необходимо съездить в Финляндию. Это бы и ничего, т. е. относительно здоровья Валерьяна, хотя и скверно в отношении Рукавишниковых, – но и тут беда: там ему будут давать водки. А Вяча тоже подозревает: здоров ли он? Т. е. головой. Но еще правда ли, что он в Финляндии. Напишу сегодня Леониду, он, впрочем, ничего не знает.

Володя начал заниматься английским языком, и с появлением рояля играет, и ей Богу, преприятно, я слушаю с удовольствием, он перестал стучать, и ищет приятности. Маленькая Женя здесь уже потолстела, лицо ее даже поразило меня сегодня, совсем стало круглое. Они там чем-то с Женей Большой занимаются, я не вмешиваюсь. Женя Большая старается быть полезной и потрафить меня, спасибо ей, но я незаметным образом, а больше шутя, и на деле, не выпускаю из рук бразды правления, и со всеми хозяйственными делами все обращаются ко мне. Покупка яиц – специалист Лена, у ней запас, пожалуй, штук уж 200. Это потому, что ты ей велела, и она свято исполняет твое распоряжение.

Сегодня у нас новый член семейства. Коля купил у мужика «превосходную» охотничью собаку Каро. Милый, право, этот мальчик: вчера отправился к Вяче с памереньем, может быть, почевать, но в 3-м часу явился домой. Он отпивается молоком. Я не прочь от собаки, надеюсь, что будет спать на дворе, следовательно, для безопасности или для чувства безопасности.

На дачах у нас гуляющих очень мало. Должно быть, прошлого-то года шлялись все Добряковское семейство и Шмидты – что ли, кто с ними жили. Жидовка Новинская живет на своей даче, ходит в русском костюме, совсем мужичка, только выговор жидовский. Преподный вид имеет, *gan gemein* (совсем ульгарный – нем.).

Володенька все жалуется, что нет барышень или кадетов, или гимназистов. Я сижу большей частью дома и пишу тебе письма, и думаю о Попке. Лечу, успокаиваю и уговариваю. Очень доволен действием твоих вод. Хотя они и не слабят, но все-таки хожу исправно, а главное есть аппетит, и нет скверного чувства в животе и во рту, и язык приличный. Эх, право, тебе бы попить! Погода де установилась, посоветуйся. У Ананьева берем пока очень мало, только на бульон говядины, а еще было городское, была телятина – дня два так, на третий роге (свинина – франц.), и они же сегодня на завтрак. Вот уж к завтраку надо что-нибудь заказать.

Скучно тебе, я думаю, и грустно, моя милая! И никого-то нет! Понимая, что с Достоевскими мудрено быть: он человек чисто литературный, и вне литературы и умственных интересов человек невозможный. Но вы не стесняйтесь, пожалуйста,

деньгами, ездите, катайтесь, это и для Попки хорошо, в Сутрову, к Спасу – еще куда-нибудь. Может быть, к Симанским, если познакомились, в деревню. Если не очень далеко. Кути по возможности! А то, думаю, все сидишь в духоте около лежанки, да в хорошую погоду, – очень безотрадно! Ну, вот, ma patite (моя страдальница – *итал.*), кажется, это письмо тебя удовлетворит, описал все домашнее, а ведь это-то и бывает самое интересное. Ti basio mille a tra vonlto (целую тебя тысячу раз, твой лик – *итал.*).

До следующего письма. Частью, впрочем, поделись с Попкой.

Твой.

Письмо было писано до обеда, а во время обеда принесли от тебя письмецо от среды, на полулистках, где пишешь, что получила телеграмму и пр. Конечно, ты сделаешь все умно; я и сам при такой погоде подумывал, что попробовать бы ванны, ибо Эйхвальд очень напер на то: «в нашем климате», а я у него был в день прохладный, и все время перед тем были холода. Да и на то: «коклюш ли это?» он напер и спросил: «Кто его наблюдает?» Я сказал: «Васильев», а он – «Его не знаю, а вот Шенк там был знающий». Следовательно, все это относится и к распознаванию коклюш или нет. Тут я и спросил: «А если коклюш, то можно ли купаться?» «При коклюше я бы не посоветовал, особенно в нашем климате». Вот ход разговора. Опускаю подробности. Ты пишешь, что Попка пьет Маттеи – пусть! Это ничему не помешает, ведь других лекарств он не пьет? Маттеи пусть пьет попеременно, как я говорил.

За обедом грянула гроза, мы обедали на балконе, и осветила воздух, и пробудила и дремавший аппетит, так что все нажились с жадностью на битки, твои любимые... Об маменьке я писал, что было поутру, лежала, умирала, напугалась, послушалась принять касторку. Касторка подействовала, и за обедом она скушала супу, полбитка, и хотела есть раков. На мое сомнение: «Да ведь это раки! Разве тяжелое!» Однако, так и быть, дали ей. Ну, что за ребенок!

Сегодня суббота – значит 3-я ванна. Напиши, как влияет на кашель? Да, вот что. Если все благополучно, то продолжай, но не делай ванн в холодные дни, главное, как видно из всех разговоров, должно бояться простуды. Подтверди Попочке, чтоб сам берегся и брал бы примера с Бобиньки, не пил бы холодного, не ел бы мороженого, если его будут потчевать. Все не могу определить, сколько времени идут наши письма. Это пойдет к вам завтра в 9 ч. 30 мин. отсюда. Когда ты его получишь, напиши, и напиши также, когда от вас отходит почта, т. е. в котором часу?

До свидания же, мой ангел, в следующем письме!

* * *

¹⁴ Леонид Николаевич Майков – брат, ученый-литературовед, вице-президент Академии наук.

Пишется 10 июня, пойдет 11-го 1879 г.

Сегодня полученное от тебя письмо, милый друг, было писано в пятницу, была жара, но уже в субботу, должно быть, и у вас похолодало, и я все раздумывал и гадал, брали ли вы ванну? Как вы читаете получаемые письма? Вместе, вслух, или сообщаешь Попке только кое-что? Твои письма я поневоле читаю при сыновьях вслух, потому что или они принесут, или почтальон, но они уже тут явятся и ждут с весьма законным (и милым) любопытством, что ты пишешь. Эта общность интересов мне отчасти нравится, да и очень даже, значит семейство связано сердечными узами. Я читаю вслух – умалчивая, впрочем, иногда некоторые строчки. Но это только при Коле и Володе, не беспокойся.

Прочел я и твое письмо о маменьке, и очень удивились на ее жалобу, что комната пустая. Конечно, покажется пустой, ибо оставлено было ей место для ее кровати, для зеленого дивана и столика, а был там комод, вольтеровское кресло, пять стульев, да еще подносили стол, который ей надо было выбрать! Не придумаю, что бы еще можно было поставить. Нет, это она все брюзжит. Да, и была больна, потом я уговорил принять касторку, и все пошло лучше, теперь ожидает «Мариебада», которые вышлет Леонид. Согласилась пить.

Но вот, Женя Большая заболела, уже в городе не было аппетита и понос. К нему присоединилась боль в животе. Сегодня припала касторки, не знаю, что будет. Вот видишь, мой друг, я и вожусь с больными. Спасибо, однако, нашим ребятам, иногда вдруг дурачатся и развлекают обеих сожительниц. С Женей оба дружны, ничего, в этом отношении все хорошо, и вообще, все поставлено на очень хороший тон.

То же и по хозяйству – все относится ко мне, и нет никаких столкновений. Главная, впрочем, советница, напоятельница и наблюдательница – Лена, по все это она делает как бы по секрету, чтобы другие не видели, и все со ссылкой, что так у Анны Ивановны заведено. Теперь на вопрос: «Что от тебя сказать Анне Ивановне?», велит кланяться и сказать, что хлопочет о стирке, бегала за прачкой, которая стирала еще на той даче нам, у моста, но не застала. Сегодня, кажется, 10-е число. Принесли от Апаньева книжку, еще не много забрали, всего с 28 мая по 10-е июня на 12 р. 41 коп. Впрочем, капитального еще ничего не убрали, по уж надо будет скоро приступить и к капитальному, т. е. к ростбифам, телятине и т. п., тогда, я думаю, музыка будет иная.

Ты в письме своем делаешь упреки Володе, но уже теперь они пали сами собой, потому что уже вы получили и его поправки, и письма от обоих сыновей. Не знаю, что ты еще разумеешь под тем, что у Володи должно быть что-нибудь нехорошее, чего он тебе не желает сообщить. Ничего такого быть не может. Он поехал со мной на дачу до конференции, придя с последнего экзамена, даже без свидетельства, ужасно желал съездить в город, узнать о конференции, а пока только слышал от Шрамека в день последнего экзамена, что его можно поздравить с переходом во 2-ой класс, но «которым» – пока мы ничего не знаем, я же не нахожу нужным по этим делам тратить на поездку Володи в город. Так что, если кто виноват, что нет точных сведений о том, «которым» он перешел, то это я. Он писал Борисману, чтобы тот узнал и сообщил, но от него нет ответа.

Что же тебе сообщить еще о нашем житье-бытье? Да ничего не представляется. Ты писала, что читаешь «Новое время». Какова история убийства в Граденском переулке Власова саперным офицером Ландсбергом. Представь себе, что этот Ландсберг сверх всего еще жених дочери Тотлебена. Хорош был бы зятем и мужем – способный зарезать человека для того, чтобы выкрасть свой вексель в 5000! Хорошо, что скоро открылось, а не после свадьбы. Его знают не то Давыдовы, не то Головины, и говорят, что *tres comme il faut* (весьма приличный – *франц.*). Вот оно внешне-то, светское *comme il faut*, а внутри-то что! Маскарад этого света – до внутреннего человека ему и дела нет, а внутренний-то скажется только, когда уже убьет, – внутренний не человек, а черт. Дело-то в том, что внутреннего человека нигде, при господстве материалистической философии, и нет совсем; есть только внутри некто, имеющий потребности и считающий дозволенными все средства удовлетворить их. А этот еще католик. Не из польских ли жидов??

У нас так сбились дни, что я не помню, что было вчера, что третьего дня. Например, не помню, писал ли я тебе о нашем почтмейстере? Кажется, это было вчера, – если вчера тоже писал. Утром приношу ему письма, оказывается, что в почт у него умерла дочка полугодовая! Получает 18 р. в месяц, на руках мать идиотка, теща, жена. Хоронить нечем. Я тут же ему дал 5 р. Потом сказал Давыдовым – те 10 р., потом Головиным – те хотели занести. Встретил Мадам Порман, та уже отправилась собирать тоже. Я ей сказал, что ее предупредил, показав 10-рублевую бумажку. Вот тебе и доброе дело в заключении письма.

Сегодня воскресенье – и грустновато. Видел тебя во сне две ночи! Vous avez tres aimable (вы были очень любезны – *франц.*).

Тем более желаю поскорей увидеть наяву.

Твой Попка I

Володя начал вам писать, но его позвали дирижировать танцами у Давыдовых, и я посылаю письмо без него.

Милый мой Попочка!

Ты себе представить не можешь, как меня радуют твои письма, и как они мило писаны, потому и считаю долгом отвечать тебе особо. Нового, впрочем, по нашей части ничего нет. Рыболовство в здешних местах такое же, как и в прошлом году; раки еще не ловятся, рано; появились раколовы, отец с гимназистом, которые и тогда были, попадало штук 8, 10, не более.

Нас занимали ландыши, особенно Володю, теперь они отошли, но вчера оказались фиалки, и сегодня, возвращаясь с Володей с рыболовной реконосцировки к старому ключу (за Фридрихсом), кончившейся ничем, мы нарвали букетик фиалок и незабудок. Володя нашел еще по дороге (со щенками) березовый гриб. Головинские барышни выросли и ходят все кучкой, вторгались ко мне, и все хором прегромко и в одно время просят об Жене, раз, чтоб позволить ей играть в пьесе какую-то роль, а в другой – на рождение к ним. Я сказал: «Ну, задайте ей глагол, пусть скажет, какого залога, тогда отпущу». Они не хотели, я задал, Женя уставилась – молчание. Конфуз, ну я и отпустил, велел вместе им подумать. Пресмешные, и все также приседают, как резиновые.

Ну, вот тебе и от меня ответ, чтобы ты не обижался и вперед бы мне писал, если тебе не трудно. Целую тебя, голубчик мой, а ты поцелуй маму.

Лилия СОНИНА

ШКОЛА АПОЛЛОНА МАЙКОВА

В дореволюционной России лучшие представители общества думали о подрастающем поколении и много делали для его нравственного, духовного воспитания.

Живший в Сиверской знаменитый поэт А.Н. Майков, чьи стихи входили во все школьные хрестоматии, был не только замечательным поэтом, впитавшим в себя дворянскую культуру не одного поколения, но и добродетельным, благочестивым, отзывчивым человеком, занимавшимся милосердными делами. Аполлон Николаевич деятельно помогал в строительстве церкви в Сиверской, хлопотал об открытии здесь библиотеки-читальни по типу Императорской Публичной библиотеки.

В одном из отчетов того времени сообщалось, что «в августе 1891 г. Майков объявил от своего имени об открытии в сентябре школы. Успех был неожиданным...». Первую школу в Сиверской стали называть «Майковской школой». Сначала она содержалась на общественные и благотворительные деньги. Но, став земской школой, содержащейся за счет казны, все равно получала пожертвования от местного населения и меценатов, поскольку авторитет школы был очень высоким.

Со дня открытия учебного заведения в 1891 г. и до начала первой мировой войны 1914 г. здесь обучалось 2102 человека: 1278 мальчиков и 824 девочки. Но со свидетельством, дающим право на продолжение учебы за счет казны, школу окончили только 290 человек. Школа давала возможность стать грамотными людьми всем детям, поступившим учиться, но продолжать в дальнейшем учебу за счет государственных средств могли только самые способные, одаренные ученики.

Особенностью Майковской школы было и то, что она несла в себе функции не только учебного заведения, но и культурного центра. Назначение ее было в том, чтобы давать детям знания, обучать ремеслу, приобщать к культуре, занимать их досуг.

С первых дней открытия школы А.Н. Майкова в ней велась интенсивная углубленная воспитательная работа. Школьная атмосфера давала ученикам радость бытия, делала их добрее и милосерднее. Здесь детей учили любить Бога, любить ближнего своего, любить свою землю... Деревенских ребятишек знакомили с русской культурой и отечественной историей. В школьных отчетах говорилось о том, что детей вывозили на «экскурсии в столицу для посещения Петро-Павловского собора, Домика Петра I, Народного Дома Императора Николая Второго, Зоологического сада...».

В школе нередко отмечались торжества: 20 марта 1909 г. был устроен праздник по случаю 100-летия Н.В. Гоголя, а 8 ноября 1911 г. – в честь 200-летия М.В. Ломоносова – состоялись Ломоносовские чтения. 8 марта (ст. ст.) 1912 г. – в день 15-летия кончины основателя школы и ее попечителя поэта А.Н. Майкова – прошли народные чтения, была отслужена панихида. Священник Петро-Павловской церкви Иоанн Кьяндский, первый учитель Майковской школы, подарил школьникам портрет Аполлона Николаевича Майкова работы художника Э. Юргенсона. При школе был открыт музей. «Господином Добрыниным пожертвовано четыре предмета для музея при школе», – записано в одном из

школьных отчетов. В день 50-летия освобождения крестьян от крепостного права проводились чтения со световыми картинками, была отслужена панихида по царю Александру Второму, освободившему крестьян от рабства.

Открывшаяся по инициативе А.Н. Майкова в 1891 г. Сиверская школа являлась одноклассной с 4-годовичным обучением. Два года она была церковно-приходской школой, которой руководил священник Иоанн Кьяндский. Ему помогала, взяв на себя заботу о детском хоре, Мария Кирилловна Кьяндская, окончившая Петрозаводское епархиальное женское училище. В помощниках состоял также и учитель Н.А. Любомиров. Подготовке детских праздников активно способствовала помещица Е.А. Новинская.

В 1893 г. школа стала земской, но церковно-приходское попечительство, созданное А.Н. Майковым, в учебном заведении сохранялось всегда. Об этом свидетельствует отмеченное в отчетах событие: 20-летие деятельности церковно-приходского попечительства. Союз церкви и школы благотворно влиял на воспитание подрастающего поколения, что подтверждает история самой первой в Сиверской школы – школы А.Н. Майкова.

Лев СИДОРОВСКИЙ

«МУЗЫКАНТ, СООРУДИВШИЙ ИЗ ДУШИ МОЕЙ КОСТЕР...»

Он живет вдали от городской суеты, в Сиверской, и мелодии, которые рождаются в его сердце, самыми первыми слышат этот куст сирени под окном, эти старые сосны, эта речка Оредеж. А может, они их ему и подсказывают – ведь сочинять музыку он любит больше всего на этих тропинках, на этом берегу. Потом дома счастливо возникшее в душе остается только перенести на нотный лист... Наверное, для творчества здесь -- совсем особый воздух, ведь не случайно же под этим небом Пушкин впервые задумал будущую повесть про станционного смотрителя. И Майкову писалось тут радостно («Боже мой! Вчера – ненастье, а сегодня – что за день! Солнце, птицы! Блеск и счастье! Луг росист, цветет сирень...»). И Шишкин обожал тут бродить с мольбертом, и Крамской. И Набоков вспоминал (перечитайте хотя бы «Другие берега») детство, проведенное в этом воистину «земном раю»: спуск к реке, «искрящейся промеж парчовой тины», белую усадьбу «на муравчатом холму» и дорогу, «окаймленную по-русски бобриком светлой травы»...

И все-таки, каким же образом является на свет мелодия? Ну никак мне не понять! Например, вот это воистину чудо из фильма «Нас венчали не в церкви»: «...Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга, бубенчик не смолк под дугой. Две вечных подруги – любовь и разлука – не ходят одна без другой...», ну откуда возникло сие божественное сочетание звуков? Все пытаю, пытаю об этом Исаака Иосифовича, но он лишь разводит руками:

– Ни один серьезный музыкант не объяснит, как рождается музыка. Кстати, рождается она у каждого. Каждый человек – потенциальный композитор...

– Ну уж каждый!

– Уверен в этом. Вот вы иногда напеваете себе нечто? Какой-то неопределенный, непонятный мотив?

– Случается.

– Так вот, это – ваш мотив. Другое дело, что вы его временно взяли у кого-то, напрокат. Вы этого не осознаете, но сейчас ваша душа поет этим мотивом... Поэтому не претендую на то, что сам придумал эту мелодию: может, она до меня уже была – где-то, в каких-то разновидностях... И потом, дело не только в мелодии: музыка – это же комплекс: и мелодия, и гармония, и ритм...

– В музыкальных поделках, которые звучат нынче с эстрад, грохочущего ритма – с избытком, по вот мелодий в этом «авангарде», по сути, нет. Есть нечто весьма примитивное, банальное, до унылости похожее одно на другое...

– Не могу утверждать подобное столь огульно, но большая доля истины в ваших словах, увы, есть. То, что гремит нынче с эстрад, считается «новаторством». Но давайте вспомним слова великого новатора в музыке Игоря Федоровича Стравинского. Он писал: «Под влиянием доктринерского интеллектуализма, царившего среди меломанов серьезного типа, существовала некоторое время мода презирать мелодию. Я начинаю думать, в согласии с широкой публикой, что мелодия должна сохранять свое место на вершине иерархии элементов, составляющих музыку»... Вот и мне кажется, что если воспользоваться бытующим в юриспруденции термином «царица доказательств», то в музыке «царица доказательств» – именно мелодическое начало, именно мелодия. И даже не просто мелодия,

а музыкальная тема. Она как путеводная нить, как «нить Ариадны» ведет нас к восприятию даже самой сложной музыкальной формы...

— Ну и где же вы отыскиваете ту, одну-единственную мелодию, от которой у нас потом — восторг, мурашки по телу?

Шварц разводит руками:

— Не знаю... Прежде всего — с помощью музыки, литературы — стараюсь погрузиться в то время, с которым связана моя новая работа. Скажем, надо было для фильма «Звезда пленительного счастья» написать «Песенку кавалергарда» — но это же девятнадцатый век, а я его вообще хорошо знаю, люблю. Да к тому же сам Окуджава помог мне тут своими дивными стихами: «Кавалергарды, век не долог, и потому так сладок он. Труба трубит, откинут полог, и где-то слышен сабель звон...» — ведь уже в них заключена мелодия. Я ее только услышал и попытался соединить с современным ритмом: «...Еще рокочет голос струнный, но командир уже в седле — не обещайте деве юной любви вечной на земле...» Стихи Окуджавы вообще поразительно афористичны: «Святая наука — расслышать друг друга, сквозь ветер на все времена! Две странницы вечных — любовь и разлука — поделится с нами сполна...» — ну как такие строки могут не вдохновить?! В них же — очень глубокий смысл, который задевает буквально каждое сердце. На подобные стихи мелодия рождается как бы сама, невольно. И вообще писать на хорошие стихи плохую музыку — грех. Ну, например, вот на эти, тоже окуджавские: «Жаркий огонь полыхает в камине, тень моя, тень на холодной стене. Жизнь моя связана с вами отныне... Дождик осенний, поплачь обо мне...» — как трепетно поет это Камбурова!

— Пожалуй, к поэзии Окуджавы вы близки, как никто из композиторов. Его слова и ваша музыка невероятно сочетаются. Ведь многие даже уверены в том, что это песни Булата... Как считаете: встретились вы с ним случайно, или это было закономерно?

— Встретились-то случайно, но, наверное, это было закономерно. Да, вероятно, все-таки — судьба... После фильмов «Балтийское небо» и «Рабочий поселок» я очень дружил с Владимиром Яковлевичем Венгеровым. А он не только отличный кинорежиссер, но и вообще человек интереснейший: великолепно знает поэзию, крутой меломан. В его гостеприимном доме тогда, в самом начале шестидесятых, бывали и Саша Галич, и Гена Шпаликов, и другие, столь же неординарные, столь же талантливые... И вот однажды Владимир Яковлевич говорит: «Приходи вечером. Будет из Москвы Булат Окуджава». У Булата песен тогда насчитывалось всего десять или двенадцать, и мне понравилось, как он их исполняет, понравились слова — какие-то простые, какие-то непривычно ясные и чрезвычайно емкие, но до конца, увы, понять всего не смог. Еще, видно, не дорос, был еще слишком заражен академизмом. Мелодии не оценил и вообще меньше всего обращал внимания на мелодическую структуру, а больше — на сам образ песни, на ее не только высокую художественность, но и на какое-то очень обостренное социальное звучание. На то, что песня заставляет меня ее слушать... Спустя некоторое время режиссер Владимир Мотыль приглашает писать музыку к фильму «Женя, Женечка и Катюша». (А кино, надо сказать, меня тогда уже захватило. Я вообще, в отличие от некоторых коллег, никогда не мог относиться к кинематографу, как к побочному заработку, — ведь там есть возможность и с оркестром интересно экспериментировать, и образную сторону музыки оттачивать). И вот в этом фильме Мотыля, оказывается, кроме всего, надо сделать песню на стихи Окуджавы «Капли датского короля»...

— А сам Окуджава свою мелодию вместо вашей Мотылю не предложил?

— Ну что вы! Он же невероятно щепетил и деликатен... По-моему, мы как-то сразу понравились друг другу. Да, уже тогда у нас произошло абсолютное сближение — и духовное, и человеческое. Ему доставляло радость — приходиться записывать музыку, слушать, как играет оркестр. Ну, а песню Булат принял настолько, что в финале фильма (помните?) спел ее сам... А дальше вместе сочинили мы много. Наверное, как у художников, у нас схожие интонации, так сказать, одна группа крови...

А вот что о нем говорит Окуджав:

«Я знаю многих композиторов. Они все замечательные музыканты и даже, может быть, гении. В них тоже бушует музыка и переполняет их до краев. Но чтобы так сильно, как это у Шварца, я не встречал... Музыка – его глубокая болезнь и в переносном и в прямом смысле: она – и живительное пламя, и инфаркт, она – и надежда и боль...»

Или вот такая история, которую тоже поведал Булат Шалвович:

«Послушай, – говорю я Шварцу, – отчего бы не сделать такую песенку, чтобы она пошла по ресторанам? Будет много денег. Мы пишем песню для фильма, но ведь ее можно превратить...» «Действительно, – говорит он возбужденно, можно ведь много заработать! Пожалуй, к этим стихам я напишу музыку такую, что все рестораны будут рвать песню у нас из рук. Поверь мне, я в этом кое-что смыслю. В припеве сделаем троекратный рефренчик...» И потирает руки. Ну, ладно, он пишет музыку с присущим ему вдохновением. Песня звучит с экрана. Но рестораны как-то обходятся без нее. «Конечно, – говорит он смущенно, – тут нужно было бы упростить, вот это выкинуть, потом это... ча-ча-ча... Знаешь, мне что-то не захотелось». И после паузы: «Вот следующую сделаю обязательно». И краснеет. Это тянется много лет, и, слава Богу, в ресторанах пока и без нас есть что исполнять; а у нас пока и без них есть на что ходить в рестораны...»

И еще один штришок из рассказа Окуджавы о друге:

«Я слишком избалован его деликатностью и тактичностью по отношению к моим стихам: он никогда не позволит себе написать к ним музыку вообще, даже очень удачную музыку, – он поволнуется, помучается, но найдет способ извлечь музыку из самого стихотворения, ту самую, единственную, которая только и существует для каждой строчки. Впрочем, это относится не только к моим стихам. Его музыка насыщена добротой и человеколюбием, потому что она отражает таинственные процессы, происходящие в его душе...»

Кроме Окуджавы, его поэты, на чьи стихи сочинял песни и романсы, – Пушкин, Гейне, Тютчев, Полонский, Фет...

Размышляет вслух:

– Когда пишешь к фильму песню или романс, то самое главное и самое сложное – добиться, чтобы было очень просто. Но – не банально. Чтобы – без надуманности, без – «химии»: знаете, если на грядке будущий плод обильно удобряют «химией», он получается красивый, но невкусный. Нет, плод моего труда должен быть натуральным... Вот писал музыку к «Станционному зрителю», и потребовались романсы на стихи Пушкина – задача трудности чудовищной. Потому что, считаю, есть на свете такая поэзия, дотрагиваться до которой – страшно: вдруг испорчу?! Это Глинке было по плечу – создать музыкальный эквивалент к стихам «Я помню чудное мгновенье». Это Бородину оказалось по силам положить на музыку строки: «Для берегов отчизны дальней...» – и получился воистину шедевр! Ну а я, с моими скромными возможностями – могу ли посягнуть на такое... Но обстоятельства распорядились именно таким образом, что и от меня фильм потребовал этого же – прикоснуться к творениям Александра Сергеевича. Работал с необычайным наслаждением. Старался, чтобы не проскользнуло ни одной фальшивой ноты... Почему-то некоторые мои коллеги думают: если возьмешь прекрасные стихи – Цветаевой, или Ахматовой, или Мандельштама – и напишешь на них романс, то успех обеспечен. Глубочайшее заблуждение!

– Слышал, что будто бы для того же «Станционного зрителя» вы написали и песню на стихи Окуджавы, однако в фильме ее почему-то не оказалось...

– Да, первоначально была там «Песенка Минского», которую прелестно исполнил Никита Михалков: «Красотки томный взор не повредит здоровью. Мы бредим с юных пор: любовь, любви, любовью...» Все это уже отсняли, смонтировали – и вдруг Булата исключают из партии. Естественно, сразу же сверху последовал приказ: весь эпизод с песней Окуджавы выбросить! Так песенка из

фильма исчезла, но тема ее осталась. И, между прочим, эта тема принесла мне счастье...

– То есть?

– Именно благодаря этой теме великий Акиро Куросава пригласил меня для работы в «Дерсу Узала»...

В одном из своих интервью Куросава рассказывал:

– Мы очень долго выбирали композитора. Я посмотрел много фильмов, что-бы познакомиться с работой тех, кого мне рекомендовали, пока наконец не увидел «Станционный смотрителя», экранизацию Пушкина. Там была замечательная музыка. Мы попросили ее автора, Исаака Шварца, стать композитором нашей картины. По-моему, мы не промахнулись в своем выборе...

С выхода на экраны «Дерсу Узала» минуло семнадцать лет. И вот недавно из далекой Японии в Сиверскую пришло письмо:

«Дорогой Шварц-сан! Вы пишете: помню ли я вас? Ну, конечно, помню. Помню все, что было с вами, словно случилось это только что. Ну просто вчера. (...) Никогда не забуду, как мы вместе бродили по Ленинграду. Однако те резкие изменения, которые сейчас происходят в вашей стране, буквально потрясают. От этих сообщений я просто столбенею. Что же будет с кинематографистами, с которыми я так сдружился во время работы над «Дерсу Узала»? Что вообще будет с людьми, работающими в области искусства? О людях этой отрасли нет никаких сообщений, и я очень переживаю за них. Я понимаю, что вам сейчас нелегко, но очень хочу, чтобы вы выжили. Буду молиться за вас. Если могу чем-либо помочь, сделаю все, что в моих силах. (...) Акиро Куросава».

Его детство прошло в Поварском переулке. Первые мощные впечатления той поры – «Вечерняя серенада» Шуберта, Бетховен, Глинка, Чайковский – вообще классика. Если до полуночи по радио транслировали «Евгения Онегина» или «Пиковую даму», «Травиату» или «Риголетто», спать мальчика было не уложить. Звучала в доме и своя музыка: старшая сестра, Соня, играла на пианино. Родители водили сына в оперу в Большой зал. А к песням, столь популярным в народе песням той эпохи, оказывается, был абсолютно равнодушен.

Недоумеваю:

– Как же так? Вы же сами стали блистательным песенником...

Шварц удивленно вскидывает брови:

– Я так не считаю. На девяносто девять процентов моя музыка отнюдь не вокальная, а инструментальная. Песни же пишу только по необходимости, когда это нужно в фильме.

– И сколько уже таких фильмов?

– Больше ста одиннадцати. Музыка в фильме – это как бы тема с вариациями. В этом смысле для меня есть два образцовых кинокомпозитора: Чарли Чаплин и Нино Рота. Ну и, конечно, Легран – помните его «Шербурские зонтики»? Музыка может придать картине какой-то новый оттенок, новое качество, попытаться сказать то, чего не видно в кадре...

– Вот, Исаак Иосифович, и напомнили вы мне невольно про еще один ваш с Окуджавой драгоценный камешек. С какой болью и с какой силой в «Белом солнце пустыни» Павел Луспекаев исполняет эту, в общем-то, немудреную, но все равно чем-то берущую за душу песенку. «Ваше благородие, госпожа удача, для кого ты добрая, а кому иначе...» Быстро она у вас получилась?

– Уже и не помню. Помню лишь, что долго долбили мы ее с Пашей в лужской гостинице (у него в Луге были тогда какие-то съемки). Подружились мы с Луспекаевым еще давно, на «Балтийском небе» Потом в «Не склонивших головы» он пел мою песню. (Там, в столь любимом мною БДТ, с моей музыкой вышли и другие спектакли: «Идиот», «Горе от ума», «Еще раз про любовь», «Третья стража», «На всякого мудреца довольно простоты». Работа с Георгием Александровичем Товстоноговым стала для меня счастьем). К своим сотоварищам по сцене, по экрану Паша был поразительно доброжелательным: чужому успеху

радовался, пожалуй, не меньше, чем собственному, и никогда никому не завидовал. Он во всем был такой – открытый, бескорыстный, могучий. Приходил в этот дом – и словно весь его заполнял собою...

Кинорежиссер Сергей Соловьев, который в содружестве с ним сделал шесть фильмов, писал:

«Шварц нащупывает в картине то, что нащупать невозможно, то есть неуловимость. Можно сказать иначе: основной смысл работы Шварца над киномузыкой заключается в том, чтобы нащупать душу картины и овеществить ее. (...) Шварц, по-моему, единственный по-настоящему профессиональный киномкомпозитор. Ему в этой профессии ведомо все. И именно его искусство дает возможность опровергнуть бытующий взгляд на киномузыку как на второсортное прикладное дело...»

Ну а почему же в его музыке так много какой-то пронзительной грусти? Осторожно задал композитору этот вопрос и услышал:

– Наверное, потому, что в моей жизни было много грустного, трудного, даже трагического... Я терял безвременно ушедших из жизни родных, близких, друзей, товарищей по профессии. А еще раньше... Отца в тридцать шестом репрессировали, мы с мамой оказались в ссылке!

В одном из писем Шостаковича к кинорежиссеру Ариштаму прочел я такие слова:

«Музыка к "Братьям Карамазовым" просто замечательная. Есть куски, потрясшие меня. Шварц – большой музыкант, я еще раз убедился в этом. Скажи ему, чтобы он не предавался мыслям о своей карьере, а писал бы музыку. Писал бы во что бы то ни стало. Я уверен, он может написать нечто превосходное...»

– Нет, Булат ошибся. Учился я у Евлахова, а вот он – действительно ученик Шостаковича, так что считаю себя как бы «наследником по прямой». Кроме того, у Дмитрия Дмитриевича в Ленинградской консерватории был открытый класс, к нему можно было приходить, и я делал это. Однако авторитет Шостаковича для меня был столь велик, что свои сочинения показывал ему очень редко, боялся. Гениальный композитор был выдающимся педагогом, причем советы давал очень ненавязчиво, очень деликатно. Стараюсь им следовать всю жизнь...

Интересно, может ли профессионал такого класса заранее, сразу предсказать судьбу своего дитя: ну, допустим, предвидеть, что ждет его новую песню – успех или наоборот?

Шварц мотает головой:

– Нет, не в силах. Тут все так неопределенно... Вот, например, когда-то для «Рабочего поселка» на стихи Генны Шпаликова написал песню «Спой ты мне про войну», однако прозвучала она за кадром и не очень выразительно. Между тем мне песня нравилась и покойному Бернесу тоже, но записать увя, не успели... И песня «Неужели мы заперты в замкнутый круг», которую мы с Володией Высоцким сочинили для фильма «Черный принц», «не пошла» тоже...

Трудно в наше время встретить человека, который считает себя счастливым. Но вот Шварц, несмотря на все превратности судьбы, именно из таких. Поясняет:

– Считаю себя счастливым потому, что с самого начала свои возможности в искусстве оценил трезво, и тщеславие меня никогда не давило... Конечно, случались огорчения. Например, Леонид Якобсон в Кировском поразительно поставил мой балет «Страна чудес» с Наташей Макаровой, но чиновники от искусства, которых талантливый балетмейстер раздражал, бесил, спектакль скоро сняли. А другой мой балет, «Накануне», по Тургеневу, уже в Малейте, сняли по требованию... супруги турецкого посла: ей не понравилось, что болгарские воины в спектакле некорректно обходятся с поверженным турецким знаменем. Вышел прямо-таки «политический скандал»... Но зато сколько в моей жизни было совсем другого – доброго, светлого... Сколько у меня хороших друзей... И музыку свою – благодаря кинематографу – вместе с миллионами кинозрителей могу слышать постоянно. Не каждому композитору выпадает такая удача...

В его рабочем кабинете, по обеим сторонам стола, – Чайковский и Моцарт. И Шостакович. Одна стена – сплошь в фотографиях: Утесов, Прудкин, Райкин, Мартинсон, Ульянов, Смоктуновский, Куросава, Курихара и другие знаменитости вместе со своим изображением адресуют хозяину дома разные хорошие слова. Многие из них под этой крышей гостили. И Окуджава здесь, естественно, останавливался не раз. И Высоцкий бывал не однажды. И Луспекаев. И Андрияша Мионов напевал тут, примеряя для себя только что сочиненное – про «Жоржетту, Лизетту, Жанетту...». Его улыбку Шварц обожал. Шварц сам смеется ослепительно.

Еще одна существенная деталь. Как писал про друга Окуджава: «Его очень отличают женщины. Тут важно множественное число, потому что одна может и ошибиться, а когда их много и все они красивы...» Что ж, познакомившись с его женой, Тоней – обаятельной, гостеприимной, хозяйственной и при этом еще какой-то очень надежной, я в очередной раз убедился, что Булат Шалвович всегда и все говорил правильно...

У Окуджавы есть стихи, ставшие песней:

Музыкант играл на скрипке.
Я в глаза ему глядел.
Я не то что любопытствовал –
я по небу летел.
Я не то чтобы от скуки –
я надеялся понять,
как способны эти руки
эти звуки извлекать...

Стихи посвящены Шварцу.

...Счастлив он, чей путь изолог,
пальцы злы, смычок остер,
музыкант, соорудивший
из души моей костер.
А душа, уж это точно,
сжели обожжена, –
справедливей, милосерднее
и правдивей она...

Вот что делает с нашими душами музыка человека, чисто внешне, росточком, – очень не великого, но зато сердцем – огромного. Человека, который несуетно живет себе на зеленой улочке по-над речкой Оредеж...

P.S.

Дни Исаака Шварца в Москве были посвящены 60-летию его творческой деятельности. 29 сентября 2000 года в Концертном зале им. П.И. Чайковского состоялась московская премьера нового сочинения Исаака Шварца – концерт для оркестра «Желтые звезды. Памяти Рауля Валленберга». После исполнения концерта в Санкт-Петербурге критика отметила, что «давно не звучала в филармонии новая музыка такой пронзительной искренности и высокой красоты».

И еще одно значительное событие произошло в жизни И. Шварца. 18 октября в Актном зале Пушкинского лица были вручены Царскосельские художественные премии 2000 года. За великолепную музыку к кинофильмам, романсы на стихи поэтов XIX–XX веков царскосельским лауреатом стал композитор, Народный артист России, лауреат государственной премии России И. Шварц. Мастер трижды награжден премией «Ника».

Нина НОСОВА-РАССАДИНА

О.А. ЛАГОДА-ШИШКИНА

(1850 – 1881)

...Старо-Сиверская расположена недалеко от станции. Не более версты. Мощеная дорога, обсаженная березами, огибает имение барона Фредерикса, с крутым спуском и подъемом на гору – одно из живописнейших мест Сиверской.

Сюда и приехала в 1878 году на дачу Ольга Антоновна Лагода. Она примкнула к кружку молодых художников, которые группировались вокруг И.И. Шишкина. Год назад на менделеевских средах, где собирались многие передвижники, состоялось их знакомство. Шишкин сразу высоко оценил ее дарование пейзажистки. Ольга Антоновна с ранних лет проявляла большой интерес к жизни природы. На художественное воспитание девочки, безусловно, оказала влияние домашняя атмосфера. Родилась она в Петербурге в семье чиновника Антона Ивановича Лагоды, который дружил с украинским поэтом и художником Т.Г. Шевченко (1814–1861) и известным пейзажистом В.И. Штернбергом (1818 – 1845). Акварельный портрет Антона Ивановича Лагоды работы Т.Г. Шевченко, висевший в простенке между окнами, с детства запомнился Ольге (ныне этот портрет находится в Киевском музее Т.Г. Шевченко).

В 1875 году в числе тринадцати учениц, принятых в Академию художеств в качестве вольнослушательниц, была и Ольга Лагода. В Академии она подружилась с племянницей Д.И. Менделеева – Н.Л. Капустиной, а через нее с будущей женой ученого А.И. Поповой. Встреча у Менделеева с И.И. Шишкиным определила дальнейшую судьбу Ольги Антоновны. Она оставила Академию и стала заниматься у Шишкина. За короткое время достигла больших успехов. Рисовала все, что ей казалось интересным в лесах, полях, оврагах, задворках и даже трущобах, – и все ее работы проникнуты духом поэзии.

«Жанр этот можно назвать пейзажем цветов и растений, цветы и растения, так же как лес для Шишкина, служили мотивом, главной задачей художницы» («Художественный журнал», 1881, № 8).

Несмотря на то, что широкой публике имя О.А. Лагоды было почти не известно (свою работу она создавала для себя), экспонировавшаяся на IX Передвижной выставке в 1881 году «Тропинка» получила высокую оценку критики. «...Еще будучи ученицей знаменитого пейзажиста Шишкина, выказала большое и грациозное дарование, ее картины “Этюд леса” (1880) и “Тропинка” обещали в ней замечательную пейзажистку» (Стасов В.В. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1952. С. 672).

В 1880 году Ольга Антоновна стала женой Ивана Ивановича Шишкина. Они были очень счастливы, несмотря на то, что она была моложе мужа на 18 лет. В 1881 году супруги вновь поехали на Сиверскую, но поселились на Выре. В то время Выря и Рождествено были одними из самых лучших дачных мест Сиверской. Этим летом с ними на даче жил ученый и земляк Шишкина художник Н.Н. Хохряков, часто приезжал К.А. Савицкий. Все много работали. Дом был полон народу. Здесь 21 июня (2 июля по новому стилю) родилась дочь Шишкиных Ксения. Неожиданно для всех Ольга Антоновна заболела. 25 июля (5 августа по новому стилю) ее не стало. Смерть Ольги Антоновны потрясла всех. И.И. Шишкин писал своему другу Г.А. Ознобишину: «От всей души благодарю

за сочувствие – ты хоть далеко, но понял, какую утрату я понес: если бы знал ближе, что это был за человек – женщина, мать и вместе с тем талантливая художница, друг и товарищ. Можно себе представить каково мое положение; потеряв такого драгоценного человека, я, как ни борюсь, как мужаюсь, но тоска и обида судьбы гнетет и давит меня. Боже, если бы ты видел ее альбомы, рисунки, этюды, начатые картины, то бы пришел в неописанный восторг; ничего подобного ни мы когда-то, ни теперешние не могли и мечтать о том, что она сделала. Сердце замирает от боли...»

Похоронили Ольгу Антоновну в селе Рождествено на берегу Оредежа. На мраморном памятнике надпись: «Жена профессора Императорской Академии художеств Ольга Антоновна Шишкина, урожденная Лагода, родилась 3 апреля 1850 года, скончалась 25 июля 1881 года».

Работы О.А. Лагоды-Шишкиной находятся в лучших музеях страны, в том числе в фондах Третьяковской галереи (две работы приобретены П.М. Третьяковым еще в 1888 году) и Русского музея. В 1887 году И.И. Шишкин издал альбом ее рисунков, выполненных карандашом и отчасти пером. Рождественский музей бережно хранит этот альбом – один из лучших своих экспонатов.

Светлана КОЛОБОВНИКОВА

ОН ЖИЛ РЯДОМ С НАМИ...

Память

Количество забытых имен чемпионов по велоспорту с годами только увеличивается, однако значимость их рекордов и достижений не может уменьшиться. К сожалению, история развития велоспорта в России еще не написана, и тем более не названы поименно спортсмены, прославившие Родину.

Передо мной пожелтевшие листки. Это письма выдающегося спортсмена, первого Олимпийского чемпиона Николая Александровича Панина-Коломенкина к легендарному велосипедисту Михаилу Ивановичу Дьякову.

Письмо первое, довоенное (пунктуация и орфография сохранены).

«5 ноября 1940

Дорогой Михаил Иванович!

Давненько ничего о тебе не знаю – здоров ли ты и как поживаешь? Сегодня в беседе с товарищами в институте имени Лесгафта о старых временах русского спорта, мне пришлось сказать, что ведь это преступление – забывать о таких величинах, какою был ты в свое время. И мы решили попытаться извлечь на свет божий твое историческое спортивное прошлое. Я думаю, что ты не откажешь пойти в этом деле нам навстречу? Позвони мне, пожалуйста, по тел. А 211-00 в 10 час. утра или в 10 ч. веч.

*Твой старый друг Н. Панин-Коломенкин
ул. Рубинштейна, 20, кв. 9»*

Письмо послевоенное (пунктуация и орфография сохранены).

«16 мая 1945

Дорогой Михаил Иванович!

Письмо твое получил, спасибо! Но все же просил бы тебя поподробнее рассказать о путешествии в Англию и главное – о гонках на Кэтфордском треке: в каком году и месяце, какие дистанции выиграл, в какое время (если помнишь), сколько конкурентов было, как себя вели, насколько ты их «обставил», какой приз получил и проч. А также результаты встреч с Уточкинским (когда и результат), Бутылкиным и др. москвичами. И еще – нет ли у тебя твоей фотографии на машине (твои портреты в обычном виде у меня есть). Если у тебя единственный экземпляр, можно заказать переснять в Публичной библиотеке (вход с Садовой), конечно, за мой счет. Буду тебе очень благодарен!

С приветом, Н. Панин.

Каков результат с Институтом Лесгафта?»

Так, благодаря Н.А. Папину-Коломенкину, о Михаиле Дьякове, после 40 лет забвения, вспомнили снова. И не просто вспомнили, а воздали должное.

Кто же он, этот человек, о котором в 1896 году узнал весь спортивный мир?

Как становятся «корифеями педали»

Михаил Дьяков родился 29 декабря (н. с.) 1872 года в Петербурге в семье купца 2-й гильдии Ивана Семеновича Дьякова. Подобно многим детям, он с пяти-или шестилетнего возраста катался зимой на тульских деревянных коньках с острым стальным полозом по двору отцовского дома, а летом ходил и бегал на ходулях, причем, быстрее, чем многие другие мальчишки просто бегали. С этих пор он полюбил «чувство быстроты», и обгонять пешком, на лошади или другим способом стало его страстью.

Его дядя, брат матери, работал берейтером – учителем верховой езды и обездичком молодых лошадей в манеже. Под руководством дяди 14-летний Михаил хорошо овладел этим искусством и окончательно приистрастился к скорости.

Когда он перешел в шестой класс Петровского коммерческого училища, отец подарил ему за успехи «усовершенствованный скороход». Это был велосипед системы «Паук»: огромное переднее колесо с педалями, без передачи; над этим колесом – руль, а сзади – седло на дуге, опирающееся на очень маленькое заднее колесо. Но ездить на нем все-таки можно было.

В 1892 году дядя подарил будущему российскому чемпиону в день рождения велосипед приблизительно современной конструкции. Подарок обошелся в копейку: машина стоила 250 рублей, на эти деньги можно было купить 10 крестьянских лошадей.

Для примера интересен факт, что даже Льву Николаевичу Толстому семья не раз ставила в вину, что он позволил себе такую роскошь... купил велосипед.

...Как только их называли в те годы велосипед: самокатом, колесарем, гончником, циклистом, бициклистом и даже пауком. Ездить на нем по улицам городов категорически запрещалось. Про велосипедистов говорили: «Черт на дьяволе едет». Даже в Петербурге, тогдашней столице страны, «публика смотрит на велосипедиста, как на исключительное явление, не имеющее определенного положения

в обществе и не признанного им» (Г.Г.Ш., «Велосипед», С.П., 1897, № 273). Женщинам, осмелившимся заняться велоспортом, приходилось выслушивать даже брань. Один из ярых противников признавался в журнале «Велосипед» (С.-П., 1897, № 286): «Я лично смотрю на женщину на велосипеде почти с таким же чувством, с каким смотрел бы на турецкого пленного, посаженного на кол».

Тем веселее и значимее первые соревнования в скорости на этих, тогда еще диких машинах, состоявшиеся 24 июля 1883 года в Москве на скаковом ипподроме Ходынского поля.

Велосипед быстро завоевывал симпатии людей: открывались кружки, начали издаваться журналы: в Москве – «Велосипедист» и «Циклист», в Петербурге – «Велосипед» и «Самокат».

Вторые по значению соревнования состоялись 23 сентября 1884 года на Царском лугу (Марсовом поле) в Петербурге...

М.И. Дьяков

Михаил Дьяков впервые принял участие в соревнованиях в 1892 году, а свою первую гонку выиграл в 1893 году. Устроена она была в Царскосельском парке. В те годы о треках еще не имели понятия, состязания проходили по так называемому «Орловскому кругу». Там-то и побил Дьяков результаты выдающихся ездоков того времени – Похильского, Лобанова, Репинского, Сандерса. Сразу замечу, что с Похильским Н.А. Дьяков сохранил дружеские отношения до конца жизни, о чем свидетельствует их переписка.

В начале сезона 1893 года на соревнованиях в Москве Дьяков завоевывает звание лучшего ездока России на дистанции в 5 миль (7,5 версты), побив при этом результаты гонки лучших московских ездоков и установив всероссийский рекорд – 14 минут 22, 5 секунды. В этом же году он победил в соревнованиях на звание лучшего ездока Петербурга на 100 верст.

В 1894 году Дьяков побивает всероссийский рекорд на 100 верст на зимнем велодроме. Затем – Москва. Снова побит всероссийский рекорд. В 1894 году он собрал все первые призы России.

В 1895 году в Михайловском манеже он в первый раз выигрывает на чемпионате Севера России на дистанциях 3 и 5 миль. Затем в Стрельне он бьет два раза всероссийский рекорд на одну милю. В этом же сезоне не знавший до сих пор поражений Дьяков терпит поражение от москвича Бутылкина в розыгрыше Дерби на 5 миль, но уже в гонке на чемпионате России он приходит первым, побив Ахматова, Уточкина (в будущем – прославленного авиатора) и других.

В зимнем сезоне 1896 года Дьяков снова встречается с Бутылкиным на чемпионате Михайловского манежа на 1 милю и побеждает его, пройдя дистанцию за 2 мин. 13,4 сек. Тогда же он выигрывает чемпионат манежа на 7,5 верст в 12 мин. 53,4 сек. и, наконец чемпионат Севера России, пройдя в час без лидеров 37 верст 338,5 сажень и побив при этом все русские рекорды с лидерами и всемирные рекорды без лидеров.

Об этом «звездном» годе, о потрясающей победе в Лондоне необходимо рассказать подробнее. Вот как рассказывает сам М.И. Дьяков в книге «Рассказы старых спортсменов» («Физкультура и спорт», 1951) о тех далеких днях.

«Помню в 1896 году я выступал в Михайловском манеже на гонках Общества велосипедной езды; там на весь “великий пост”, т. е. на шесть недель перед праздником пасхи, сооружался временный деревянный трек в четверть версты с очень крутыми виражами. Немцы во главе со своим консульством принимали все меры, чтобы доставить победу своему соотечественнику В. Шварцу. Ездил он, конечно, на машине немецкой фирмы и по расчету своих покровителей должен был обойти меня в главном заезде на звание “Лучший ездок Севера России. Немец – лучший ездок Севера России? Нет, этому не бывать! Шварцу между тем предоставили прекрасные условия, специально переделали его гоночный велосипед. На тренировки Шварца приходила целая компания богатых немцев – помогать ему советами, сочувствием и... апельсинами.

Меня, вместе с группой других гонщиков, тогда тренировал товарищ по спорту Н. Панин-Коломенкин...

Когда наступил вечер гонки на первенство Севера России (состязания проходили всегда по вечерам), я заметил, что компания немецких коммерсантов вместе с Шварцем что-то задумала: недаром почти половина трибуны была заполнена немцами. Большой интерес к этой гонке проявила и наша русская публика: пришло много учащейся молодежи, студентов, артистов – трибуны были переполнены до отказа.

Предстояла часовая гонка...

Я с места развил очень высокий темп, а мой соперник пристроился вплотную за моей задней шиной и ни разу не попытался повести гонку...

Так шло до последней минуты. Зазвучал гонг, извещающий, что до конца гонки осталось ровно 60 секунд. Тут Шварц неожиданно бросился вперед и обошел меня больше чем на длину машины...

Когда оставалось приблизительно около круга, я все понял. Под бурные возгласы и аплодисменты немецкой публики Шварц прижался к барьеру и не давал мне дороги справа, обходить же слева не позволяли правила...

Когда он опять взлетел на половину виража, я, видя намеренный и явный кроссинг (зажим), проскользнул по самой бровке слева и финишировал до звонка первым...

Шварц и его сторонники кричали: «Неправильно!», остальные кричали: «Браво, Дьяков, правильно!..»

Атмосфера накалилась, того и гляди начнется драка. Наконец, судьи объявили, что, ввиду умышленной помехи, моя езда признана правильной, звание «Лучшего ездока Севера России» присуждается мне и что достижение, показанное мною в часовой гонке – 37 верст 338 сажений превышает мировой рекорд Батиста больше чем на 3 версты...

Я получил тогда огромный кубок, часы и большую медаль за всемирный рекорд.

Дьяков был настолько сильным спортсменом, что в честной борьбе его победить было невозможно, поэтому и устраивались против него различные заговоры даже русскими велосипедистами. В 1894 году в Москве, перед гонками на первенство России, для участников состязаний был дан званый обед. Официант усиленно предлагал ему лучшую котлету, но он взял другую, а эту котлету съел известный спортсмен С. Пуресев и отравился так, что на следующий день не мог участвовать в гонке. Второй раз, тоже в Москве, в 1895 году, во время гонки Дерби на 5 английских миль сговорившиеся соперники сначала применили к нему изнуряющий прием со спуртом, а потом, видя бесполезность этого, перед последним кругом взяли его в «коробочку», т. е. окружили и дали возможность своему вырваться вперед. В результате, тогда он пришел вторым.

Но вернемся в 1896 год. «Домашних» побед ему уже было мало, хотелось попробовать себя на международных соревнованиях. И в сентябре Дьяков вместе со своим товарищем по спорту Сандерсом уезжает попытать счастья в Англию. На треке в Кэтфорде, пригороде Лондона, проходил национальный чемпионат Англии, который собрал лучших велосипедистов мира.

Здесь он много тренируется, официальным тренером у него – верный друг Н. Папин-Коломенкин. Сначала здесь на него никто не обращал внимания. Роста он был небольшого, недаром друзья называли его «Дьяков – птичка-невеличка», машина у него была, говоря современным языком, не экстра-класса. В общем, какой-то русский... не интересно!

Когда же начались гонки, отношение к нему резко изменилось. И хотя первую гонку он проиграл (там тоже имела место знаменитая «коробка», возможно и неумышленная), в нем увидели достойного соперника. Тогда-то Дьяков и задумался: из толпы гонщиков просто так не вырвешься, нужен другой прием; начинать финиш даже за два круга – бесполезно.

На следующем соревновании в чемпионате Англии на 5 миль он изменил тактику и спуртовал не за круг и не за два до конца, а с места, с самого старта. И никому не пришло в голову, что он всерьез попытается оторваться от группы. Все приняли это за довольно глупый и бесполезный маневр, потому что никто не знал его скоростной выносливости. А он финишировал первым! Подобным образом он победил и на 25 миль.

Гонки чемпионата проходили в разных городах: Лондоне, Бирмингеме, Гулле, Вуд-Грине и везде при огромном стечении публики. Дьяков выиграл чемпионат Англии по четырем дистанциям и проиграл по одной Английские газеты называли его «корифеем педали», а в Петербурге писали, что его рекорды потрясли мир и что его ждет вечная слава... В Англии он получил много наград, но главное было не в этом, а в том, что русский спортсмен показал всему миру, как надо ездить на велосипеде. Деятели английского спорта предлагали ему выступить на

мировом чемпионате от имени Англии, но он отказался, мотивируя тем, что он представитель русского спортивного клуба и чемпион своей страны.

Россия подарила миру великого спортсмена. Он участвовал в 300 гонках и только в трех из них пришел вторым, а не первым. Колеса его велосипеда мчались в неудержимой гонке от рекорда к рекорду. За свою спортивную жизнь он установил несколько всероссийских рекордов и четыре мировых, никогда не знал поражений и ушел из спорта непобежденным.

Остается только пожалеть, что правительство России не направило наших спортсменов на Олимпийские игры 1896 года в Берлин. Быть бы нашему земляку и Олимпийским чемпионом.

С 1897 года, по всей вероятности, Михаил Дьяков перешел в профессиональный спорт. Сохранилось Удостоверение Царскосельского кружка велосипедистов от 5 июня 1897 года № 376 о том, что Комитет Ц.К.В. разрешает ему, действительному члену Кружка, состязаться в течение 1897 года с профессиональными гонщиками в России и за границей, вне конкурса.

В 1898 году в Копенгагене он принял участие в 100-километровой гонке с лидером на первенство мира и еще раз доказал, что он ездок с огромной выдержкой и прекрасной тактикой. В этой гонке у Дьякова произошло непредвиденное: его лидер – четырехместный квадруплет на 15 круге разбился и ему пришлось продолжать гонку без лидера. Конечно, он немного отстал... Когда подошла другая машина-лидер, они развили максимальную скорость и начали наверстывать упущенное. Через каждые восемь кругов он догонял ведущего гонку на целый круг. Никогда он не работал с таким усилием воли, с таким нечеловеческим напряжением. Публика сопровождала его овациями. В конце дистанции он успел выйти на второе место.

Вернувшись домой, он перестал участвовать в общих гонках, а только ходил бить рекорды.

Чтобы выяснить, почему Михаил Дьяков так резко покинул спорт, я неоднократно беседовала с его сыном и дочерью, но они не знали ответа: видно, чемпион не хотел никому объяснять свое решение.

Семья. Война. Блокада

В 1901 году Михаил Иванович Дьяков женился. Его жена, Андреева Елизавета Михайловна, была дочерью крестьянина Ярославской губернии. У них родилось пятеро детей: четыре дочери и сын. Забегая вперед, скажу, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 августа 1945 года Елизавета Михайловна была награждена «Медалью материнства» II степени.

С 1901 года и до самой Октябрьской революции М.И. Дьяков занимается оптовой торговлей велосипедами. В его архиве сохранилось Обязательство перед С.-Петербургским Обществом взаимного кредита от 25.04.1901 г. № 21912 о вступлении в это Общество. Из подписи под Обязательством следует, что М.И. Дьяков личный почетный гражданин Санкт-Петербурга.

В 1918–1921 годах Михаил Иванович был привлечен к спортивной работе во Всевобуче. Жизнь после революции гладкой не была. Радовался любой работе: был продавцом, рабочим депо, комендантом... Только 21 сентября 1953 года он уволился в связи с выходом на пенсию по старости.

Михаил Иванович очень любил свою семью, жену, детей. В семейной жизни это был мягкий, добрый человек, погоду в доме делала его супруга. Благодаря ее твердому характеру, крестьянской хватке и смекалке, в трудные, голодные годы революции и войн семья смогла выжить. В 1941 году Михаил Иванович и Елизавета Михайловна с детьми не покинули родной город, пережили блокаду.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года Дьяков Михаил Иванович был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Семья Дьяковых. Фото н. XX века

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года он был награжден медалью «За оборону Ленинграда», которую ему вручили 9 мая 1944 г.

1951 год был для всей семьи особенным: 28 октября Михаил Иванович и Елизавета Михайловна отметили свою золотую свадьбу. Только поздравительных телеграмм в их адрес пришло более тридцати, а открыток, устных поздравлений и того больше. Большая семья подводила итоги своего многотрудного пути...

Письмо И.В. Сталину

В июле 1951 года М.И. Дьяков пишет лично И.В. Сталину. Этот уникальный документ достоин того, чтобы его привести хотя бы в части, но с сохранением стиля, орфографии и даже размера шрифта:

«Москва, Кремль.

**ВЕЛИКОМУ ДРУГУ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ**

Команданта депо пассажирское
Витебское Ленинградской ж.д.
Дьякова Михаила Ивановича.
прож.: Ленинград, 5-я Красноармейская
д. № 18 кв. 6-а

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович обращаюсь к Вам с величайшей просьбой.

Мне 79 лет (рождения 1872 г.) силы уходят и я в ближайшее время принужден оставить службу и тогда буду получать пенсию в сумме Руб. 150. – Но эта сумма не обеспечит мне спокойно просуществовать до конца оставшейся мне жизни.

Поэтому я прошу Вас не будет ли возможным за проделанную мною работу в нашей любимой Родине по спорту, с 1917 г. которому я отдал десятки лет своей жизни, – предоставить мне персональную пенсию.

16/VII-51 г.»

Не уверена, дошло ли это письмо до И.В. Сталина, но на основании решения Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 15 октября 1951 года № 73 «тов. Дьякову Михаилу Ивановичу была назначена персональная пенсия местного значения с 1-го ноября 1951 г. в размере 250 рублей + 60 руб. хлебных». Вскоре же ему было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта».

В признании его заслуг сыграли главную роль такие факторы, как постоянная поддержка Н.А. Панина-Коломенкина и подготовка СССР к участию в Олимпиаде 1952 года в Хельсинки. В связи с тем, что страна Советов намеревалась впервые принять участие в Олимпийских играх, начался большой подъем спортивного движения и привлечение к работе с молодежью ветеранов спорта. О великих российских спортсменах появилось много публикаций, стали поднимать из небытия давно забытые имена.

Награды

М.И. Дьяков в своих воспоминаниях («Рассказы старых спортсменов», «Физкультура и спорт», 1951) пишет, что, бывало, он за одну только гонку получал до трех наград. Если принять во внимание, что он участвовал в 300 гонках, то сколько же у него было медалей, кубков и других призов! Этого теперь никто сказать не сможет. Осталось только несколько симпатичных пустых коробочек от наград. Лишь о части наград можно сказать следующее: сохранился протокол ОПТУ в ЛВО от 16 июля 1932 г. об изъятии наград у Дьякова М.И., но там фигурирует лишь их часть, где остальные – неизвестно. Как жаль, ведь эти награды не просто сплав желтого или белого металла, это сплав мужества и воли, свидетельство подвига спортсмена. Эти награды – не только оценка достижений спортсмена, но и достояние и признание отечественного спорта.

Пророчество о вечной славе сбылось через 100 лет. 12 сентября 1993 года, чудесным ясным утром, в центре поселка Сиверский, при большом стечении народа состоялся необычный праздник, подготовленный по инициативе благотворительного общественного фонда «Моя малая родина». В честь столетия Всероссийского рекорда была торжественно установлена мемориальная доска чемпиону России и рекордсмену мира Михаилу Дьякову. Доска была установлена на фасаде его бывшего дома.

...Этот дом, на углу Фельдмаршальского (ныне Республиканского) проспекта и Дарьинской (ныне Крупской) улицы, был построен незадолго до первой мировой войны. В 1913 году его купил М.И. Дьяков для своей семьи. По советам врачей, озабоченных состоянием здоровья супруги Михаила Ивановича Елизаветы Михайловны, семья переехала из Санкт-Петербурга в Сиверскую. Здесь они пережили трудные годы революции и Гражданской войны. Их младший сын Миша вместе с сельскими ребятами бегал в начальную школу в Белогорку, и память о детской дружбе сохранил на всю жизнь. Сиверскую он не покидал никогда, кроме пяти лет войны, был ее горячим патриотом. Характерно, что Михаил Михайлович никогда не кичился заслугами отца и тем более не использовал их. Его соседи по участку в Сиверской, с которыми он ходил в магазин,

М.И. Дьяков с физкультурниками

в баню, в лес за грибами, узнали о его знаменитом отце только при установке мемориальной доски. Михаил Михайлович сам был незаурядной личностью, талантливым инженером, работал много лет за рубежом, а в Китае получил государственную награду лично от Чжоу-Энь-Лая. Умер он в 1998 году в возрасте 88 лет.

Дом Дьяковых после войны был кардинально реконструирован и передан техникуму-интернату...

После торжественной установки мемориальной доски состоялись первые в истории поселка велосоревнования для всех возрастов – от 3 до 77 лет. Участвовали и профессиональные гонщики на спортивных машинах, и местные жители на дорожных велосипедах. Тогда же зародилась идея сделать Сиверскую одним из центров велоспорта.

В поселке был организован подростковый велоклуб имени М. Дьякова, а с 1997 года в Сиверской стали про-

водиться соревнования по летнему и зимнему маунтинбайку на первенство Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Сейчас в Сиверской проходят Всероссийские и международные велосипедные гонки. Велотрасса проходит мимо усадьбы Дьякова и гонщики, проносясь мимо, салютуют своими педалями великому спортсмену.

Благотворительный фонд «Моя малая родина» вышел с повой инициативой в Федерацию велоспорта Санкт-Петербурга и Ленинградской области – создать Музей истории велоспорта. Федерация одобрила эту инициативу. Администрация города также поддержала идею создания музея. Подобрано помещение, которому присвоен кадастровый номер, есть проект, смета расходов. Русский музей оказывает методическую помощь по подготовке экспозиции. Открытие Музея планируется к 2003 году и будет подарком городу к его 300-летию.

Фонд «Моя малая родина» начал работу по сбору музейных материалов. Сын чемпиона, М.М. Дьяков, передал Фонду некоторые вещи своего отца для экспозиции музея.

Он жил рядом с нами

Михаил Иванович Дьяков прожил большую жизнь. 87 лет вместили в себя годы фапастической славы и успехов, три революции, три войны, блокаду, голод, забвение и снова признание... Но он пронес через всю жизнь верность велоспорту. Его товарищи 17 сентября 1959 года написали в Некрологе о нем так: «М.И. Дьяков всю свою многолетнюю жизнь посвятил велосипедному спорту: обучал, тренировал, устраивал велосоревнования, проводил беседы с молодежью и помог кругосветному путешественнику тов. Папкратову. Он имел 66-летний спортивный стаж и был персональным пенсионером».

Имя Михаила Ивановича Дьякова, прославившего Родину в конце XIX века, почти забытое в XX столетии возрождается новым поколением и передается молодежи XXI века.

Наш долг возродить и другие забытые имена.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Уголок прозы

Александр ФАЛОВСКИЙ

БЕЛЬВЕДЕР НАБΟКОВСКОГО ДОМА

Я не хочу, чтобы этот бельведер стал памятником нашей бедности и духовного крушения! Я хочу видеть его сторожевой башней нашей истории, нашей культуры, нашей стойкости! Не зря же его до сих пор оберегают дубы, посаженные еще повгородцами...

Здесь пахнет свежеструганной доской. Рамы окоп пока закреплены деревянными клиньями. Просторно, много света, вместо стульев – несколько приземистых чурбаков.

Я гость и веду беседу с директором Набоковского музея, с уважаемым хранителем ценностей православия, с «трудоголиком» и человеком без фальши. Я гоно павязчивую мысль, что Александр Александрович Семочкип – усталый Дон-Кихот. Да, он одержим и неистов! Он тоже пленник своего благородства и внутреннего горения, которое мы называем любовью к прекрасному. Он, в сущности, – Достояние Страны, которое мы еще не научились обособлять и беречь.

Этот жилистый, целеустремленный и обаятельный русский интеллигент предельно озабочен охраной старины, защитой талантливых людей, возрождением духовных и культурных очагов края. При разговоре с ним о будущем, сразу понимаешь, как ощутимо ему не хватает ускользающего времени, сколько неподъемных дел он взвалил па себя.

Газетчики величали его то сельским архитектором, то лучшим плотником и строителем села, и не замечали его организаторский талант, его разумное сближение с людьми «большими» и «малыми». Бревна, кирпич, цемент, гвозди, стекло, железо для крыши – это все нервы, адреналин, нервные толчки сердца...

Он влюблен в свой Оредежский край, воспетый талантами и гениями прошлого. Рождествено, Батово, Выра связали в тугой узел имени Пушкина, Рылеева, Набокова. А сколько художников прославили свою кисть, рисуя кипень цветущей черемухи, пугающие заводы лесных речушек, хороводы осенних рябин! По справедливому мнению Александра Александровича верховье Оредежа заслуживает статуса литературно-художественного заповедника. Притаежный край бывшей столицы России требует внимания и поддержки, реальной защиты от разора и порчи.

Но оставить о себе память в изменчивом мире можно не только послушным топориком, высекающим искры из обгоревшей кондовой сосны набоковского дома. А.А. Семочкип прекрасно владеет пером. К 100-летию рождения В.В. Набокова в Санкт-Петербурге издан альбом «Тень русской ветки» с его художественным комментарием, по жанру близким к поэтическому очерку. Не чужды ему и философские сочинения о правомерном существовании ассиметрии, о превращении простого слова в поэтическое. Много сил и времени отдано изучению творчества Николая Рериха, установке памятного знака о пребывании Рылеева в Батово, строительству церкви в Суйде.

И начинаешь понимать, что бельведер набоковского дома гораздо ближе к яркому солнцу, чем «мерседесы» и «вольво» летящие по Киевскому шоссе, которые жметя к подножью холма, где стоит в строительных лесах пострадавший от пожара музей.

Бельведер – единственная мало-мальски восстановленная комната величественного здания, сгоревшего пять лет назад. Здесь принимают гостей в большие

и малые праздники, здесь выдают запоздалую тощую зарплату добровольным помощникам, здесь охраняют «сияющий кобальтом, золотом и охрой» миг и приближают миг победы добра над злом.

На вопрос когда же будет музей ответ мучительно оптимистичен: «К 300-летию Санкт-Петербурга...» В чем большая загвоздка, ясно всем без лишних разъяснений – нет денег. Государство устранилось от реальной помощи. Пассажиры иномарок с топированными стеклами смотрят на общерусскую жемчужину с явным безразличием. А седьмой десяток лет архитектору Семочкину сил не прибавляет.

И все-таки надежда еще твердит, что в России не перевелись настоящие подвижники. Бескорыстие, сила духа и любовь к Родине одержат справедливую победу.

Не верите?

Тогда приезжайте в Рождествено и поглядите на зазубрины лесистого горизонта в синеватой дымке, на спокойное течение рек с яркими кувшинками и цветущей ряской. Обязательно посмотрите на Красоту через чистые широкие окна бельведера пабоковского дома. И вы поймете, что Александр Александрович Семочкин – не Дон-Кихот, а 28-й папфиловец, убежденный, что тапки дальше не пройдут!..

2000 г.

Анатолий РОЗЕНБЛАТ

МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА

Из металлического листа человек вырезал автогеном полкруга. Снизу приварил к нему несколько волнообразных прутьев, сверху, радиально – несколько прямых, и к двум из них приварил птиц, похожих на галочек на полях тетради.

Затем обрезал концы прутьев так, чтобы получился правильный прямоугольник, покрасил море – синим, солнце – желтым, чайки – белым и вставил все в оконный проем.

Он оформил окно красиво: были в нем и солнце, и море, и птицы. Хотя с какой стороны ни погляди – решетка. Правда, решетка художественная, декоративная. Недаром он был мастером своего дела.

А потом пришел другой человек. Взял кувалду и выбил из оконного проема декоративную решетку. Сделал окно сверху полукруглым, вставил в него большое стекло и назвал его «зеркальным» – ведь оно было ровное и красивое, как зеркало в раме. И еще он назвал его «венетским». Наверное потому, что в Венеции много солнца. И через это окно было видно и желтое солнце, и синее море, и белые птицы.

Он сделал красиво. Он тоже был мастером своего дела. Но мастер мастеру рознь.

Надежда ТЕРЕНТЬЕВА

ЛОМТИК ХЛЕБА

(Рассказ)

Уже где-то далеко, но война грохотала. А в городе, в котором до войны было все, не было хлеба. Вернее он был, но было его теперь не вдоволь, как когда-то, он стал как лакомство, вкус которого не успевали ощутить.

Маленькая Даша заметила, если чем-нибудь заняться: рыться в журналах с картинками, делать из снега дома и укрытия, то о хлебе вспоминается меньше, только потом, когда его ешь, кажется, что хлеба и не было, и по-прежнему хочется хлеба, хлеба, хлеба...

Сегодня она пришла вся в снегу, повесила сушить пальтишко и теплый материнский платок.

— Садись ешь, — тетка Ираида подала кусок хлеба и отвернулась. Значит, похлебки сегодня нет. Сестры грелись на русской печке, потому что от голода всегда и есть хочется и холодно.

Даша не заметила, как от кусочка хлеба осталась одна крошка на столе. Есть хотелось нестерпимо. Она забралась на печку к сестрам.

— Как есть хочется, — прошептала она.

— Ходишь — ходи, а всем по ломтику еще давали, и твой ломтик младшей Тине отдала..., — в сердцах сказала тетка Ираида. И тут поднялся такой рев, какого никто не ожидал. Безутешно плакала Даша. В ее воображении предстал ломтик хлеба, ей казалось, что съев его, она не хотела бы так нестерпимо хлеба. Потом ломтик — ее, такой ломтик дали всем, а Тине два, и только ей, Даше, ни одного.

Чем больше Даша плакала, тем больше ей хотелось хлеба, хлеба, хлеба. И не думалось ей, что ведь это сестре отдали, да еще самой младшей ее сестре, а думалось ей, что это величайшая несправедливость. Даша плакала, и никто не мог ее утешить. Тетка Ираида хоть и была теткой, но очень уж вредной и безжалостной.

А Даша потом, когда ела хлеб, всегда вспоминала ломтик, который ей не дали. Он казался ей необыкновенно душистым, вкусным, лакомым хлебом.

Николай ГОНЧАРОВ

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Большое оконное стекло причудливо расписано морозными узорами – седовато-белесые веточки и листочки, изгибаясь, переплетаются друг с другом, будто истаявают по краям. Тусклый свет холодного зимнего дня слабо оживляет палату, лица раненых солдат. Одни уже давно здесь маются, другие недавно попали и не привыкли еще к своей горькой неподвижности. Оживила их страдальческие лица звонкая песенка девочки с русыми косичками. Ей стул заботливо подставили, чтобы видеть каждому, не поднимая забинтованной головы.

О чем она им пела? Может, о сказочной царевне или веселых птичках в весеннем саду, а может, даже о Катюше, которая выходила на берег крутой. Тогда и детям была близка эта душевная песня...

У бойцов потеплели лица от этой песни: она хоть на малое время вернула их в родные семьи, напомнила мирное и бесконечно дорогое.

Наш земляк Леонид Васильевич Птицын тоже еще подростком попал в госпиталь в Опочке, лежал с перевязанными руками, и не думал тогда, что через многие годы вернется неутраченной памятью в те мучительные дни и расскажет об этом сдержанными красками. Расскажет уже с сединою на висках, будто с того давнего подмерзшего окна.

...Леша Птицын шел, спотыкаясь, почти в беспомоществе, пока не упал на пожухлую траву. Его нашли в кустах неподалеку от опасного осеннего поля.

В Кудевери матери каждый день тревожились за своих сыновей, мальчишек еще, которые отправлялись по утрам на это страшное поле. Они вместе с опытным солдатом-сапером обезвреживали мины, чтобы не пустовало оно больше, не пугало людей. В другое время Леша пробежался бы босиком по затвердевшей земле, а тут на каждом шажке сдерживался, пробуя почву щупом. Натываясь на твердое, еще осторожнее подкапывался сбоку, и вытаскивал опасную штукотину. Уже семьдесят мин его мальчишескими руками убрано. Следующая грохнула...

После того тяжелого ранения всему надо было заново учиться, даже ложку держать, кусок хлеба захватывать короткими культиями, а потом посуду со стола убирать, в избе подметать. А что ж – мамке-то не управиться, хоть помогали ей и Зина и Аня. Днем-то все Птицыны в поле, да на ферме, один Леша в избе остается. Ох, и скучновато ему было поначалу. Приберется как может и сядит на скамейку у окошка, отодвигает ситцевую занавеску. Вот теперь ему все видно: соседние избышки и березы да клены неподалеку. Выше взглядом поведет и с легким облачком встретится, долго провожает его грустноватым взглядом.

Веселей становилось, когда ребяташки из школы возвращались. Зимой бросались снежками, скользили по укатанной дорожке, иные уже успевали и на лыжи стать. Знакомые мальчишки приветливо махали ему руками в теплых варежках: «Айда, с нами! Чего сидеть...». Кто-нибудь из них забегал к нему, помогал одеться, и Леша с ликованием выбегал на улицу, размахивая руками старенького пальтишка.

Горше было, когда заходила соседская старуха, усаживалась на лавке и начинала жалостливо и слезливо: «Ах, ты болезный, да как же теперь-то? Без рук-то какой мужик? Без ремесла теперь останешься, да и без невесты... Ох, горе-то какое!»

Леша, сердито нахмурив брови, вставал и уходил в другую комнату, затихал там надолго, уходя в свои перебивчиво паплывающие мысли. Да нет же, не калека он, и несчастным себя не чувствует, ремесло у него обязательно будет, и не просто для куска хлеба, а дело любимое, постоянно радующее сердце. Разве расстанется он с карандашом и красками? Да ни за что... В школе-то учителя приметили, что он способный паренек, и старший брат Ваня тоже хорошо рисовал. Когда с ним это случилось, мать убрала рисунок брата со стены, не хотела, видно, чтобы Леша расстраивался. И Ваня, и Коля погибли на фронте в первый же год войны.

Когда никого не было в избе, Леша зажимал карандаш между двумя обрубками и черкал на клочках бумаги – пригодились пожелтевшие обложки грампластинок. Кто бы взглянул тогда, подумал бы: какие-то каракули да черточки малого ребятенка, а не семнадцатилетнего парня. Но Леша прятал от всех обрывки, чаще всего в печку бросал. Очень расстраивался, что ничего не получалось, но терпеливо снова и снова испытывал непослушный карандаш. Хуже всего, когда он выскальзывал и падал на пол, тогда Леша вынимал ногу из теплого валенка и, напашарив ускользающий огрызок, зажимал его между пальцев и, согнувшись, подтягивал ногу ближе. Весь напрягался: ну, еще немного, ну, чуточку, так... Эх, опять покотился карандашик, опять нога протягивается. Иногда с досады слезы наворачивались.

Раньше всех мать заметила его каракули, поначалу очень огорчилась, ведь зря малец упрямяется, где это видано: безрукий художник! Это и здоровому-то не каждому дается! Но сама же и подбодрила сына, по-своему решив, что, видно, судьба у него такая, нескладная, конечно, горестная, да что поделаешь?

Жил тогда в Кудевери один необычный человек, Аркадий, к которому особенно ребяташки тянулись – то сказку им расскажет, то покажет, как свистульку сладить, то красками даст порисовать. Пришел Леша однажды к Аркадию, а тот даже не оглянулся – кисточкой по большому холсту водит, бережно эдак прикасается. Отойдет немного, взглянет, прищурившись, и вздохнет, будто что не так и снова тонкую кисть протягивает. И будто легче становится веселее облачко, плывущее над зеленой равниной. А под ним зеленая рощица засияла, обласканная щедрым солнышком. Леше казалось, струятся свежие листочки от слабого ветерка, и чудо такое будет долго-долго длиться – всегда. Весна пройдет только для тех березок и осинков, которые по берегам светлой Алоли хороводятся, а на этом оживающем полотне весна сохранится навсегда, будет радовать людей.

– Что, Леша, нравится тебе?

Аркадий присел на лавку у окна, задумался, не отводя глаз от пейзажа. Лицо его просветлело, он повернулся к смущенному пареньку:

– Ты почаще заходи ко мне и рисунки свои приноси – не стесняйся, помогу тебе, раз тянешься к доброму делу.

Аркадий не был художником, просто любил природу, увлекался живописью и, как часто это бывает, увлекал других. Леша Птицину немногому у него научился, но душевная приветливость этого скромного человека осталась в памяти. Мальчишкой он очень верил, что есть какой-то секрет красок, откроют его тебе люди или книги, и ты – художник. Но уже в молодости понял другое – глаза и сердце надо воспитать, чтобы видеть и чувствовать все доброе и прекрасное в жизни. Весь секрет в том, какими глазами смотришь ты на людей, как к ним относишься, что утверждаешь...

* * *

Писали молодые художники светловолосую девушку-патурицу. Она в красной кофте привычно сидела на невысоком подиуме, оставаясь живой и привлекательной. Леониду Птицину очень хотелось передать в картине не только сходство, но и поэтическое настроение. Это была учебная работа, и профессор Ленинградского института имени Репина Юрий Михайлович Непринцев, автор известной картины «Отдых после боя», требовал точности композиции и вер-

пости колорита. Студенты с увлечением постигали основы реалистического искусства, и каждому хотелось внести в картину что-то свое, передать в красках свои чувства.

В один из весенних дней мастерскую посетили известные художники Борис Иогансон, Николай Томский, Александр Дейнека. Они с интересом рассматривали работы молодых, беседовали с ними о мастерстве. Бориса Иогансона особенно привлекла уверенная живопись Птиципа.

– Вот так надо писать, – сказал он, рассматривая портрет девушки. – Прежде всего она похожа, а этого не добьешься без крепкого рисунка, и краски в согласии.

Заслуженный художник был потрясен, увидев, как Леопид Птицип, сжав кисть обрубками, смешивает краски на палитре, и они ложатся так, как надо этому подвижному упрямцу.

– Что ж, это еще раз подтверждает верную мысль великого Микеланджело: рисуют не руками, а головой.

В одной из первых своих картин Птицип рассказал о колхозной кузнице. Ему помогало то, что сам в детстве робко подходил с мальчишками к распахнутой темной двери, за которой всегда происходило что-то необыкновенное: вспыхивало жаркое пламя, вперевивку стучали молоты и шипело раскаленное железо. Иногда их пускали в это дымное сумрачное пугро, и тогда забывалось все, и счастьем казалось помочь в чем-то молчаливому кузнецу. Леопид Птицип хорошо понимает теперь и этого молодого солдата, которого так знакомо и радостно потянуло к мирному железу. Он показал его ладную молодецкую фигуру и крепкие руки, которым здесь всегда рады. Старый кузнец сидит в сторонке на приземистой колоде, фиолетовые и багровые отблески высвечивают его морщинистое лицо. Заметно, что он доволен хватистым помощником. Оживленнее будет в старой кузне, надежнее.

Художника, как и поэта, можно узнать уже по первым его шагам – движениям мысли: куда идет, кого любит и куда зовет за собой. Птицип в своих картинах возвращался, как и многие художники его поколения, к своему детству и потрясенной юности, он пришел к простым и светлым людям, пережившим войну. Леопид Васильевич рассказал о своих родителях: отец и мать сидели перед ним терпеливо, боясь пошевелиться. Они иногда удивлялись простодушно: ну, что он пошел в них, самых обыкновенных деревенских жителях? Отец Василий Сергеевич очень любил коней, после службы в кавалерии работал в кузнице, а потом копытом в колхозе. Гоняли коней в почное и сыпное Коля и Валя, Леша подросток и тоже за ними потянулся. На всю жизнь остались в памяти звездные ночи у замирающего костра, долгие мальчишеские разговоры, тихие песни...

Портрет матери долго не получался, Леопид сделал уже немало набросков – у окна она стоит в задумчивости, а то за столом сидит в обычном своем сереньком платке. Не подходит и это... А что если у печки ее изобразить, ведь с утра до вечера возле нее. Ребятишки пабегаются или из школы придут, сразу – к печке: и обогреет, и накормит. Мать да бабушку без печки и не представишь...

– Вот и опять огорченье тебе, Леша, – вздохнула Ксения Петровна, глядя, как сын уже который раз краску соскребаает, – да уж оставил бы какая есть, чего уж тут...

– Какая есть? Вот этого я и хочу, – сказал Леопид, примериваясь кистью, – только трудно это, понимаешь, па холсте живого человека показать, да так, чтобы не только по одежде его узнавали – по душе. Чтобы светилась она в глазах...

Кого бы ни изображал Леопид Птицип, люди у него удивительно живые, запоминающиеся. В их и лицах простота и человеческое достоинство. Вся их трудовая жизнь видна каждому. И себя пишет часто, может, потому, что художник часто остается наедине со своими мыслями и чувствами, о многом задумывается... Вот хотя бы этот большой «Автопортрет», показанный недавно на выставке в Ленинграде. Художник отошел от холста и придиричливо всматривается в изображение. Кисть еще не отложена, работа продолжается... Это прежде всего движение мысли, жизнь духа, а не поиски внешнего сходства. В этом

Птицын Л.В. Автопортрет

седобородом человеке с прищуренными синими глазами зрители узнают нашего современника, открывающего людям прекрасное в жизни и в искусстве.

Разнообразные картины и этюды Леонида Птицына были недавно показаны в Великих Луках и Новосокольниках, в Опочке. Они вызвали большой интерес у земляков художника.

Не часто бывает, чтобы выставка живописца вызвала столько искренних душевных откликов у зрителей, столько восхищения. Говорить ему трудно после той давней контузии, но обо всем полно и незабываемо рассказывают его картины – в них душа художника, вся его трудная и счастливая жизнь. Да, это не преувеличение – счастливая. Он сам сказал: «А что бы я делал после того ужасного взрыва? Меня спасла живопись, поддержка многих людей, которые

помогли мне стать художником. Краски для меня – великая радость в жизни!»

Это так, и надо уметь растить эту радость в себе, сохранять всю жизнь и щедро делиться с людьми.

Рашид РАХИМОВ

ДОРОГА

Эх, дорога! Экая ты – поровистая. И откуда в тебе что берется? Для меня ты начинаешься прямо за воротами. Обычная грунтовка, каких по матушке России – немерено. Отсыпали тебя, правда, когда-то желтенькой щебенкой, может быть даже разровняли. Да, только вот, со временем вобрала ты ее в свое путро, и весь твой разухабисто-колдобистый характер повылез опять наружу. Кто тебя за него только не брал: от соседского пацана на велосипеде «Школьник» до хозяина огромной фуры «Совтрансавто». А на дорогостоящих иномарках сюда стараются вообще не заезжать.

А ведь ты единственная, кто может меня вывести в мир людей и моторов. Развязно выпырываешь из-за угла, огибая мой двор, и – напрямик к железной дороге. Чуть дальше начинается асфальт, густо усеянный выбоинами, как будто после бомбежки. И только потом, спустя еще несколько километров, глаз жадно вырвет из загородного пейзажа настоящее – в два ряда – шоссе, неровности которого исправная подвеска автомобиля более или менее благополучно проглотит. Ну, а там и до цивилизации рукой подать.

Что мне про тебя еще такого сказать? Узкая, жесткая, заковыристая, но ведь пролазная. Самое коварное место – железнодорожный переезд. Разобрали его как-то по случаю, да забыли собрать. Затащил, правда, кто-то две плиты в провал между рельсов. Если очень изловчиться, можно и перескочить, даже на моем «Жигуленке», с трудом, но можно. Осенью тебя заливают, в общем-то, только в одном месте. Лужа вполне преодолимая. А зимой бывает просто благодать: когда снежком все неровности закатает, да морозцем прихватит. Ровно и гладко. Пока снова снегу не насыплет. Хорошо, если потихонечку – успевает умяться, но чаще-то – залпом. Вот тогда... Свадьбы сейчас – редкость, чаще похороны. Родственникам усопшего в соседнем лесхозе охотно подскажут, где пайты тракториста, который за определенную плату мигом сотворит такую дорогу, не хуже шоссе. Но лучше всего, если случатся выборы. Такие закоулки почистят, по которым и летом-то никто не ездит, а уж мою грунтовочку так причешут – и не рыпнется. Весной, конечно, отыграется, подкинет гадостей, по это ненадолго.

Сюрприз подвалил на исходе нынешней зимы. Характер у нее выдался, уж, больно неровный, почти что нервный. То морозом пугнет, то оттепелью раскиснет. А тут как обвалилась снегопадом! Да таким, что я и не припомню. Сугробы – метровые! Легковушке с итальянской родословной это больше, чем по брюхо. Ну что делать? Выбор невелик: либо ждать, либо засучивать рукава. Нелегкая это работа – лопатой дорогу расчищать – но не смертельная. Да, спасибо, еще грейдер помог. Кусок улицы до переезда все-таки почистил. Чутко бы еще морозцу, и моя грунтовочка будет ровнее, чем шоссе. Но наутро врезала такая оттепель, что расчищенная, умятая дорога рухнула прямо на глазах, размякла вдрызг. Колея превратилась в два вытянутых ледяных хребта, навряд горных, только маленьких, по краям которых темный, рыхлый снег. Устоять на таких рельсах невозможно, «Жигуленка» спосит.

Попытка выехать окончилась неудачно. Четвертый день не выезжаю. Вот она дорога – символ передвижения в пространстве. Вот он, след колес, а проехать – никак. Нога проваливается в рыхлое – внизу вода. А колеса сползают со следа в сторону, спосят машину с пути, и стремятся развернуть ее поперек дороги. Вот такое стихийное бедствие. Нет, не землетрясение, не наводнение даже. Просто много снега и тепла, вот оно и бедствие. Потому что не проехать.

Борис ГАЖЁВ

СЧАСТЛИВЧИК ДОКТОР ЗАЙЦЕВ

Всю жизнь Зайцеву везло. Мать, Эра Ивановна, посила его тяжело, но долго... семь месяцев. Вы спросите, в чем же здесь везенье? А в том, что могла и вовсе не доносить. Закричал Зайцев не сразу, но громко и даже нахально. Недоношенный быстро пошел в рост. И вес стал набирать с опережением всех графиков. Мать сосал жадно, хватал ручонками грудь, как будто боялся, что отпимут. И отняли – молоко у матери быстро иссякло. Зато пошел в ход прикорм, да к тому же какой-то ипохристый и вволю.

Болел Зайцев часто, но легко. Иммулитет вырабатывал, можно сказать, мастерски. Бывало чужие матери завидовали и ставили Зайцева в пример своим чадам: «Вон Зайцев уже во дворе бегает, а ты все из соплей не вылазишь».

И еще повезло Зайцеву, что его в детский сад не отдали. Эра Ивановна в музей работала смотрителем: день на работе, два – дома. Так наш герой при музее и вырос. Экспонатами играл, чучелами разными, остатками каменного века. В музее было вольготно, посетители неделями не появлялись – делай что хочешь. И в то же время к истории приобщение, к культуре, к корням и истокам. Была в музее картина про то, как Иван Грозный сына своего порешил. Не подлишник, конечно, но впечатляла. Зайцев старший, хотя картины и не видел, вполне мог ее оживить. Потому как пил и самодурствовал.

И опять повезло Зайцеву. Исчез отец из его жизни со своими иваногрозными замашками. Никто не знал, куда запропастился. И вот ведь зависть человеческая! Стали соседи завидовать Зайцевым, что все так хорошо обошлось. И милиция не пужна, и вещи в доме на месте. И Зайцев с матерью целы остались. В общем – повезло.

В школе учился Зайцев охотно, но слабо. Вот за эту охотность и получал поблажки, падбавки к оценкам и отпущения грехов. Грехов, правда, было мало. Самый большой – списывал нещадно, немеряно у своего соседа Вальки Зазнобко. Валька уже тогда знал, что Зайцев счастливчик, вернее не знал, а догадывался. Думал, авось вместе с Зайцевым и ему повезет. И везло иногда обоим. Как-то рыжая Нюся по прозвищу «Свекла» пазначила им тайное свидание в укромном уголке. Думала так: придут оба, а она крик поднимет, будто насильничает. Ну и само-собой ей – известность, а мальчишкам милиция, да ремень. Завидовала Свекла, что Валька Зазнобко только с Зайцевым делился, а ей списывать не давал, жадился.

Так вот... Зайцев с Валькой Свеклу слегка презирали: длинная такая пексладуха, морда красная и поги, как спички. Но на свидание пойти было интересно, тем более, что каждый был приглашен в тайне от другого. Быть бы беде, да счастливчик Зайцев ее, можно сказать, отвел.

Дело было так. Заметил Зайцев, что Валька сам не свой, на уроках ерзает, на часы у входа в класс раз двадцать посмотрел, и вообще Валька – не Валька. Сам-то Зайцев тоже нервничал, но незаметно, хотя и любопытно ему было, что там Свекла покажет. Счастливчик – он и есть счастливчик! Валька – простая душа, упирался недолго и все Зайцеву рассказал. Тогда и открылся весь подлый Свеклин замысел: лбами, значит, их столкнуть и над ними еще посмеяться.

Сами понимаете, без мести тут пельзя. И решили Валька с Зайцевым дуру рыжую наказать. Их замысел был прост и гениален. Раскрыл как-то Валька для

Свеклы свои тетрадошные закрома. Мол списывай – не жалко. Свекла, дура, и списала. И получила за это (вы не поверите!) – кол. О такой оценке в классе, конечно, слышали, но никогда ее не видели. Так Свекла и стала знаменитостью, а Зайцев в очередной раз подтвердил, что несмотря на некоторую педоношенность, родился под счастливой звездой.

Переходил Зайцев из класса в класс без проблем. А в последнем все же возникла проблема – куда поступать, чем заниматься. Зайцев знал, что он счастливчик, а потому на счастье и надеялся. Но, как известно, на счастье надейся, а сам не плошай. Зайцев бы и рад, да только плоховато у него было с алгеброй, да с тригонометрией – уж очень сильную головную боль вызывали. Падежи как-то не сразу складывались, Цезаря с Цицероном путал и еще многое по мелочам.

Помог случай, без сомнения, счастливый. Как-то в сумерках вышел Зайцев из дома с мусорным ведром. Дошел до мусорных бачков и вдруг видит – белеет что-то на земле. Помойка – она и есть помойка; валяется вокруг всякая дрянь. Но внутренний голос приказал Зайцеву – «подними». Он и поднял. Под фонарем рассмотрел: чай-то бюст, мужика какого-то бородатого, явно не русского происхождения. Уже дома стал Зайцев бюст изучать. Под слоем грязи обнаружил слово. И слово это было «Эскулап». Кто такой Эскулап, Зайцев не знал. Спросил соседа-эрудита, и тот рассказал про великого врача, жил который аж до нашей эры и лечил от разных болезней. Хорошо лечил, разными травами пользовался, ядами гадов ползучих и прочими дарами природы. И вот уже сколько лет прошло, а врачей в его память эскулапами называют. История эта Зайцеву понравилась. Отмыл он бюст до его белой сущности и поставил на стол рядом с ненавистными ему учебниками.

А однажды приснился Зайцеву сон. Ожил Эскулап, слез со стола, сел в старое продавленное кресло и посмотрел на Зайцева с укоризной. Долго смотрел, а потом сказал: «Знаю я про твои, брат, сомнения и головную боль. Нехорошо это, когда голова болит. А излечиться ты можешь только сам. Кто может излечиться сам? Только врач. Потому и совет тебе мой – иди в медицинский. Там синусы и косинусы не пужны, да и во всех рецептах один падеж. Помни, что ты счастливчик и счастья своего не упускай».

Проснулся Зайцев совсем счастливым. Эскулап на месте стоит, в солнечных лучах белеет. И так его Зайцев полюбил, что даже погладил ласково. А матери, Эре Ивановне, сказал: «Все, решил, поступаю в медицинский».

С медицинским, правда, заминочка вышла. Экзамены-то Зайцев с грехом пополам сдал, да вот средний балл получился три с десятными. Низковатый балл, непроходной. Но, к счастью (счастливчик же!), в тот год разрешили институту в порядке эксперимента принимать лиц мужского пола кандидатами. А Зайцев как раз и подвернулся. И стал одним из первых кандидатов. Кроме него был в группе еще один кандидат – Яшка Каценеленбоген. Притом – невезучий: не мог верхнюю челюсть от нижней отличить и количество зубов на каждой запомнить. А уж про дырки там в черепе и говорить нечего. Погорел Яшка в первый же семестр – отчислили. А к концу первого курса две девочки из группы замуж высочили за лейтенантов и затерялись где-то. Может, и в других группах так же было, да только перевели Зайцева из кандидатов в настоящие студенты. И даже студенческий билет выписали. Вот счастье-то привалило!

В институте Зайцев ничем не блистал, по стипендией его иногда баловали. И вот что еще интересно. Выработал Зайцев себе обостренный слух. Любую подсказку мог услышать, даже шепотком. Преподаватели не слышат, а он все на лету схватывает. Но схватывает ровно на столько, чтобы на вопросы ответить, а лишней информацией голову не обременять. Вот так и учился... Конечно, азы усвоил: сердце – слева, печень – справа, кишечник – в животе. И самое главное понял Зайцев: сомневаться никогда не надо, сомнения очень жизнь усложняют и порождают всякие там комплексы. Так никаких комплексов у Зайцева и не образовалось. Счастливчик!

Любовь у Зайцева в институте завелась. Не то чтобы настоящая любовь, но такое либидо (влечение значит). Зайцев с этим либидо боролся, хотя и не всегда

успешно. Но в итоге победил. И правильно сделал! Жилплощадь свою надо защищать. И свободу. И независимость. И счастье. А какое же счастье с подселенкой? В последний институтский год стал Зайцев соображать относительно работы, тем более, что распределение отменили. Гуляй себе, как сможешь, или где для тебя гульбище найдется.

Связей у Зайцева не было, но счастливая звезда светила неугасимо. Уберегла она нашего героя от больших неприятностей. От работы в стационаре, которая всегда на виду, от поликлиники, где каждый день одно и то же – прием, вызовы, вызовы, прием, от скальпелей, крючков и операционных полей, от переломов и вывихов и от многого чего другого, о чем Зайцев и сам не догадывался. И возможным коллегам от зайцевского счастья обломилось. Звезда и их уберегла... от Зайцева.

Выбор был сделан неожиданно, но закономерно. Как-то приехала к соседке тете Дусе «неотложка». Врач, веселый такой парень, давно не стриженный и не бритый, сигаретку попросил и, курая на кухне, с Зайцевым разговорился. «Давай – сказал бородатый – к нам на неотложку. Работа удобная – через два дня на третий, и это за полторы ставки. Больные – они ж лопухи. Вколол им что-нибудь, они и рады. Приехал – уехал и забыл. И не мельтешат каждый день, как в стационаре. И поспать можно и даже спиртяги казенного принять с устатку для расслабления».

Получалось так, что на «неотложке» и делать нечего. Ну Зайцев и согласился. Оформился, как положено, и приступил. Главные-то заповеди быстро усвоил. Во-первых, не спешить. Больной, он и ошибиться может, что «неотложку» вызвал. Захотелось человеку опохмелиться, вот и сердце заболело. Или поговорить не с кем, пожаловаться некому. А нашел дома самим же припрятанную чекушку – и полегало. Бывало и так, что муж или жена отдохнуть друг от друга захотели, вот и вызвали врача: авось «любимого» заберет с инфарктом, инсультом или еще с чем – не все ли равно.

Во-вторых, не выкладываться полностью. В том смысле, что каждому свое: больному – болезнь, а врачу – здоровье. Чтобы больных, значит, лечить. Ведь всем-то не поможешь.

В-третьих, быстро отключаться. И от больных и от коллег. Приехал, листочек с записями диспетчеру отдал и отключился... до следующего вызова. Шум ведь на «неотложке» большой. Телефоны звонят, диспетчер с большими ругается, заведующий кому-то выволочку дает, водители косточками домино стучат, в туалете вода, как Ниагарский водопад, пизвергается. И еще много чего усвоил доктор Зайцев, о чем и говорить как-то неудобно. Не все на это и способны. Тут счастливый характер иметь нужно, чтобы без комплексов. Такой, как у Зайцева.

Известно, что у каждой «неотложки» свой контингент, можно даже сказать, свой актив имеется. Для тонуся. Если сторонних вызовов нет, свои люди не спят и по телефону сигналият: живы мы еще и очень без вас скучаем, приезжайте, а то жалобу напишем. Вот и у Зайцева свой круг обозначился. Старушка Манефа жила одна, правда, не совсем... с клопами. Обычно Манефа вызывала «неотложку» под утро, когда самый сон. Зайцев, он старушку хорошо изучил, а вот клопов ее боялся – брезговал. Старушка уже давно с клопами в мире и согласии жила. Питаться им за ее счет давала, но строго по часам. И выходило по графику, что кормежка как раз под утро выпадала. А для этого и падо было Манефе свои силы поддержать и чувствительность свою уменьшить. С помощью наркотиков. Не сильных, конечно, не морфия или папотопа. Для этого и промедол годился. Маленькая была старушка, но вредная. Своего часа не упускала, а приступы почечной колики на этот час и выпадали. С Зайцевым они хорошо друг друга понимали: он будто верил в эту самую колику, а она, что с коликой можно за пять минут управиться. Вы спросите как? А вот так. Зайцев промедол в шприц еще загоня пабирал, иногда даже в машине. И пяти минут вполне хватало, чтобы к Манефе на второй этаж подняться, уколоть, даже не глядя на саму старушку и ее сожителей. Верная рука была у доктора и счастливая. В самую точку попадала.

А еще была у Зайцева пациентка помоложе – Ангелина Аркадьевна, дама одинокая и с изюминкой. Тоже Зайцева по ночам вызывала, однако не каждую ночь и не в самый сон. Обычно часа в два, когда одиноким дамам не спится. И представьте себе – ведь и ее колики донимали, правда, другие – печеночные. Потому как грешила по части пищи и других удовольствий. Особую тягу имела к военным, которые в чинах, не ниже подполковника. Полковников и генералов просто обожала. За папаху из каракуля. Особенно за ту, которая ночевать оставалась. В такие часы Зайцеву и поспать удавалось, пока старушка не обозначится.

Случались у доктора Зайцева на «неотложке» и ЧП. Не то, чтобы очень крупные, но все-таки... Впрочем, ЧП-то скорее для больных были. Зайцев их таковыми не считал, поскольку в себе никогда не сомневался. Как-то вызвали его на улицу Ермака (не того, который с думой сидел, а другого – Володи): третий двор, направо, звонок не работает, стучать два раза. Как водится подождал немного – отмены нет, пришлось ехать. Плохо больной было, это даже Зайцев понял. Давление 240 на 120. Думал эскулап недолго. Сумка у него большая, и лекарств в ней всяких много. Помнил, что в экстремальных условиях хорошо адреналин действует: сосуды суживает и сердцу работать помогает, особенно, если прямо в него уколоть. Ну Зайцев и уколол, правда, под кожу. Уколол и уехал и... отключился.

Что адреналин в экстремальных условиях в сердце вводят, это правда. А вот, что от сужения сосудов давление еще больше повышается, этого Зайцев не знал. И быть бы беде, да больная сильно здоровой и... счастливой оказалась – не померла. И Зайцеву, само-собой повезло, хотя он этого так никогда и не узнал.

Но самое большое ЧП случилось, когда доктора Зайцева в гостиницу «Астория» вызвали. Можно даже сказать не просто ЧП, а ЧП «плюс». Пациентка аж из Америки оказалась, богатая и больная. Какой-то там дистонией. Очень ей Зайцев понравился. Эрудированный и интеллигентный, хотя по-английски не говорит и ничего не понимает. Дистонию эту Зайцев быстро ликвидировал самым простым и банальным способом: накапал в мензурку триста капель спирта и дал его американке выпить. Нет, вы не подумайте, что без всего, с тоником, конечно, ведь у каждого американца тоник в холодильнике стоит. Пациентка и поправилась и даже похорошела, несмотря на свое косоглазие и некоторую асимметрию лица. И тут же Зайцева в мужья пригласила, само-собой не по-английски, а с помощью жестов разных. Жестов и движений. Все эти намеки Зайцев хорошо понял и тут же на них откликнулся. В том смысле, что существенных возражений не имеет.

Расписали их быстро и даже в главном Дворце. По этому случаю самого популярного депутата пригласили – Сарычева, в красном пиджаке и с пионерским галстуком. Новобрачная ящик шампанского выставила, притом не советского. Зайцеву все завидовали и в гости в Америку набивались. Он, конечно, никому не отказывал. Счастлив был до неприличия. Эра Ивановна от счастья плакала и всем фотокарточки раннего Зайцева показывала, даже недonoшенного.

И живет теперь доктор Зайцев в Америке. Правда, он уже не доктор, а просто муж, хотя жену свою дистоничную все еще лечит по собственной методе. Иногда получается. А если метода свои дает, оставляет жена Зайцева без мармальных денег. А это сумма немалая! Докторам в России меньше платят. И все-таки бывший доктор Зайцев счастлив. А вы как думаете?

Елена ЩАПОВА

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

А я хорошенькая и, хоть мне только двенадцать, уже похожа на девушку, – думала вслух Лиза, глядясь в зеркало. – Когда же мне стукнет восемнадцать, стану просто красавицей и вот тогда... я отомщу этим мужчинам за все! И за то, что мой отец не живет с мамой и появлялся здесь всего два раза за всю мою жизнь. И за то, что сосед Макс, краснорожий, огромный, страшный, научил свою жену, тетю Дусю, пить водку и бьет ее каждый раз, как напьется. И за то, что он однажды, когда мне было всего четыре, позвал меня в ванную комнату, чтобы показать как он отрезает ножом голову живому кролику. А в другой раз он на моих глазах взял спичку и поджег волоски на животе маленькому щенку. Тот завизжал, а Макс смеялся. Живодер!

А другой сосед, Илья Алексеевич, в первый же день, как вернулся из тюрьмы, увидел меня в коридоре, схватил за нос двумя пальцами и сдавил так больно, что слезы полились.

– Чья это малявка? – рявкнул он басом, а Валентина Ивановна, его жена, елевым голоском:

– Это Машина, Машина. Лизуткой зовут, ей уже четыре годика!

А Илья Алексеевич:

– Хороша казавка!

С тех пор так и зовет, а у меня имя есть!

И за то еще я буду мстить этим мужчинам, что сын тети Дуси, когда я училась в первом классе, а он в восьмом, показывал мне то, чего нет у девочек! А я молчала, потому что он старше и рядом не было взрослых... потом и говорить об этом стыдно...

А студент Степка! Он снимал угол в пашей крохотной комнате. Делал то же самое, когда мамы дома не было! Так я ему назло ела его витаминки всякие, их у него на этажерке видимо-невидимо было. Он в медицинском учился. Я не одна ела, с подружками. И ребятам со двора раздавала, а он меня потом за уши драл. Дурак! Не надо было глупости показывать, тогда бы и ел свои сладкие горошки сам.

Будете страдать от любви ко мне и плакать, а я никогда замуж не выйду. Фиг вам!

Старые дядьки тоже противные. В самой красивой комнате в квартире живет Шляпа. Вообще-то он учитель и зовут его Борис Александрович и жена его Елизавета Васильевна тоже учительница. Других учат, а сами ни с кем не здороваются. Поэтому соседи между собой и зовут его Шляпой, а ее Мегерой, она злая, как гадюка. Не говорит, а шипит! И глаза у нее страшные, как у ведьмы. А Шляпа в туалете вешает объявления: «На стульчак ногами не вставать. Степки не пачкать!» Да никто и не встает, и не пачкает! Запуда! Я взяла красный карандаш и исправила ошибки в его каракулях. – Может и не было их, но он потом на кухне оправдывался перед всеми соседями. Ха-ха.

Мама мне говорит: «Держись подальше от мальчишек». – Почему она так к ним относится? Из-за отца, наверное. А у меня теперь сильно бьется сердце, когда прохожу мимо них. И не от страха. Я сама могу вздуть любого. Я сильная! Но что-то волнует меня, дышать мешает и хочется поправиться кому-нибудь. Хотя в прошлом году в меня был влюблен Бернотас, из моего класса. Пошел провожать меня из школы до дома. Я не хотела! Так он поколотил меня

у подъезда своим портфелем, а на другой день залепил снежком в правую щеку, так больно! У меня потом сипяк был. Дурак!

Девчонки из нашего класса влюблены в Генку Смирнова. Он симпатичный. И мне приснился один раз с красным тюльпаном в руке. Конечно, я и виду не подавала, что он мне правился целую неделю.

А Ступельман! В прошлом году ударил меня кулаком в поддыхало! Обозвал воровкой, за то, что я ушла домой из школы в чужом пальто, а свое, точно такое же оставила в раздевалке. Да я просто перепутала их, но ему-то – наплевать! Я тогда от удара скорчилась, и долго дышать не могла. Думала – умру! Бандит! А потом, весной, нас двоих в пионеры принимали. Раньше не получилось, потому что и он, и я плохо учились.

Все мальчишки дураки. Почти все. И поэтому меня больше привлекает давняя мечта о хрустальном замке. Расплывчатая, неясная, волшебная, она заполняет меня всю целиком. Я не знаю, что это такое, но это притягивает больше всего.

О хрустальном замке однажды заикнулась моя бывшая нянька Томка. Ей тогда было двадцать, а мне четыре. Она смешливая и не очень умная. И вот Томка спросила у меня:

– Хочешь увидеть чудо? Настоящее!

Я кивнула головой.

Она налила воды на вогнутое сиденье венского стула и шепотом сказала:

– Пригнись поближе, к воде, сейчас здесь вырастет хрустальный замок!

Я приблизила лицо к прозрачному озерку, затаила дыхание. Воображение уже рисовало сверкающий всеми цветами радуги прозрачный дворец с высокими башенками.

Томка с размаху шлепнула ладонью по воде. Брызги больно ударили в глаза, окатили все лицо. Я молча, не утираясь, подняла голову и увидела много зубов в хохочущем рте. Ни слезинки не уронила. Что с нее взять... Мама научила меня не плакать при людях. Пусть не думают, что мне плохо.

Кстати, ее дружок Альберт не женился на ней, хотя они и целовались, лежа на кровати. Я это видела сама, потому что лежала вместе с ними и делала вид, что сплю. А потом Томка плакала, что он ее бросил. За нее я тоже буду мстить! Всем им отомщу, когда вырасту. Заплачете у меня!

Эту тираду произносила Лиза, стоя перед зеркалом, принимая красивые позы, разглядывая лицо, неумело завитую челку над высоким лбом, толстую русую косу и новое беленькое платье с орнаментом по подолу и рукавом. Она была легка и грациозна. И перед зеркалом не стеснялась, то улыбаясь, то делая сердитое лицо. С зеркалом проще, чем с людьми. Отражение не проболтается.

– Скоро уезжать в пионерский лагерь, – продолжила размышления вслух Лиза, там так хорошо! Финский залив, домики в лесу, а лес огромный и никого вокруг, только погранзастава в трех километрах от лагеря. Мальчишки там не задираются. Им некогда – вокруг столько интересного, и никто не спрашивает: «Сколько двоек за неделю ты обычно получаешь?» Там все хорошо. А лучший тот – кто быстрее бежит или выше прыгает. Вот уж там я покажу себя!

Прошло несколько дней. Настало лето. Лиза наконец-то в лагере! Жарко. В густо-синем небе огромное солнце. Знакомый лес наполняет воздух крепким запахом сосновой смолы, тонкими ароматами цветущих трав. Залив мерно шумит, выбрасывая на золотые пески пляжей обломки веток, ракушки и, изредка, большие стеклянные шары, оторвавшиеся от рыбацких сетей. Дачи, разбежавшиеся по лесу далеко друг от друга, утопают в розово-белой пене цветущих кустов шиповника. Цветут и рябины. Их пушистые, белые соцветия источают неприятный аромат, похожий на запах летних туалетов, и нравятся только пчелкам. Полдень. Жаворонок звенит и трепещет высоко-высоко в небе.

На спортивной площадке, окруженной кустарником, только что отшумели соревнования. Пионеры отбегали свои дистанции, попрыгали в высоту и длину, и слегка утомленные, потянулись в сторону столовой. Воспитатели и вожатые шли отдельной группой. Разговаривали о своем. Лиза же присела отдохнуть на скамейку. Не потому, что устала, просто захотелось побыть одной, да и до обеда времени еще достаточно.

Сидит она так на скамейке, болтает ногами, наблюдая, как взлетает и падает песок из-под ее сандалий. Солнце печет так, что и папамка не спасает, футболка к спине прилипла. Жарко.

И тут она замечает, не поднимая головы, как мимо скамейки проходят другие ноги, в таких же, как у нее, сандалиях и сатиновых шароварах, проходят мимо, не останавливаясь и не задевая.

В первое мгновение она ощутила толчок в грудь, затем дыхание перехватило и тонкая, будто хрустальная, игла прошла сквозь сердце. Было больно и сладко, радостно и страшно!

Она закрыла глаза и сжалась, как бы желая защититься.

– Валера!... Погорелов! – позвали издали.

– Иду! – прозвучал над Лизой мальчишеский голос.

Она замерла и сидела, не двигаясь, пока вокруг совсем не стихло. Произошло что-то непонятное. Видела только ноги, да кто-то, вроде случайно, произнес имя. А безмятежный покой, в котором она пребывала, оставил ее.

– Что это?! Может, так начинается любовь? – подумала Лиза. – Но нельзя же влюбиться в сандалии на чужих ногах! А имя... Я слышу его впервые, а запомнила крепко.

Она открыла глаза. На площадке, кроме нее, ни души. Огляделась и заметила, что мир вокруг стал объемнее и цветнее. В высоком, ослепительно-синем с золотом небе все еще трепетал жаворонок. И раненное сердце ее трепетало точно так же и не помещалось в груди.

«Как в сказке про Кая и Герду, только сейчас не зима, а лето и Снежной Королевы нет, – подумала Лиза, – и мне почти страшно, но и любопытно тоже. Что же будет дальше? Надо найти этого мальчика и посмотреть в его лицо.»

Вечером в клубе, покоем на большой сарай, был концерт самодеятельности. Мальчишки и девочки из разных отрядов читали стихи, пели частушки, плясали под аккордеон. Под конец концерта со сцены объявили:

– Поет Валерий Погорелов. Неаполитанская песня «Санта Лючия».

Сердце Лизы дрогнуло, в лицо бросилась краска. На сцену вышел невысокий подросток лет четырнадцати. Над чистым лбом непокорные светлые пряди, взгляд прямой и смелый. Держится спокойно, с достоинством. Запел.

Прекрасная мелодия, красивые слова, чистый, звенящий голос. Все вокруг исчезло, пространство наполнилось золотым светом. И в этом пространстве остались Лиза и Он, она это ясно ощутила.

Песня закончилась. Лиза очнулась от громких аплодисментов. Все топали и кричали от восторга.

– Валерка! Молодец! – вопили мальчишки.

– Ты заметила? – толкнула локтем в бок Лизу соседка по скамейке, – Погорелов похож на тебя. Ой! А чего ты покраснела? Влюбилась в него, что ли?

– С чего ты взяла? Здесь просто душно, – с деланным равнодушием ответила та.

После концерта, идя по дороге от клуба к даче, окруженная подружками, которые без умолку болтали и смеялись, Лиза думала о нем. «А он действительно немного похож на меня, и зовут его так же, как моего брата, который умер, когда меня еще не было на свете. Был бы Погорелов моим братом! Нет. Не хочу! Это совсем не то».

И тут Лиза вспомнила: когда ей было лет семь, она пряталась в шкафу. От всех. Мама была на работе. В шкафу мягко, уютно. И никто не пристает. В маленькое стеклянное окошечко внутрь шкафа проникал свет из комнаты. Сидела Лиза там и представляла себе, что она в сказочной пещере, полной несметных богатств. Пошарила рукой в правом углу и нащупала сумочку, маленькую, черную, которую никогда не видела. Открыла! Там лежали документы на мамыны медали. Самих медалей не было, они потерялись, вернее их растеряла сама Лиза, потому что вешала медали на своих кукол, а кукол разбрасывала где попало. В сумочке была еще одна вещь – фотография. На фотографии Лиза разглядела мертвого младенца, обложенного бумажными цветами.

Поздно вечером, когда мама пришла с работы, Лиза спросила ее:

– Кто это на фотографии из сумочки, такой маленький и мертвый?

Мама вздрогнула от неожиданного вопроса.

– Это твой брат. Он умер в сорок втором году от дифтерии, – тихо ответила она.

Когда погасили свет и легла спать, Лиза слышала, как мама плачет в подушку.

«Теперь-то, когда я почти взрослая, мне понятно, что если б мой брат остался жив, меня бы не было на свете, – размышляла Лиза, – маме на ее зарплату двоих детей не прокормить. Спасибо, брат, что я живу, и, что узнала другого Валеру, удивительного мальчика с необыкновенным голосом. Теперь я буду приезжать в лагерь не только потому, что здесь очень красиво и все знакомо – каждое дерево, каждая полянка и огромные валуны, и каждый камешек на берегу залива, и все меня любят – и подруги, и воспитатели, потому что я умею дружить, рисую хорошо и бегаю быстрее всех, а о том, что я в школе двоечница, здесь никто не знает. Ведь не это в жизни главное. Главное, чтобы люди хорошо относились друг к другу. Я буду приезжать сюда, чтобы увидеть Его. И теперь это самое важное для меня.»

Еще два лета подряд, пока позволял возраст, Лиза приезжала в лагерь. Он приезжал тоже, дружил с другими девочками, пел свои любимые песни. Был обожаем всеми. О Лизе он и не думал. Он ее просто не знал, может быть, и видел эту обыкновенную девочку, но не обращал особого внимания. И она не пыталась даже ни подойти, ни заговорить.

Но однажды это пришлось сделать. Ей было в то лето тринадцать. Готовились большие пионерские игры. Лиза много рисовала и писала названия станций, на которых ребята должны были показать свои разные умения.

Лиза старается, пишет. И тут останавливается. Слово незнакомое: имитация... Что это такое? Подражание, звукам например, объяснили ей.

– Ура! Я умею хрюкать, – весело сказала она.

– Вот и похрюкаешь, – поддержали подруги.

Настал день игры. Лизин отряд, благополучно пройдя все испытания, добрался до станции «имитация». И, о ужас! Принимающим был Погорелов!

Лиза в полном смятении: «Хрюкать перед Ним! Это невозможно». Но пришлось, нельзя подводить отряд, срывать игру.

Она села за стол. Напротив нее – Валера. Лиза захрюкала. В глазах потемнело, звуки удалились так, что она сама себя не слышала... Когда очнулась, увидела глаза, полные участия. Его глаза. Наверное, он видел, как она растеряна.

– Хорошо, – сказал он и улыбнулся.

После игры в голове была одна мысль. «Теперь он знает и мое имя, и фамилию, но и то знает, что я хрюкаю как свинья: Свинья! И когда встретит меня, так и подумает: Свинья идет!»

Вот поэтому, после игры, случайно оказываясь рядом с Валерой, Лиза почти теряла сознание. В глазах темнело и ноги подкашивались. Но, к счастью, этого никто не замечал.

И еще одно лето пришло. Лизе – четырнадцать, а Валерию уже шестнадцать. Он тоже приехал. Но уже как инструктор по настольному теннису.

Лето выдалось дождливее. Ни искупаться, ни в лес за ягодами лишний раз сходить. Поэтому много читали или разговаривали. И все о любви. Часто собирались в клубе и пели песни из фильма «Возраст любви» с Лолитой Торрес в главной роли. Эпидемия любви охватила не только старших ребят, но и младших. Среди воспитателей переполох.

– Шамиль из восьмого отряда влюбился в свою ровесницу! А ведь ему всего шесть лет!

– Вы представляете, – говорила изумленная воспитательница, – я спрашиваю его: Шамиль, что тебе нравится в Танечке – бантик или платище.

А он мне отвечает:

– Лицо!

– И что теперь делать? – вытаращила глаза воспитательница на начальника лагеря.

– Успокоиться. Это не опасно. Старшие меня больше волнуют. Вон уже несколько парочек по лагерю бродит, впору домой отправлять.

А старшие сидят в клубе в кружок и в «мигалки» играют. Перемигиваются, перебегают от одного к другому. Тут уж ясно, кто кому нравится. Лиза сидит в этом кругу на табуретке, за спиной подружка стоит. Подружка сердится, – Лизе никто не подмигивает. «Зачем я села, лучше бы Оля была впереди, а я за ее спиной. Ее бы сразу выбрали, – она симпатичная.» Лиза теперь считает себя некрасивой, недостойной внимания и страдает от этого. Хоть бы один подмигнул. И вдруг самый симпатичный из первого отряда мигает, глядя прямо на Лизу.

– Меня?! – удивилась она, приложив руку к груди.

Тот быстро подмигнул другой девочке и та, вскочив с места, побежала к нему.

– Не спрашивай! Мигают – беги! – ворчит Оля.

Сигнал горна прервал игру. Все повскакали. И пошли на обед. В плохую погоду особенно есть хочется. По дороге в столовую, Оля, делая заговорщицкое лицо, тихо спрашивает:

– Скажи-ка, Лиза, ты до сих пор в Погорелова влюблена?

Лиза вспыхнула:

– Откуда ты знаешь?

– Это знают все наши, – ответила та. – Мы давно заметили, как ты в лице меняешься, когда его видишь.

– Ну и что?

– Ничего, только ему Лена Арш нравится.

«Я и сама это знаю», – подумала Лиза.

– После ужина будут танцы, – продолжила Оля. – Пригласи его на «белый» танец.

– Нет! – отрезала Лиза.

– Тебе же хуже. Ведь это последнее лето. И больше ты его не увидишь.

«Разве понять Оле, что мне достаточно знать, что он есть и видеть и слышать его или о нем. Ну что, я подойду к нему и заговорю, если вообще смогу что-нибудь сказать, не покажусь ли я ему глупее Лены Арш, к тому же она красивее меня. А вдруг он вспомнит, что я (в прошлом году) хрюкала перед ним и засмеется... Нет, он не засмеется... Он не такой... как некоторые. Но мне страшно! Ни за что не подойду», – проносится в голове Лизы. «Недавно я случайно услышала, где он живет в городе. И когда вернусь домой, мне будет легче от того, что знаю название улицы, по которой он ходит каждый день. Вот и все!»

Все дождь и дождь. Он как будто нарочно лил, загоняя всех под одну крышу. А что можно делать в такой день? Только сидеть рядом друг с другом, разговаривать по душам или пить всем вместе о дружбе и, особенно о любви, смотреть в глаза тому, кто тебе нравится, не забывая о том, что зоркое око воспитательницы и вожатого тоже, не дремлет. Но за всеми человеческое око уследить не способно. И под шум дождя под крышей клуба, похожего на большой сарай, в совсем юных сердцах появлялись ростки влюбленности.

– Играем в «ручеек»! – крикнул кто-то.

– Правильно, пора побегать, – поддержал вожатый.

Все повскакали, расчистили середину зала. «Ручеек» – веселая игра. Ребята и девочки быстро, разбившись на пары, встали друг за другом, подняв сцепленные руки и образуя таким образом живой коридор. И по этому коридору побежали, слегка пригнувшись, одиночки, чтобы выбрать себе того, кто нравится и образовать свою пару в конце ручейка.

Лиза стояла с подругой. Ни ту, ни другую долго не выбирали. Она устала держать Олину руку. В глазах мелькали быстро пробегающие внизу. Им было весело, Лизе – не очень. И тут, словно молния ударила! Она увидела светлые глаза Валерия. Он весело смотрел на нее снизу вверх пронзительным взглядом, будто знал о ней то, чего не знала она. Сердце ее застучало сильно-сильно. Это длилось одно мгновение, а показалось Вечностью!

Он сделал выбор и крепко сжав ее руку, увлек за собою в конец «ручейка». Там они встали, высоко подняв соединившиеся ладони. Боясь взглянуть на него, Лиза думала: «Вот так я могла бы держать твою руку всю жизнь, как бы ни было тяжело! Волшебный миг. Я запомню его навсегда».

Но «ручеек» жил и через минуту их разъединили.

Время шло. Закончились дожди. Наступили погожие дни. На смену одним развлечениям пришли другие: купание в прозрачных волнах залива, спортивные соревнования, походы в лес за ягодами и на заставу к пограничникам, конкурсы на лучшую отрядную песню. Да мало ли развлечений летом. Прощальный костер был последним из них. Старшие, глядя на высокие языки пламени, прощались не только с лагерем, но и со своим детством. Кто-то смеялся, а кто-то смахивал слезу.

Лиза плакать не умела. Она выбрала место неподалеку от Валерия, так, чтобы было видно его лицо. Пела веселые и грустные песни вместе со всеми. Огонь большого костра рвался в черное ночное небо августа, рассыпал золотые искры, освещая огромную поляну, деревья подступающие со стороны леса темными силуэтами и множество лиц, юных и взрослых. Взгляд Лизы был прикован к одному из них.

«Я запомню тебя на всю свою жизнь. Не знаю, почему, и не только за то, как ты поешь, но больше всего за то, что для меня навсегда останется тайной, – думала она, глядя на Валерия. – Я вижу твое лицо, держала твою руку в своей, что с моим сердцем, я не знаю. Любовь ли это? Но я знаю сейчас, что у меня есть сердце и что я больше не хочу зла никому.»

Детство кончилось. С любовью вошла Лиза в пору юности. Приехав в город, другими глазами взглянула на своих прежних обидчиков. И они уже не позволяли себе ничего оскорбительного в ее адрес.

Сын тети Дуси, столкнувшись с нею в подъезде, удивленно распахнул глаза и выдохнул в восхищении:

– Вот это да-а!

Да, она изменилась и, чувствуя это, стала спокойнее и увереннее.

Поднялась на свой этаж, позвонила в общий звонок. Дверь открыл Илья Алексеевич. Он показался Лизе стареньким. Она заметила, что волосы у него седые и глаза слезятся.

– Лизанька приехала! – воскликнул он радостно. – Какая большая стала, красивая, загорелая. Ну, здравствуй!

Лиза поздоровалась с ним и улыбнулась. На звонок вышел и Шляпа из своей комнаты, расплылся в улыбке и расшаркался перед юной соседкой, приложив руку к сердцу. Она поклонилась ему в ответ. Прошла в комнату. Мама, как всегда, на работе. Постучавшись в дверь, заглянула тетя Дуся и расплакалась, – летом умер Макс. Лиза пожалела ее, ведь тетя Дуся любила своего страшного мужа. И жалея свою старую, слегка пьяную соседку, поняла, что собственная любовь научила ее сострадать, а мысль о мести удалилась сама собой. Но однажды запущенная в пространство, зажила собственной жизнью. Этого Лиза знать не могла.

Шли годы. Молодые люди влюблялись в нее, страдали, а, случалось, и плакали. Она же не отвечала им взаимностью. Ну, а те, что нравились ей, не обращали на девушку внимания.

Семьи не складывалось, ведь твердила в детстве: «Никогда не выйду замуж!» Слово не воробей и имеет великую силу.

И не надо было бы этого делать... Но, все же выскочила однажды... Не надолго. Не выдержала беспроектной прозы супружества.

Что ей мешало быть счастливой вдвоем? Неосторожное ли требование матери «держаться подальше от мальчиков», запавшее в сознание в детстве, или слишком рано родная душа приблизилась к ней в легких сандалиях, заявив о себе острым уколом в сердце, а она испугалась и не сделала шага навстречу... Кто знает...

Но мир поэтических мечтаний и таинственных миражей, в конце концов, оказался для нее более привлекательным. Сочинение сказок стало любимым занятием. Все оттого, что с давних пор и навсегда застрял в этом сердце тонкий осколок хрустального замка.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Уголок поэзии

Оксана АНДРЕЙЧЕНКО

ПАРТЕНИТ*

О милый край, где Партенит
Своею красотой пленит!
Здесь очарованный простор,
Богатство красок дивных гор
И моря с ласковым, целебным
Прозрачным воздухом полезным,
Где каждый очутиться рад,
Вдыхая чудный аромат.

Но взор иаш больше очарован,
И может даже быть прикован,
Пленен сверкающей громадой,
Что здесь зовется Аю-Дагом,
Или Медведь-горой по-русски.
Не хватит всех аршинов русских,
Чтоб гору эту вширь измерить,
Однако смею вас заверить,
Что если ты сюда приходишь,
Тропинки все пешком исходишь,
Взбодренный ароматом горным.
Здесь дышится легко, просторно,
Душа в стремительный полет
Тебя к вершинам гор зовет,
И жаль, что крыльев не имеешь,
Лишь только взором ты сумеешь
Полет тот смелый совершить,
Орлу подобный, может быть.

Запомню прелесть этих гор,
Вид парков, моря разговор,
Где с вами, милые друзья,
Дни чудно проводила я.
Лишь вспомню, и туманит глаз
Слеза печали или счастья,
И хочется мне в одночасье
Там побывать еще хоть раз,
И вспомнить чудное то время,
Когда красоты Партенита
Нас ослепили... И забыты
Все неприятности и бремя
Всех пошлых жизненных забот,
Волнений, сложностей, хлопот...
Где веселились мы в тиши
И отдохнули от души.

* *Партенит* – одно из красивейших мест Крымского побережья между Гурзуфом и Алуштой.

Татьяна БАУТИНА

(дебют)

...Не смотри с тоскою ты осени вослед,
Нет годов потерянных и прошедших нет.
Нам года дарованы богом и судьбой, –
И остаться в памяти все должны с тобой.

* * *

Вот соберется старая компания,
И дружно скажет: «Всем привет»,
А я, так хитро улыбаясь,
Смогу им добрый дать совет.

Лишь год назад я разменяла полсотни лет
И не грущу!
Всё птицу Счастья я искала,
И... до сих пор её ищу.

То в горы вечные, Уральские,
Моя тропинка пролегла,
А то вот к Невскому уюту
Мой путь тернистый привела.

Та птица рядышком сидела,
И с сыном разговор вела.
И к дочке милой подлетела
И вновь к Уралу увела.

Так, путешествуя по кругу,
Я с птицей Счастья всё лечу...
Я ей поведаю как другу: «Остановись» –
Но я – молчу.

Борис ГАЖЁВ

ЛЮБИТЕЛЯМ ПИСАТЬ СТИХИ

Стихи – опасная стихия,
Накатят, как девятый вал.
Стихи – прекрасная стихия,
В них страсть души и чувств накал.

Стихи писать – какая мука!
Стихи слагать – какой восторг!
Стихосложение – наука,
Забава, шутка, книготорг.

В них счастье, радость и забвенье.
Их виртуальные миры
Порой приносят нам спасенье,
А могут лопнуть, как шары.

Поэт – он человек искусства,
В стихах художник и артист.
Его переполняют чувства,
И манит чистый белый лист.

Пусть пишет всяк, кому неймется,
Кому от рифм спасенья нет.
Для каждого свой лист найдется,
И каждый – сам себе поэт.

Екатерина ГРИГОРЬЕВА

Так сложилось: в расчет не берется
Половодье моих желаний,
Лишь попыткой тщетных закланий
Мне любовь моя жертвой дается.

Сергей ДЕДОВ

РАСКАЯНЬЕ

В светлых храмах пред Богом мы падаем ниц,
Старый дякон седой, по ушедшим молитву читает.
Время множит число помпальных страниц,
А любимых число с каждым днем убывает.

И глядим мы опять на великий распятия крест,
И святая тоска наши грешные души тревожит.
Сок растаявших свеч упадет на святой «Благовест»
И стечет по рукам, обжигая раскаяньем кожу.

Эту горькую чашу мы тоже осушим до дна,
И безжалостно смерть нам навеки закроет ресницы.
Только кто-нибудь пусть наши впишет с тобой имена
На пустые места помпальной церковной страницы.

Дина ЖУРАВЛЕВА

ЖЕЛАННЫЙ СТРОЙ

Ах, апрель, проказник молодой,
Ты не пой мне песни у окошка,
Знаешь, я люблю тебя немножко,
Но не стой под окнами, не стой.

Забегают в душу холода
И враждуют с мирной теплотой;
Я, наверно, слишком молода,
И весенний замок беззаботно строю.

Будет петь декабрь удалой
Песнь снежинок в дивном хороводе.
А в холодной карточной колоде
Буду я искать желанный строй.

Елена ЗАЛИВАКО

* * *

Прошла обида, боль ушла,
И сердце разуму послушно.
На фотографию твою
Смотрю почти что равнодушно.

Не жду приходов и звонков,
Случайной встречи не страшусь.
Скажу: «Привет. Как жив-здоров?»
И беззаботно улыбнусь.

Но вот приходит время сна,
Когда сознание отдыхает.
И снова образ твой родной
Передо мною возникает.

И в этот час, любимый мой,
Не нужен мне никто другой.

* * *

Ю. Ф.

Не бывает любви безответной
И несчастной на свете пет.
Если чувство сильно и истинно,
Не имеет значения ответ.

И какое же это несчастье,
Если в сердце любовь пост?
Нет на свете важнее чувства.
Кто не любит – тот не живет.

Ольга ЗАВЬЯЛОВА

ВЕРБУШИ

Вербь мои, вербушки,
Чьи вы, вербы, детушки?
То ль зима оставила
Чудо белоснежное,
Вспоминать заставила
Что-то безутешное.
То ль цветы вы вешние,
Пусть немного странные,
Но до боли нежные,
И до слез желанные.

* * *

Докажи ты мне истиину, милый,
Чтобы больше тобой я не бредила.
Уж лучше жалеть, о том, что было,
Чем о том, чего не было.

Александр ИВАНОВ

ЮБИЛЕЙ УЧИТЕЛЯ

Учитель ждет учеников
К себе на юбилей.
Ему теперь уж нелегко,
По старости своей,
Снять тяжесть лет и в класс войти.
Да уж и мы не те –
Всегда в исканиях, в пути.
И часто в суете
Мы забываем, проходя,
Зайти к нему на час.
А годы все летят, летят,
И время старит нас.
Уже на рубеже веков
В сияньи летних дней
Учитель ждет учеников
К себе на юбилей.

УХОДИТЬ, ПРИХОДЯ

Ухожу. Час прощанья настал.
Время дома прошло незаметно.
Снова ночь, поезда и вокзал,
И приют неустроенный где-то.

Или так мне судьбою дано:
Все менять и по жизни скитаться,
Уходить, и потом все равно
Вновь к себе самому возвращаться.

Мой уход, мой безумный протест
Неожиданным станут решеньем.
Видно вечно нести мне свой крест –
Уходить, приходя отрешенным.

Владимир ИВАНОВ

РАНА И ПЛАСТЫРЬ

(ироничное)

Сердца моя половинка,
Рапа и пластырь ты мой,
То – словно талая льдинка,
То – обжигающий зной.

Теплого ветра дыхание,
Шелест прозрачной листвы,
Все чудеса мироздания,
Все это, все это – ты.

Синего моря безбрежность,
Буйная шалость весны,
Майского солнышка нежность,
Ты – мои сладкие сны.

Запах цветения вишни,
Стоны прибрежной волны,
Все что мне надо от жизни,
Все это, все это – ты.

Зябкость сырого тумана,
Жаркое пламя зимой,
Ты – моя вечная рапа,
Рана и пластырь ты мой.

Алла КОШМЕЛЮК

СЕВЕРНЫЕ НАПЕВЫ

А поезд песет меня в белую ночь,
От злой суеты и бессонницы прочь.
Там северным морем владеет Нептун,
И светит полночного солнца латунь.
Там неба бездошного нежная синь,
Там трепет и звон серебристых осин.
В роскошных цветах заливные луга,
И терпкою мятою пахнут стога.
Там плещутся в заводи ветви берез,
Кружат легкокрылые стайки стрекоз.
Там чудо-трава в человеческий рост,
И там моих прадедов старый погост...
И, радуясь встрече, знакомо, как встарь,
Вдруг вскрикнув, колодезный охнет журавль,
Студеной воды то ли всхлип, то ли всплеск...
Ну, здравствуй, мой тихий, мой маленький Вельск!

* * *

От тебя отрекаюсь. Ты отныне ничей.
Уезжаю, не каюсь, в царство белых почей.
В царство спелой морошки, вековых валунов,
Облегчающих душу, очищающих слов.

В царстве том государстве деревянных церквей,
Словно тенор-альтино песню льет соловей.
В море из иван-чая утону-заблужусь,
Одурью разнотравья вдоволь я надышусь.

И вечерней прохладой, словно влагой напыюсь,
Исцелит мою душу песни северной грусть.
И польется напевный (мне не местной – в упрек)
Упоительно-милый мой родной говорок.

... В васильковом раздолье, там, у дальней межи,
Я с другим целовалась в золотой, спелой ржи.
Сердце бешено билось от несмелых речей...
Я свободна, мой милый. Ты отныне ничей!

Василий КОНОВАЛОВ

СТУДЕНТКА

Не мне назначено судьбою
Твоя расцветшая краса.
Не я целую под луною
Твои магнитные глаза.

Но синие твои магниты
При встрече смотрят на меня
То влагой тайною омыты,
То жаром тайного огня.

Окован ясностью рассудок
При свете дня, но груз оков
Снимает в темной страже суток
Сапфирный пламень угольков.

Но, вдруг, реакция цепная
Любовью сердце разорвет?
Обрадует ли, молодая
Тебя в безумие полет.

ЛЮБОВЬ

Я хочу пригласить
Вас на чашечку кофе
В час вечерних трудов
Для ума и чернил,
Я хочу посмотреть
В ваши очи-сплохи
И забыть все стихи,
Что другим сочинил.

Будет столик согрет
Не вином, а свечами,
И букет полевых
И дурманных цветов
Будет тихо шептать
Не земными словами
Всем дыханьем своим:
«С днем рожденья, Любовь!»

*Александр КРЯЖЕВ***РУСЬ**

По рельсам катятся колеса,
На стыках весело стуча,
Ручонкой машет нам с откоса
Малыш с отцовского плеча.

Мелькают за окном деревья:
Березы, сосны, тополя,
Полузабытая деревня –
Родная русская земля.

Поля, заросшие бурьяном,
Нешадно вырубленный лес,
Толпа мужчин в угаре пьяном
Толкает чей-то «Мерседес».

Эпохи прожитой улики,
Ошибок прошлых стыд и срам –
Проплыл за окнами безликий,
Разрушенный когда-то храм.

Стоявший на холме так чинно,
Он всю округу украшал.
Святыни предков беспричинно
«Вандализм в законе» разрушал.

Ошибок разных было много
И в этом, в частности, вина,
Что не живет по воле Бога,
А только бедствует страна.

Грущу о том, что есть, что было,
Ведь нет у нас страны иной,
И неухоженной, и милой,
Такой несчастной, но родной.

Алексей КУЗНЕЦОВ

БУГРИНСКАЯ РОЩА ОСЕНЬЮ

Березы оделись в свой яркий наряд,
Их кроны золотые, как пламя, горят.
Разбрызган повсюду в избытке пурпур,
И всяк улыбнется, кто дома был хмур.
У вас под ногами – персидский ковер,
Такой, что украсил бы княжеский двор.
Стоишь – тишина, а ступишь едва –
Шуршит мелодично сухая листва.
Кору на березах, как ситцевый лоскут,
Какой-то шалун разукрасил в полоску:
Чем ниже – тем гуще, а выше – пореже,
На каждой березе рисунки все те же.
А вон, впереди, за незримой чертой,
Березы стоят сплошной чередой.
Природа соткала из них полотно,
Как в сказочный мир отворила окно.
Что в роще увидишь – пером не опишешь.
И красками это никак не напишешь.
Такую картину не сыщешь в музее,
Ее лишь в натуре увидеть сумеешь.
Спешите, спешите, придете не зря
В Бугринскую рощу в конце сентября.

ЛЕСНОЙ БУКЕТ Я ПРИНЕСУ

Как собрать в лесу букет?
Есть совсем простой совет.

Травку можно брать любую:
Фиалку нежно-голубую.

Его украсят земляника,
Звездчатка, лютики, черника,

И листья дудника лесного,
Да кочедыжника немногo,

Иван-да-Марья и ромашки,
А чтобы не было промашки,
Здесь ландыш майский – царь цветов.
И ваш букет вполне готов.

*Василий КУЗНЕЦОВ***ОСЕННИЙ ЛЕС**

Осенней раннею порою,
Когда багрящем тронут бор,
Шагаешь тропкою лесною,
Глядишь на лиственный узор.

Природы таинства, загадки,
Ее осенние дары
Влекут неясной силой хваткой –
Не в счет ни дождь, ни комары.

Идешь ты по грибы с корзиной,
Наполнишь полный туесок
Брусничкой спелой иль малиной,
И запасешься клюквой впрок.

На речке, над лазурной гладью
Рыб удишь; в утреннем лесу
Охотишься в глуши над падью,
Тем скрашивая свой досуг.

Мир леса к нам суров бывает,
Но он и мудрый и живой;
Хоть страх порою нагоняет,
Одаривает все ж с лихвой.

Михаил ЛЕЙКИН

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН,
ПРИКАЖИТЕ ПОДАТЬ ЛОШАДЕЙ...**

*(Песня из сценария ритуала «Пока в России Пушкин длится,
метелям не задуть свечу...»)*

В октябре царскосельские листья
Золоченый кружат хоровод.
Расставаться пора лицеистам,
Их карьера блестящая ждет.
До свиданья, друзья и подружки,
Дожидайтесь хороших вестей...

Александр Сергеевич Пушкин,
Прикажите подать лошадей!

Петербург опьяняет балами,
Но придется поэту узнать,
Что рискованно спорить с царями,
Эпиграммы опасно писать.
Проживать Вам в столице не нужно,
Отправляйтесь в деревню скорей...

Александр Сергеевич Пушкин,
Прикажите подать лошадей!

Силуэты пяти декабристов
Между строчек рисует перо.
И метелью бесовскою, мгlistой
Все дороги твои замело.
Что гадать – было нужно, не нужно
Защищать честь жены и детей...

Александр Сергеевич Пушкин,
Прикажите подать лошадей!

Кружит лист над дорогой, как прежде,
Мчатся кони стальные резвей.
И опять осень дарит надежду,
И поэт собирает друзей.
Поднимаются пенные кружки,
Чтобы солнце горело сильней...

Александр Сергеевич Пушкин,
Прикажите подать лошадей!

Как сладко в далекой Америке,
Вдали от бессильных врагов,
Увидеть с высокого берега
Картины родных берегов.
И бабочку, робко дрожащую,
На девичьей тонкой руке...
Печально, что чудо манящее,
Набоков, от Вас вдалеке

Но Благовест дальний, торжественный
В душе никогда не замрет, –
Ах, Батово, Выра, Рождествено, –
Вы душекруженье мое.

Все те же пейзажи и Оредеж
С русалочью тайною вод.
И кто-то глядит заворуженно
И речь со-звездю ведет.
Зачем тратить жизнь по копеечке
И строить себе пьедестал,
Коль за Александром Сергеевичем
Дорожную книгу листал?!

Но Благовест дальний, торжественный
В душе никогда не замрет, –
Ах, Батово, Выра, Рождествено, –
Вы душекруженье мое.

Зоя ЛИ

ЖАРА В ПЕТЕРБУРГЕ

(миниатюра)

Черные воды Невы солнце посеребрило,
На гребнях волнистых барашков печать оставляя свою.
Глубины глазниц ослепляет серебряная чаша,
Нанизывая прохожих на Адмиралтейства иглу.

РУЧЕЕК БЫТИЯ

Ручеек говорливый,
Размерен твой бег:
Бесконечно движение в вечность.

Слезы неба, земли
Миллионами рек
Создают океана безбрежность.

Берег, лодка и я,
Сосны, травы, валун...
Память птиц над нами витает.

И свидетель эпох –
Ручеек – говорун
Сказки древности в книгу сплетает.

Но желанье порой
Посмотреть все самой
И не слушать былины ручья. Всплеск.

Превратиться в капель,
Стать студеной водой
И поплыть по виткам Бытия вслед...

СОЛНЦЕПОКЛОННИЦА

Солнцепоклонница неисправимая:
жить не могу без огня
звездно-лучистого,
солнечно-чистого...
Жизнью питает меня.

Тысяч прохожих, о, солнце глазастое,
взглядом меня обогрей.
Пламя энергии
в душах у каждого,
из миллиардов людей.

Зарево звездное! Пламя сердечное!
Идол, мое Божество!
Нить бесконечная
Космоса вечного –
Огненное торжество!

Солнцу, теплу и огню всенародному
я поклоняюсь, молюсь.
И возрождаюсь, как Феникс,
и пламенем собственным
с каждым делюсь!..

Владимир ЛОГИНОВ

* * *

На прохожего летела мокрая листва
Как-то сами сочинялись грустные слова.
Было холодно и сыро, кончился октябрь,
Солнце шурилось уныло, было очень жаль.

Было жаль, что улетают птицы на юга,
Что не повторится это больше никогда.
Этот год уходит в вечность, его не догнать
И придется все сначала начинать опять,
Как ни странно, жизнь сначала начинать опять.

* * *

Споры, споры, разговоры, уплывающие в море,
Засыпающие странно, приходящие неожиданно,
Мне знакомо, мне знакомо умирающее солнце
От которого не жарко и не холодно смеяться.

За большой закрытой дверью
Примостилось мое солнце,
И я слышу только споры про запутанное счастье.

Я хотела задержаться,
Над собою посмеяться,
Кто мне скажет, кто ответит,
Что мне делать – я не знаю.

Все пропало, все пропало.
Надо начинать сначала.
Все мои стихи и песни
Каплями упали в землю
И теперь растут как травы,
И теперь текут ручьями.
Я купаюсь в этих реках и бегу в зеленом поле.

* * *

Я думаю о звездах,
Я вижу яркий свет,
Я слышу тихий шопот
И бесконечность лет.

Я думаю о мире, который не узнать,
В котором все спокойно, где можно не дышать.

Там можно падать к солнцу десятки тысяч лет,
Там нет ни слез, ни взрывов и воздуха там нет.
Нет ни огня, ни снега, и лишь сплошной покой
Да темнота и холод.

Я бежала по млечному пути,
Сломала голову как будто бы страх
Гнал меня словно буря изнутри,
Словно парус, то вперед, то назад.

Я смотрела в океаны земли,
Я хотела их потрогать рукой,
Только это оказался обман,
Не земля это и не океан.

Страшно думать, что же будет потом,
Страшно верить в бесконечность и мрак,
По щеке сухой скользнула слеза
И уплыла в безвоздушную пыль.
Захотелось вдруг ее мне догнать,
Хоть одну свою частичку тела,
Но поплыла почему-то назад
Поняла, что я осталась одна.

* * *

Люди коротышки,
Люди великаны,
Всем Вам много надо,
Но, как видно, мало.
Все проходят реку
Через брод и мостик
И не забывают завернуть к Вам в гости.

Что бы ты не делал,
Они все увидят,
Они все услышат,
Они все узнают,
И пойдут по миру
Радостные песни,
О твоём кармане,
О твоей невесте.

Крепче дует ветер – северный, холодный,
Он срывает шляпы,
Он ломает ветви,
Тебе очень трудно в нем передвигаться
Люди в окнах будут радостно смеяться.
Что же здесь поделать,
Вот такая штука,
Вот такая проза,
Жизненная мука.
И не удержать,
Не спрятаться, не скрыться
Слезы не пропить
И не развеселиться.

Константин НИКИФОРОВ

* * *

Я тоскую по запаху соли,
По суровым и хлестким ветрам,
Шаткой палубе, просто по морю,
По его бирюзовым волнам.
Я хочу снова косточкой каждой
Ощутить моря бешеный прав,
Чтобы выйти проверенным дважды
На предмет человеческих прав.
Но удел мой – качаться на пивах,
Мастерство множить предков моих –
Хлеб растить, делать землю красивой,
И слагать свои песни о них.
Это тоже не менее важно,
Здесь геройства не меньше, чем там...
Но, сроднившийся с морем однажды,
Я грущу по гудящим волнам.

РОССИЯ

Я люблю твои рассветы синие,
Край родной – Смоленская земля.
Ой, Россия, – песня соловьиная,
Без тебя мне просто жить нельзя.

Я горжусь тобой, моя прекрасная,
Родина, любимая страна.
Ой, Россия, – солнце мира ясное,
Ты моя родная сторона.

Я люблюсь строек твоих поступью,
В них взлетают все мои мечты.
Ой, Россия, – доброй славы россыпью
На родной планете знатна ты.

В жизни мы идем дорогой славною,
К счастью, к миру, к радостной мечте,
Ой, Россия, – ты забота главная.
Я с тобой и ты в моей судьбе.

Пусть летает песня белым голубем
На просторах Родины моей.
Ой, Россия, – песня ты, которую
Я всегда храню в душе своей.

Сергей ОПОЛЧЕННЫЙ

* * *

Вы умными считаете себя
И часто осуждаете соседей.
Скучаете, когда сосед уедет,
Платок несвежий нервно теребя.
Вы умными считаете себя,
Где надо и не надо нагло врете,
Не дай господь так жить, как Вы живете,
Людей не уважая, не любя.
Вы умными считаете себя,
Ну что ж, я с вашим мнением не согласен,
Ведь вы не видите, что мир вокруг прекрасен
Живете за кусок, других губя,
При том считая умными себя.

О СЕБЕ

Говорят про меня – стихоплет,
Своей смертью такой не умрет
Пропущу мимо уха небрежно:
Смерть – она все равно неизбежна.
Я не раз у себя за спиной
Видел эту старушку с косой,
Ей хрипел я, в предсмертном бреду:
«Подожди, допишу и уйду».
И старушка до этого дня
Всякий раз отпускала меня,
Лишь шептала мне на ухо мило:
«Вот соскучилась и навестила
Походи, побузи на миру,
Ну а время придет, заберу!»

ПРИТЧА

Послушай притчу, милый друг:
Собрались раз шакалы в круг,
И стали думать и гадать,
Как лучше волка им задрать.
Прижатый в угол, волк стоял,
Но, волчий увидав оскал,
Шакалы вмиг хвосты поджали,
И с жалким видом убежали.
И люди есть сродни шакалам
(Встречалось мне таких немало),
Толпой сильны, рычат и лают,
Глядишь вот-вот и растерзают.
Но только примешь грозный вид –
Бегут, да так, что пыль стоит!

Ирина ПАРАМОНОВА

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК...

Сейчас так грустно расставаться,
Не зная, встретимся иль нет,
Но нужно весело прощаться,
Чтобы потом сказать: «Привет!»

Однажды, в шуме улиц людных,
Найдя знакомые глаза,
Вы вспомните о встречах чуждых,
Пронесшихся, словно гроза.

Воспоминания ворвутся,
Как ливень быстрый в тихий день,
И где-то в душах остаются.
Годов минувших встанет тень.

Вы вспомните о том, что было,
О том, что сердце бережет.
Оно, конечно, не забыло,
Оно вам песню пропоет.

О встречах юных, встречах первых,
Когда летали мы с мечтой,
О людях добрых, людях верных,
Которые всегда с тобой.

Все остается в человеке,
Но с каждым мигом он другой.
А годы школьные навеки
В судьбе твоей, в судьбе любой.

Людмила ПРОХОР

РАЗГОВОР С КУКУШКОЙ ИЗ ЧАСОВ

Пасмурный, хмурый, ненастный день
Птице минуты отсчитывать лень.
Тихо, нагнувшись, сидит в теремке,
Солнечный зайчик зажат в кулачке.

«Слушай, кукушка, отдай мне “вчера”,
Я же сегодня отдам вечера,
Все, что ты хочешь, за это отдам.»
Четко кукушка в ответ мне: «Не дам».

Зря я надеюсь, зря ожидаю.
Слушай, кукушка, я так не играю.

ЖЕНЩИНА

Остатки роскоши былой,
Потрепанная сумка, –
Судьбы излом, ты вся в былом,
Угасшая задумка.
Но ты все так же хороша,
Твой смех все так же звонок,
Стареет тело, не душа,
Душою ты ребенок.
И пусть очки уже в руках,
И в сердце заползает страх,
Душа еще смеется,
В ней песнь любви поется.

Ярослав РЖАВСКИЙ

* * *

Там, где души слышны, где рождаются сны
Где почует луна, возвращаясь с небес,
И где древние горы покоем полны,
Есть задумчивый, мудрый и царственный лес.

Там, в сплетенных ветвях, и корнях, и листе
Всюду прячется смысл, всюду истины след...
Надо только суметь разобраться в себе
Надо только искать – и получишь ответ.

Сотня разных дорог тебя в лес приведет
Если хочешь дойти – становись и иди,
Только если стремление вдруг пропадет,
Дай дорогу другим и не стой на пути.

*Николай САВЧЕНКО***АВИАЦИЯ**

Авиация, Авиация!
Словно сказочная страна.
Заманила меня ты с детства
И, наверно, свела с ума.

Любим все мы в твоих просторах
Рев турбин, самолетов взлет.
Любим мы подниматься в небо –
Ах, как манит оно и зовет.

Покоряя пространство и время,
Ты владеешь сердцами людей,
И мне выпало быть вместе с теми,
Кто все выше летел и быстрее.

Оттого я безмерно счастлив,
Что я числюсь в твоей семье,
Что России синее небо
Защищать доверили мне.

Николай СМЕРТИН

ВЕСЕННИЕ СТРОЧКИ

Ударил топор дровосека,
И закапали сладкие слезы
Из груди пушистой березы.

* * *

Ветер над лесом, теплый апрель,
Трескают шишки в кронах.
Это рожают красавицы – ели
И летят семена из их лона.

* * *

На ложе цветка подобном венцу,
Зарождается жизнь, не мистика.
Мужские тычинки сеют пыльцу
На завязь женского пестика.

* * *

Лишайники тихо на соспах и елях
Поселились, кормились, росли.
Вот так и живет на здоровом теле
Симбиоз гриба и водоросли.

Людмила СОЙТУ

МУЗЫКА СТАНЕТ СУДЬБОЙ

(Школьный вальс)

Музыка, музыка, музыка,
Дождь музыкальный звучит.
Кружится, кружится, кружится
Юности нашей мотив.
Он никогда не забудется,
Он поведет за собой.
В воздухе с нежностью кружится,
Юности музыка кружится,
Музыка станет судьбой.

Будет и нам расставание,
Кончится школьный звонок.
Нам не страшны расстояния,
Жизнь свой продолжит урок.
Все обязательно сбудется,
Все непременно придет.
В воздухе с нежностью кружится,
Юности музыка кружится,
Музыка, музыка ждет.

Все под луною изменчиво –
Радость, любовь и беда.
И из девчонки застенчивой
Выйдет принцесса-звезда.
Школьная дружба не рушится,
Юности нашей мечта.
В воздухе с нежностью кружится,
Юности музыка кружится,
Музыка, музыка та.

Музыка, музыка, музыка,
Дождь музыкальный звучит.
Кружится, кружится, кружится
Юности нашей мотив.
Он никогда не забудется,
Он поведет за собой.
В воздухе с нежностью кружится,
Юности музыка кружится,
Музыка станет судьбой!

Николай ТЕРЕНТЬЕВ

КОЛОКОЛ

Колокол звучал в ночи призывно,
Плыл по небу серебристый звон,
Низко, басовито, заунывно,
Будто плакал, надрывался он.

Для одних он был как глас от Бога,
Спать мешал другим – будил в ночи.
И однажды ночью на дорогу
Сбросили беднягу с колончи.

Он упал в последний раз окрасив
Серебристым голосом окрест.
Голос оборвался, не истратив
Сотой доли силы, что в нем есть.

Так была бессилием раскола
Колокола хрупкая душа.
Для кого ж ты пел, бедняга колокол,
Если звонари и те грешат.

Колокол несбывшейся надежды,
Голос, оборвавшийся в ночи.
Улыбаясь, слушали невежды,
Радуюсь, что колокол молчит.

Радуйтесь, гордитесь – замолчал он.
Вам ведь так хотелось тишины.
Стон его последний стал началом
Искупленья собственной вины.

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ И БОЛЬЮ

О России с любовью и болью
Я в стихах отзываюсь своих.
То себя я виню в своеволии,
То сынов непослушных твоих.

Не дает мне сердчишко покоя,
Мысль в виски заставляя стучать.
Видно, времечко нынче такое,
Что нельзя, невозможно молчать.

Нет поэту достойней награды,
Знать, что стала свободной страна.
Но царят на Руси казнокрады,
И страдает, как прежде, она.

Долго ждать нам той самой свободы,
Дай Бог, детям дожждаться тех дней.
Далеко впереди эти годы
У страны, что не знаю родней.

Прилагаю запас оптимизма.
(Мне ль, поэту, его занимать?)
Надоели шатания в «измах»,
Надо помнить: Россия нам – мать!

Счастлив тем, что рожден на Руси я!
В каждой песне об этом пою.
Да, я – сын твой, родная Россия,
И сыновей любви не таю!

В зарубежных частенько бывая,
Представляя Россию-страну,
Я о Родине не забываю,
За собой ощущая вину.

Нет! Скорее – наличие долга
Пред тобою, что вновь покидать.
Вновь разлука, и снова надолго...
Трудно чувства свои передать!

Здесь тебе я намного нужнее,
Мои думы – о буднях твоих...
Ты – как песня, тебя нет нежнее
Среди множества песен моих.

Что – разлука! Да это минуты
По сравнению с тысячей лет!
Нет, дороже чем мне – никому ты!
Я твой сын, гражданин и поэт.

Из небесной безоблачной сини
Я любимую песней вернусь
И негромко спою о России...
Для тебя, моя милая Русь!

Вера ТОЛЧИНА

ПИСЬМА С ФРОНТА

Священное наследство от родителей храню я –
Пачку писем пожелтевших фронтовых,
Читать скупые строчки невозможно, не волнуясь –
Их отправителя полвека нет в живых.
Цензура строго эти письма проверяла,
Суровы были все законы у войны,
Упоминаний о войне в тех письмах мало,
Под черной краской строчки просто не видны.

Письма с фронта – треугольнички простые,
Для меня они, как символы святые,
В них номера менялись почты полевой,
А вот последнее пришло с передовой.

Чуть меньше года до победного конца.
В письме приходит похоронка на отца,
Скупые строчки командир там дописал:
«Ваш муж погиб, он жизнь за Родину отдал».
Подходит жизнь моя к закатным берегам,
И вахту памяти я внукам передам,
Ведь поколения связующую нить –
Святую память мы должны хранить.

Письма с фронта – треугольнички простые,
Они для нас теперь реликвии святые,
И пусть не видно в них порой отдельных строк,
Нам дорог каждый сохранившийся листок.

СВОБОДА

Состоянием внутренней свободы
С давних пор я очень дорожу.
Долгие его ждала я годы,
Счастья без него не пахожу.
Атмосфера жизни деловая
Людям, без сомнения, пужна,
Я ж теперь свободная такая –
Никуда спешить уж не должна:
Захочу – уеду по путевке
Иль отправлюсь с кем-нибудь в лесок,
А на поэтической тусовке
Прогуляю ни один часок.
У моей осознанной свободы
Стало очень много степеней.
Если б не болезни и не годы,
Много дров мы наломали б с ней!

Галина ХОХЛОВА

* * *

Не родился Пушкин в Суйде...
В этот предпоследний год
Восемнадцатого века
Всем прибавил он хлопот.
Сундуки собрав в дорогу,
Выпили «на посошок».
Ганнибаловскую внучку
Увозил, скрипя, возок
Из поместья родового,
Где так счастлива была,
Где венчалась с милым мужем,
Дочку Ольгу родила.

Не родился Пушкин в Суйде
В череде далеких лет,
А в престольной, златоглавой
Появился он на свет.
Только с самого рожденья
Рядом с ним всегда была
Родионовна – крестьянка
Из чухонского села.
Бабьем сердцем полюбила,
Знать, Арина барчука.
Ее сказки-небылицы
Он прославил навека.

С той поры прошло два века...
Прежней Суйды – только след.
И идут в нее, как в Мекку,
И читатель, и поэт,
Чтоб отметить день рожденья.
Этот праздник сердцу мил.
Пушкин здесь! Кругом веселье,
Хоть он в Суйде и не жил!

Татьяна ШЕСТАКОВА

* * *

На фоне освещенного окна
Застывший в горе женский силуэт.
Вот так, уже который день, одна,
Сидит она. И сил поверить нет.

Нельзя поверить, что ее сынок,
Еще недавно шумный и живой,
Закончил путь своих земных тревог,
И вечерами не спешит домой,

Что не закружит маму на руках,
Не закричит: «Чего б перекусить?»
Что не увидит солнце в облаках,
Не будет новый свой костюм носить.

Ведь как нелепо все оборвалось!
Как тонок жизни нашей волосок!
На тысячи осколков взорвалась
Жизнь, и уходит, как вода в песок.

Перебирает карточки она.
Вот сыну годик, вот на этой – семь,
А тут стоит с невестой у окна
И о беде не думает совсем.

Застыла мать. И только на висках
Прибавилось нежданной седины,
Да сердце ноет у тоски в тисках
О сыне, не вернувшемся с войны.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Алеет шиповник на веточке голой,
Оборван последний листок.
И ветер-бродяга походкою скорой
Погнал облака на восток.

Осыпались клены, дубов позолота
Опять под ногами шуршит.
Косяк журавлей в предвкушеньи полета
Над тихим болотом кружит.

А дождик усталый спокойно и ровно
По крышам и окнам стучит.
Стою в изумленьи. И в воздухе словно
Гимн осени рыжей звучит!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН

МУЗЫКА СТАНЕТ СУДЬБОЙ

Школьный вальс

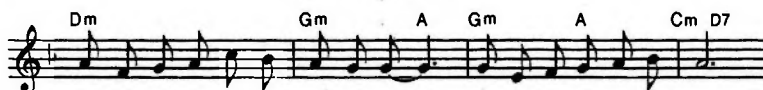
Слова Л. СОЙТУ

Музыка И. ПОЛУЛЯХА

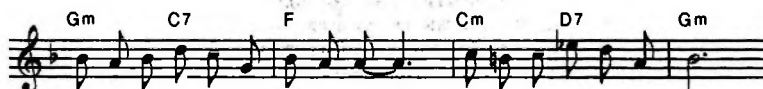
Медленно

1. Музыка, музыка, му-зы-ка, дождь му-зыкаль-ный зву-чит.

Кру-жит-ся, кру-жит-ся, кру-жит-ся ю-нос-ти на-шей мо-тив.

Он ни-ког-да не за-бу-дет-ся, он по-ве-дет за со-бой.

В воз-ду-хе с неж-ность-ю кру-жит-ся,

в воз-ду-хе с неж-ность-ю кру-жит-ся, му-зы-ка ста-нет судь-

бой.

ГИМН ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Слова и музыка О. БРАЖНИКОВОЙ

Торжественно

Е II Е Am-5 3

1. Солнце вста.ет над мо . ей землей.
С дав . них вре-мен ди . ки . е вет . ра

Е 3 3 А F#m 3

яр . ки . ми лу . ча . ми со . гре . ва . я ро . щи и по . ля.
по зем . ле по гат . чин . ской блу . жда . ли. по про . шли го . да.

Е 3 А 3 H 3

див . ны . е ле . са. пес . ню о . ча . ро . ван . но сло .
и те . перь вес . на о . сень . ю нам да . рит у . ро .

1. Е 2. Е А H

га . я! жа . и! Я люблю те . бя. Ро . ди . на мо .

Е А H C#m

я. не . об . ъят . ный край ты судь . ба мо . я. Бы .

А H А H

ло . е у . мно . жа . я, свя . то . е воз . ро . жда . я. и

C#m А H Е

сно . ва не . по . ва я слав . лю те .бя. гат . чин . ска . я зем . ля!

ГИМН ПОЭТОВ СИВЕРСКОГО БРАТСТВА

Слова и музыка Б. ГАЖЕВА

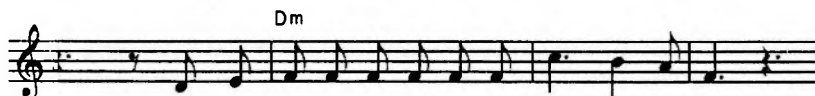
В темпе вальса

Э - тот дом нас встре - ча - ет, как вер - ных дру - зей.

В нем от - ме - тим е - ще мы не раз ю - би - лей.

С книжных по - лок по - э - ты гля - дят свы - со - ка.

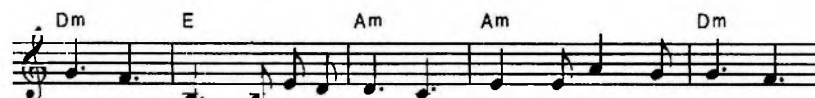

Ря - дом с ни - ми нас нет, но ведь э - то по - ка...

Припев

Си - верско - е брат - ство, си - верско - е брат - ство, ты — на - ша на.

леж - да и на - ше бо - гат - ство. Брат - ство — э - то вер - ность,

братство — э - то си - ла, на - ве - с - г - да по - э - тов си - верских спо - ти - ло.

ПЕСНЯ О СИВЕРСКОЙ

Слова и музыка Б. ГАЖЁВА

В темпе вальса

О Си-вер-ской пес-ню сво-ю я по-ю, куп-лет за куп-ле-том сла-

га-ю, про зем-лю, ко-то-ру-ю неж-но люб-лю и э-то на-веч-но, я

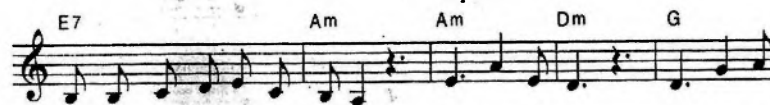

зна-ю. Ка-ча-ют-ся сос-ны над гла-дью ре-ки, о-на их вол-но-ю лас-

ка-ет. Жи-вут зна-ме-ни-ты-е здесь зем-ля-ки, их

Припев

каж-дый в стра-не на-шей зна-ет. Си-вер-ска-я, Си-вер-ска-

я, где б ни был я, со мной ты, лю-бовь мо-я.

Я ХОЧУ, ЧТОБ ЗНАЛА ТЫ, ЛЮБИМАЯ...

Слова В. ШТОРМОВОГО

Музыка Е. ЗАЛИВАКО

1. Я хо - чу, чтоб зна - ла ты, лю - би - ма - я,
где бы ни был — серд - цем я сто - бой.
Ты — мо - я звез - да не - у - га - си - ма - я,
ты — рас - свет мой неж - ный, го - лу - бой,
ты — рас - свет мой неж - ный, го - лу - бой.

The musical score is written in G minor (three flats) and 4/4 time. It consists of five staves of music. The first staff has four measures with chords Dm, Gm, A7, and Dm. The second staff has four measures with chords Dm, Gm, C7, and F. The third staff has four measures with chords D7, Gm, A7, and Dm. The fourth staff has four measures with chords Gm, Dm, A7, and Bb. The fifth staff has five measures with chords Gm, Dm, Gm, A7, and Dm. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across measures.

ОРЕДЕЖ

Слова Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

Музыка Е. ЗАЛИВАКО

В темпе вальса

1. О-де-реж. О - де-реж,
чем ты так ма-нишь к се - бе? Я сто-бой, О - де - реж,
и бла - го - да - реп судь - бе, я бла - го - да - реп судь -
бе. Ви-дишь, я, О - де - реж, вновь у тво - их бе - ре -
гов. В гор-дом раз - ло - ме их слы - шу я по-ступь ве -
ков. слы - шу я по - ступь ве - ков.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Слова А. КРЯЖЕВА

Музыка Е. ЗАЛИВАКО

Спокойно

Gm Cm D Gm Gm

1. Бе - ла - я ночь над ра - бо - чим по - сел - ком, бе - ла - я

Cm F B $\flat$ E $\flat$ B $\flat$ G

ночь по бе - ре - зам и ел - кам, бе - ла - я ночь по ле - сам и бо -

Cm A $\flat$ Gm D Gm

ло - там, бе - ла - я ночь — бес - по - доб - но - е что - то.

УХОЖУ...

Слова А. ДЕМЕНТЬЕВА

Музыка Е. ЗАЛИВАКО

Медленно

1. Я про-щаюсь с то-бой — у-хо-жу, у-хо-жу... Я це-лу-ю тво-

и о-не-мев-ши-е ру-ки. И сквозь боль у-лыб-нись тво-е-му ма-лы-

шу. Лишь о-дин он спа-сти те-бя мо-жет в раз-лу-ке.

СТАРИННЫЙ РОМАНС

Слова А. ФАЛОВСКОГО

Музыка Е. ЗАЛИВАЖО

В темпе вальса

Вот и встре-ти-лись сно - ва, толь-ко встре-ча слу -

чай - на. Ты о - пять не - у - молч-ным ру - чьем за - жур - ча - ла.

Мо-жет э - то судь - ба и - ли дав - ня - я тай - на, что и ты без ме -

ня, что и ты без ме - ня не - значай за - ску - ча - ла. Все сло -

ва разбе-жались и по-пря-тались где-то, и мол-чань - е мо-е нам дво -

им до-саж - да - ет. Толь-ко верь до-ро - га - я, бе-зу - преч-на при - ме - та:

кто молчит и стра - да - ет. ти - хо ждет, и стра - да - ет.

тот лю-бовь, тот лю - бовь, тот лю-бовь про-бужда - ет.

ХУДОЖНИКИ НА БЕРЕГАХ ОРЕДЕЖА

Рашид Ганцев **ВЫРИЦКИЙ УЗОР**

В живописном п. Вырица на берегу р. Оредеж расположено одно из самых стабильных и динамичных развивающихся предприятий не только Гатчинского района, но и всего Северо-Запада – ОАО «Узор» – известный производитель жаккардовых тканей и гобеленовых миниатюр, который сегодня считается лучшим по отрасли предприятием в Ленинградской области.

Фабрика исчисляет свою историю с 1944 г. За время своего развития она прошла путь от швейной артели до современного преуспевающего предприятия.

В 1991 г. в нелегкое время кризиса она вышла из состава объединения и окупилась в рыночную стихию.

За время своего существования фабрикой пройден путь от ручного производства до современных технологий, совершенствование которых на «Узоре» носит непрерывный характер.

Так, в 2000 г. запустили новую линию отделки тканей, что позволило выпускать их с водо-грязе-отталкивающим и тефлоновым покрытием, а далее и с огнезащитной отделкой.

Область применения всего многообразия выпускаемых тканей очень широка. Это всевозможные накидки, покрывала, скатерти, кроме того, их используют для обивки мебели. Прочность ткани в сочетании с другими достоинствами позволяет успешно применять их для пошива автомобильных чехлов и обивки салонов.

В последнее время возрос спрос на ткани с тефлоновой обработкой. После повторной стирки тефлоновое покрытие сохраняет свои превосходные водо- и грязе-отталкивающие свойства.

Другим перспективным направлением является выпуск тканей с огнезащитной отделкой. Такая ткань, пропитанная на молекулярном уровне, при высокой температуре может разрушиться, превратиться в пыль, но не загорится. Поэтому она успешно может использоваться для обивки сидений в самолете, автомобилях, поездах и на водном транспорте. Все это подтверждено сертификатом пожарной безопасности.

Внедрение компьютерных технологий и новых электронных жаккардовых машин позволило достигнуть большой гибкости и оперативности при разработке и внедрении новых видов структур тканей и рисунков, повысить их характеристики.

Ассортимент выпускаемых тканей весьма разнообразен, постоянно улучшается их дизайн. В среднем за год появляются более 50-ти новых рисунков. Гобеленовые ткани «Узора» привлекательны по внешнему виду, характеризуются высоким уровнем рисунка, выполняются в модной гамме цветов, легко вписываются в любой современный интерьер.

Иван Григорьевич Козлов

Особой популярностью пользуются гобеленовые миниатюры.

Это результат творческого труда художников фабрики. Их задача чутко реагировать на запросы рынка, следить за модой в обивочных тканях и все это претворять в жизнь.

В 1997 г. к 70-летию юбилею области Вырицкими художниками была создана серия гобеленовых миниатюр с видами Гатчины, Гатчинского района и Санкт-Петербурга.

Соседство с местами, связанными с именем великого русского поэта А.С. Пушкина вдохновило художников на создание серии гобеленовых миниатюр, посвященных 200-летию юбилею великого гения. Эти работы стали замечательным подарком для многочисленных гостей областного Пушкинского праздника.

Опытный художник Т.Н. Орлова разработала целую серию гобеленовых миниатюр по заказу Русского музея.

А на гобеленовом полотне «Церковь Казанской Иконы божьей матери» она с удивительной нежностью и мастерством изобразила храм, знаменитый тем, что в нем служил иерохимопах Серафим Вырицкий – великий праведник и молитвенник за Русь, народный утешитель.

В последнее время очень популярны стали гобелены на тему охоты.

Продукцию ОАО «Узор» хорошо знают и по достоинству ценят во многих регионах нашей страны и ближнего зарубежья. Эксперты оценивают ее как полностью отвечающую мировым стандартам.

С 1998 г. на предприятии действует система управления качеством, сертифицированная на соответствие требованиям ГОСТа.

48 дипломов и медалей завоевано ОАО «Узор» на различных выставках и ярмарках и это дает богатый материал для дальнейшего совершенствования выпускаемой продукции. Среди них самые почетные дипломы лауреатов «100 лучших товаров России» и Дипломы правительства Российской Федерации за достижение значительных результатов в области качества за 2000–2001 гг.

Сбыт продукции на предприятии налажен через представительства в регионах России. Однако, руководство «Узора» считает необходимым создание и развитие собственной сети фирменной торговли.

Так, 1 апреля 2001 г. фабрика «Узор» преподнесла замечательный подарок жителям п. Вырица и всего Гатчинского района. На центральной площади поселка открылся фирменный магазин «Узор», оснащенный самым современным торговым оборудованием. На первом этаже магазина мебельный салон. Здесь фантазия дизайнера по применению отделочных тканей Вырицких текстильщиков представлена в полном объеме.

Еще один фирменный магазин ОАО «Узор» находится в Санкт-Петербурге.

Основная заслуга в том, что фабрика успешно трудится и развивается, принадлежит ее руководителю И.Г. Козлову. Его энергия, напористость, компетентность и профессионализм обеспечивают стабильную работу предприятия.

Так, построено помещение для учебных классов, где планируется обучение новых рабочих и профессиональная переподготовка уже работающих.

На фабрике есть стоматологический кабинет, еженедельно осуществляет прием врач-терапевт, работает сауна с тренажерным залом и бассейном. Приобретен автобус для развозки в вечернее и ночное время рабочих по домам и на работу.

Все рабочие обеспечиваются бесплатным питанием.

Своим добрым и основательным подходом к решению любых вопросов, он снискал большое уважение и авторитет не только у коллектива фабрики, но и далеко за ее пределами. Поэтому неслучайно жители Гатчинского района большим количеством голосов 2-й раз избрали его депутатом Законодательного собрания Ленинградской области, а коллеги председателем Совета директоров промышленных предприятий и предпринимателей Гатчинского района.

За заслуги перед государством, многолетний добросовестный труд и большой вклад в развитие легкой промышленности И.Г. Козлов Указом президента Российской Федерации награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Зинаида СКОРНЯКОВА

ТАИЦКАЯ АКВАРЕЛЬ

В Таицкой поселковой библиотеке открылась выставка акварелей Льва Николаевича Новицкого, художника, который прожил здесь 30 лет и создал за эти годы большое собрание акварелей. Два года назад Новицкий умер. В память о художнике его друзья оформили эту выставку. Но на ней представлена лишь небольшая часть его живописного наследия, в основном пейзажи таицких окрестностей. Однако и они позволяют сказать, что в этих краях жил замечательный профессиональный художник.

Лев Николаевич был родом из Пскова. В детстве занимался в художественном кружке при Псковском музее. После окончания школы поступил учиться в одно из лучших художественных училищ Ленинграда – училище им. Серова (ныне Таврическое). Таицы не случайно стали местом его постоянного жительства. С детства его любимым жанром в живописи был пейзаж. Позже он признавался, что всегда любил деревню, а точнее – подгородчину. Расположение Таиц во многих отношениях его устраивало. И не в последнюю очередь тем, что было близко от Ленинграда-Петербурга, с художественно-богемной средой которого Лев Николаевич никогда не порывал.

– Солнечное освещение и пространство в пейзаже – неисчерпаемая тема для пейзажиста, – говорил он.

Художники XIX столетия блестяще разрешили пластические задачи, связанные со световоздушной средой. Эти задачи интересны и мне. Восходы для меня – закрытая тема. Я – сова, поэтому утро – не мое время. Трезвый полдень просто не люблю. Полуденное освещение не гармонично. В нем есть элементы пестроты и сводить их в гармонию достаточно сложно. Полуденные пейзажи не лиричны. Какая может быть печаль или грусть в полдень? А вот солнце послеполуденное, предзакатное, в котором есть золотинка – мое любимое солнце. И Левитан любил работать к вечерочку.

Из времен года Лев Николаевич очень любил зиму. Больше всего, по его словам, у него зимних пейзажей. Он считал, что русским пейзажистам особенно повезло: очень колоритны бесконечные варианты белого цвета.

Он никогда не ходил с этюдником и не искал специальных точек, с которых открываются «красивые» виды. Он просто гулял по окрестностям или по поселку. Свои акварели писал по памяти. И любил говорить, что акварель пишется на одном дыхании. Лев Николаевич не всегда писал их прозрачно, чаще плотнопазостным мазком, стараясь использовать максимум возможностей в этой технике. Иногда в композиционных цепях видоизменял натуру, уходил от документализма, импровизировал. Сокрушался, что современная живопись, «приобретая излишнюю аналитичность, утеряла чувства и сердечность, став простой иллюстрацией различных концепций. Концепции заменили красоту. Человек же – творение и подобие Божье, а не компьютер или схема. Без красоты ему никуда».

– Модернизмом, – признавался он, – я переболел теоретически. Рационального зерна, которое бы перевесило достоинства реализма, я в нем не нашел. Творчество Эдуарда Мане, Александра Иванова, Веласкеса, Врубеля для меня по сей день остается эталоном.

Ольга ЛУГОВИНА

ПЕВЕЦ СИБЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Илье Савицкому 24 года. Это совсем не мало, – иные успевают к этому времени обзавестись богатой биографией и массой достижений. А он своей главной удачей считает то, что живет там, где ему нравится, и делает то, что нравится. А то, что он делает, в свою очередь, нравится многим.

Илья Савицкий.

Родился и вырос в пос. Сиверский. Впервые взял в руки фотоаппарат («Зенит TTL») в 10 лет. Занимался в фотокружках Дома пионеров и ДК местного завода. В 1993 г. поступил в Ленинградский институт киноинженеров, где посещал курсы художественной фотографии мастера А.Л. Бермана. По окончании курсов получил квалификацию фотографа.

С 1997 г. отдает предпочтение жанру пейзажа.

В 1999 г. принимал участие в выставке, посвященной 500-летию Сиверских земель. Работы опубликованы в местных печатных изданиях, газетах «Невское время», «Метро».

Выставки.

Совсем недавно с большим успехом прошла его первая фотовыставка в Санкт-Петербургском Технологическом Университете растительных полимеров, выставочные залы которого работают уже шестнадцать лет и принимают сто двадцать четвертую по счету художественную выставку.

Молодой фотохудожник Илья Савицкий щедро делится собственным совершенно потрясающим взглядом на мир, необыкновенным видением красоты родной природы. Его жанр – пейзаж, его фотографии – замерший на минуту окружающий мир. Этот мир странно-таинственен: казалось бы, его части вполне узнаваемы, но в то же время существуют для созерцания и удивительно гармоничны именно на фотографии. А люди любят не столько фотомастерством, сколько открытием глаз на ту красоту, которую много раз видели сами.

Из отзывов о выставке Ильи Савицкого:

«Я благодарен за то, что смог окунуться в этот прекрасный мир красоты и гармонии, мир новых надежд и стремления к будущему. Эта выставка позволяет набраться жизненной энергии, она способствует вдохновению и творческому порыву. Я как будто тонул в лучистом свете добра, излучаемом photographиями. Мне казалось, что я нахожусь внутри них, чувствуя дуновение ветра, вдыхая ароматный запах свежего воздуха».

Фотоаппарат.

Его любимым цветом в детстве был, вероятно, синий. В десятилетнем возрасте впервые взяв в руки фотоаппарат, он снимал ярко-синее прозрачное небо и темно-синий холодный Оредеж. Красота просто так не видна: надо спуститься вниз по крутому берегу, чтобы увидеть быстроту и извилистость реки, затерявшейся в красных обрывах, надо полной грудью вдохнуть душистый запах головокружильных сосен, надо настроиться и тогда... все это через объектив фотоаппарата смогут увидеть тысячи людей.

Ольга ЛУГОВИНА

МАСТЕРА ЗЕМЛИ ГАТЧИНСКОЙ

Издавна привлекали к себе живописцев красоты Рождествена, Сиверской, Лампова, Вырицы: И. Шишкина, И. Крамского, И. Репина и многих других выдающихся мастеров кисти вдохновили на творчество дивная природа наших мест и необыкновенно колоритные, сильные люди, такие, как крестьянин села Рождествена Мина Моисеев, изображенный И. Крамским.

Необычайно богата талантливыми художниками и сейчас Гатчинская земля. Вдохновляет и дает силы выдающемуся мастеру живописи Леониду Птицыну, члену Союза художников СССР прозрачный воздух, закаты и рассветы села Рождествена. Л. Птицын пишет портреты и картины, наполненные большой внутренней силой и энергией. Основная тема, которой посвятил всю свою творческую жизнь художник, — это пережитая война.

Целая плеяда живописцев считает своим первым учителем Константина Семеновича Бернюкова из поселка Белогорка, отметившего 90-летний юбилей. Быстро струящаяся речка Оредеж, могучие ели, красные обрывистые берега, трогательные березки — все это радует глаз и согревает душу, когда глядишь на акварели К.С. Бернюкова.

Воспевает красоту родной природы и живет в Сиверской художник Дмитрий Степанович Паньч. Рассматривая его работы, излучающие добро и свет, испытываешь ощущение, будто совершаешь неторопливые прогулки по пушкинским, набоковским местам, любишься с высоты майковского обрыва живописной речкой Оредеж, заглядываешь на лесную опушку или стремительно взбегаешь на лужок в цветущих одуванчиках.

Д. Паньч на картинах запечатлел свои любимые уголки природы, он обладает уникальным даром влюблять зрителей в то прекрасное, что отыскал сам и щедро делится со всеми, кто пришел на встречу с результатами его творческого труда.

Совсем недавно сбылась заветная мечта Дмитрия Степановича — открылся небольшой выставочный зал, где художник теперь имеет возможность делиться своим творчеством с поклонниками.

Живет в Сиверской и занимается просветительством член Союза художников России Александр Ефимович Златкин. По инициативе художника в Сиверской детской школе искусств, где он возглавляет отделение изобразительного искусства, открыт выставочный зал.

Неравнодушные, щедрые люди — художники, готовые делиться своим творчеством, стали инициаторами создания районной картинной галереи.

Первые работы принесли в дар картинной галерее наши земляки: Александр Малов, Иван Радюкевич, Леонард Котов, Валерий Куклев, Дмитрий Паньч, Михаил Сазонов.

Большое спасибо тем, кто начал благое дело создания сокровищницы живописных произведений искусства. Надеемся, что наши творцы продолжают пополнять районную картинную галерею своими произведениями и сведениями о творческой биографии.

Светлана СПИРИДОНОВА

ОРЕДЕЖ, ЧЕМ ТЫ ТАК МАНИШЬ К СЕБЕ?..

Фото Н. Емельянова. Эту надпись неоднократно видели читатели «Гатчинской правды» под оперативными репортажами и зарисовками о передовиках производства. Время изменилось, но Николай Петрович не отложил фотоаппарат, будучи на пенсии. Он теперь радует нас замечательными фотопейзажами. Его фотовыставки, запечатлевшие образ «малой родины», экспонируются в детских учреждениях. Вспоминаются строки из стихотворения сиверского поэта В. Штормового:

Прекрасен ты, мой Сиверский поселок!
Река течет, причудливо резвясь,
Среди холмов с массивами сосенок,
И с водопадов брызгами искрясь.

Ты вдохновлял российские таланты:
За красотой на эти берега
Художники, поэты, музыканты –
Любимцы муз – спешили все сюда.

Фотографии Н. Емельянова несомненно дополнили и украсили книгу А. Семочкина о В.В. Набокове «Тень русской ветки», изданную к 100-летию замечательного земляка издательством «ЛИГА ПЛЮС». Более 20 снимков – сокровенных уголков села Рождествено и реки Оредеж включены в эту книгу-альбом. Поистине, остановись, мгновенье, ты прекрасно!!!

Зинаида СКОРНЯКОВА

ПЕЙЗАЖИ БЕЛОГОРКИ КИСТИ ЕЛЕНА ЛЬВОВОЙ

Около десяти дней в государственном музее-заповеднике «Гатчина» экспонировались пейзажи самобытного художника из Белогорки – Елены Львовой. Такая честь выпала на ее долю неслучайно. Увлечшись живописью маслом лет двенадцать назад, она до последнего времени держалась в отдалении, выставлываясь, в лучшем случае, в Сиверской. Однако желание «явить миру» любимые ею белогорские пейзажи взяло верх, и с работами художницы познакомились гатчинцы.

Елена Львова – от природы разносторонне одаренный человек. Как живописец она обладает тонкой и пластичной кистью, чувством цвета, даром композиции, редкой интуицией и вкусом. Если учесть, что она не имеет художественного образования, то все это – «от Бога». Не зря, рассказывая о своей живописи, она отмечает, что «чувствует внутри большой потенциал». Ее картины «Рожь», «Стога», «У реки» по художественным приемам традиционны, но нет в них застылости и отчужденности. Каждая из них пронизана мягким льющимся светом.

– Люблю передавать свет, – говорит Елена, – искать его в зелени, в рассвете и закате.

Стоит с нею заговорить на эту тему, как она забывает обо всем. Это глубоко переживаемое чувство единения с природой находит выход в картинах и придает им особое обаяние. Она живет и пишет «нутром» и от этого ее работы имеют достоинства подлинных произведений искусства. Как художник Елена всегда недовольна тем, что у нее получается.

– Нет ни одной работы, которую я написала бы так, как могу, – говорит она. Но почему-то спрос на ее «художественную продукцию» довольно высок. У нее много заказов. Пожелаем Елене Львовой удачи и добра, а главное, остаться верной своему таланту.

Зинаида СКОРНЯКОВА

«СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...»

На открытие художественной выставки в Елизаветинской сельской библиотеке мы отправились с живописцем Алексеем Фетисовым на рейсовом автобусе. Когда удаляешься от Гатчины, которая проезжему человеку всегда демонстрирует привлекательные картины из своей богатой культурной биографии, запечатленной в облике Коннетабля, силуэте дворца и в романтическом пейзаже Белого озера, кажется, будто теряешь культурную нить. Придорожный пейзаж навевал грустные мысли. Очень редко мелькали дома крепкой постройки и хозяйственного достатка, и один только раз в окне автобуса показалась новая вилла из красного кирпича. Парицкий, а затем Борницкий карьеры – желтые, влажные камни известняка. Вот она, объявилась, материализованная культурная нить, которая тянется отсюда не только к Гатчине, но и к Петербургу. Да еще живописное шелковое небо, то бледно-розовое, то мрачно-беззаботное с грядой облаков. Оно вдохновляло архитекторов, озабоченно подбиравших оттенки местного известняка для облицовки дворцов и колонн. На него же, отирая пот с лица, поглядывали люди, добывающие камни в карьерах. Низкое северное небо, как отечество, одно на всех нас...

Здание Елизаветинской библиотеки порадовало удобным расположением и большими размерами. Библиотекарь Надежда Владимировна Тарасейко оказалась приветливой и разговорчивой...

Приезжему человеку при взгляде на разбросанные в вольной планировке блочные дома и массивные строения из белого силикатного кирпича, трудно догадаться, что Елизаветино – одно из стариннейших поселений, упомянутых в Писцовой книге еще в 1499 году. Если и свидетельствует что-либо о том, что этому селу исполнилось 500 лет, так это традиционная деревенская чистота и аккуратность в библиотеке и в двух-трех магазинах, куда мы заглянули. А в остальном историческая физиономия села утеряна. Почти разрушены и более поздние культурные приобретения – знаменитый дворцово-парковый ансамбль Дылицы. Этому усадебному комплексу, названному Елизаветинским в честь дочери Петра Великого, уже около 250 лет. И хотя зрительно он представляет совсем печальную картину, но странным образом, опосредованно, уже как культурный фон, эти руины живут и вдохновляют местных знатоков и любителей истории и культуры. Давно замечено, что умирающая красота обладает повышенной, двойной силой притяжения и воздействия.

Культурная жизнь районной глубинки, сосредоточенная в библиотеках, художественных и музыкальных школах, в Домах культуры, на первый взгляд, еле теплится. Старая система финансирования сегодня почти не работает, а новые «правила игры» еще не сложились, чтобы сделать культурную жизнь более заметной и ритмичной. Съезжались и приумолкли русские просторы. Но не русская душа. В Елизаветинской библиотеке поведали нам такую историю: житель деревни Дылицы Иван Петрович Бондарев, работающий на железной дороге, принес в дар библиотеке более 200 томов из личных книг. С огромной благодарностью приняла библиотека этот бесценный подарок. А имя дарителя мысленно, золотыми буквами вписала в свою памятную книгу. Как и название ТОО «Сфера», которая выделила средства для подписки на периодическую печать (газеты) и на книги для сельских библиотек.

Еще одной культурной достопримечательностью этой местности является художник Валерий Леонидович Куклев – член Гатчинского Товарищества Художников. В летнюю пору в Дылицком парке, то у пруда, то у старинных дубов, можно увидеть знакомый местным жителям большой белый зонг живописца, под которым он работает над этюдами. На выставке в библиотеке Валерий Куклев представил около 80 работ, в основном – пейзажи. Деревенский пейзаж – вечно живая тема «всех времен и народов». Особенно пейзаж небольшого размера, написанный маслом. Тут и «Тропинка в парке», и «Тучи перед дождем», и «Околица деревни» – богатейшая палитра природы, схваченная доброй и точной кистью художника, которому постепенно, с годами, открылись величие, простота и красота Божьего творения. И кто, как не он, по призванию своему служащий красоте, может высечь в душах своих зрителей искру горячей любви к родному краю?

Нужно было видеть, как плотно окружили Валерия Куклева местные школьники и с каким простодушным интересом слушали они его рассказ об уголках Дылицкого парка. Энергичные сельские учительницы тут же вручили художнику план экскурсий, которые он должен провести для других групп... После экскурсии молодая поросль со всех сторон обступила столик библиотекаря и требовала для себя теперь уже – книг. Шумные елизаветинские девочки скоро превратятся в настоящих красавиц и нужно, чтобы это были культурные и образованные красавицы, а не те, что глядят на нас с полиэтиленовых сумок и телевизионных экранов.

Разговорившись с Татьяной Васильевной Евдокимовой – заведующей библиотекой, ради открытия выставки пришедшей из дома, несмотря на предприсания «больничного листа», мы пришли к выводу, что «душа» России находится в провинции, в той самой районной глубинке, где растут такие любознательные девочки и мальчишки. Растут рядом с разрушенным дворцом и никому не нужным парком. Ходят в библиотеку, где в день нашего приезда градусник показывал только плюс 8 градусов тепла. Однако районная глубинка не оторвана от большого мира. Вот и пример тому: известная петербургская писательница и публицистка Нина Семеновна Катерли дала согласие приехать в Елизаветинскую сельскую библиотеку на встречу со своими читателями.

Галина ХОХЛОВА

• ЗА КАРТИНАМИ – ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА

Когдаходишь в зал Сиверской школы искусств, где выставил свои картины Владимир Федотов, то даже при первом, самом беглом взгляде, остается впечатление встречи с чем-то светлым, чистым, где-то наивно-пасторальным. Виною тому, конечно, не только сюжеты картин, но и сама манера письма, за которой стоит личность художника.

Владимир Васильевич родился в 1935 г. на Урале в г. Нижний Тагил. Серьезно учиться рисованию начал поздно, в 20 лет, хотя рисовать любил всегда. Помог ее величество случай. В армии вместе с ним служил студент-третьекурсник художественного института, который первым определил у Федотова художественные способности и предложил свою помощь. Это были первые, урывками от службы, занятия. Но после армии В. Федотов без колебания пошел учиться в Уральское училище прикладного искусства, и окончив его с отличием в 1965 г., с первого раза поступил в Академию художеств им. И.Е. Репина. Пройдя строгую академическую школу в мастерских Зайцева (ученика Иогансона) и Соколова, Владимир Васильевич несколько лет работал в художественных мастерских Ленинграда, выполнял госзаказы, выставляя, главным образом, портреты на выставках Ленинградского отделения Союза художников.

Однако такая работа, обеспечивающая безбедное существование, но не дающая художнику возможностей для самовыражения, развития, вскоре стала тяготить его. В 1978 г. В. Федотов уходит на преподавательскую работу в организуемую тогда детскую художественную школу п. Новый Свет Гатчинского района. Все эти годы Владимир Васильевич растил юных художников, находя в этой работе удовольствие и интерес, получая заряд к собственному творчеству. С этого времени художник активно ищет свою манеру письма, свои темы.

На выставке большое место занимают пейзажи с видами древнерусских городов. Их география говорит о многочисленных поездках по стране (Смоленск, Углич, Торжок, Тобольск, Вологда, Псков и др.). От эскизов с натуры Владимир Федотов переходит к созданию целостных образов, пронизанных идеей духовного возрождения, стремления к возвышенной и умиротворяющей чистоте помыслов. Эта чистота помыслов, свойственная древнерусским зодчим, сродни и самому художнику. Таковы полотна «Рассвет над Торжком» (1989 г.), «Возрождение» (1995 г., Кирилло-Белозерский монастырь), «Над Иртышом» (1994 г., с видом Тобольской крепости). Последняя картина приобретает эпическое звучание. Многие пейзажи В. Федотова оживляют люди, или их присутствие ощущается по различным аксессуарам. Художник словно хочет подчеркнуть этим, что в древних центрах славянской цивилизации жизнь людская движется. Особенно хорошо это удалось передать на картине «Вечер в Кирилловке» (1997 г.), где в розовеющих на закате водах, отражающих стены и башни монастыря, на первом плане на деревянных мостках женщина полощет белье. Точно такую патриархальную картину можно было наблюдать здесь и сотни лет назад.

На выставке представлены также чисто пейзажные работы. Главным образом, это небольшие по размерам камерные полотна с видами русской деревни. В них художник стремится передать созвучное своему настроению состояние природы. Таковы «Ажурное солнце» (1993 г.), «Вечер в деревне» (1997 г.),

«Тишина» (1995 г.). Особенно хороша «Пора сенокосная» (1997 г.), вся в туманно-розовой дымке, очень удачны и три зимних пейзажа Гатчины.

Владимиру Федотову удаются портреты детей. Чаще всего его модели – учащиеся художественной школы («Юный художник» – 1987 г., «Игорь» – 1981 г., «Первоклассница» – 1997 г.). В каждом портрете художник передает своеобразие характера и внешности ребенка. Во всех работах зрителя подкупает светлый, обращенный в будущее, мечтательный мир детской души, такой близкий мироощущению самого Владимира Федотова.

И художник, и его картины пришли, что называется, «ко двору» Сиверской. Остается добавить: Федотов принципиально не делает копий своих картин, что делает их более ценными. Его работы демонстрировались на многих выставках в Петербурге, Ленинградской области, Германии.

СПРАВОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Владимир НИКОЛАЕВ

РОДНАЯ СТОРОНА

В центре Гатчины, там, где Соборная улица соединяется с проспектом 25-го Октября, высится трехэтажное, классических пропорций здание бывшего Николаевского Сиротского института. Выстроенное в 20-х годах XIX века по проекту Д.И. Кварди, оно вот уже более полутора столетия выполняет свое главное назначение, как учреждение для образования и воспитания юного поколения. За эти годы из его стен вышли тысячи достойных и полезных Отечеству граждан.

Но есть в истории здания одна, почти забытая страница – в 1927–1930-х годах здесь размещался исполнительный комитет высшего органа местной власти – Гатчинского (в то время Троцкого) районного Совета рабочих и крестьянских депутатов, а до него в течение пяти лет – исполком уездного Совета¹. Здесь принимались первые распоряжения по устройству жизни в новом административно-территориальном образовании, составлялись планы его развития, решалось множество хозяйственных, бытовых, политических вопросов. В нынешнем году, отмечая 75-летие района, мы с благодарностью вспоминаем тех, кто заложил его основы, предопределив на многие десятилетия вперед успешное развитие благодатного гатчинского края.

* * *

ТЕРРИТОРИЯ. Гатчинский район – современное название «Муниципальное образование «Гатчинский район»» (далее для краткости без упоминания слов «муниципальное образование») учрежден 1 августа 1927 года при районизировании бывшей Ленинградской губернии. В советские годы он, вслед за переименованием районного центра, трижды менял свои названия: Троцкий (1927–1929), Красногвардейский (1929–1944), Гатчинский (с 23 января 1944 г.). неоднократно изменялись и его границы и размеры территории. В 1927 году его площадь составляла 1654 кв. километра, к 1939 году она увеличилась до 3012 кв. км. Последние крупные территориальные изменения произошли в 1962 году, когда к Гатчинскому району была присоединена территория Ломоносовского района и новая административно-территориальная единица получила название Гатчинского сельского района. Но через два года все было возвращено в прежнее состояние и с января 1965 года внешние границы Гатчинского района не менялись: с севера он граничит с Пушкинским районом Санкт-Петербурга и Ломоносовским районом области, с юга – Лужским, с востока и запада – Тосненским и Волосовским районами.

По занимаемой площади – 2863 тысячи квадратных километров (что в два раза больше территории Санкт-Петербурга с пригородами), Гатчинский район занимает 13 место из 17 районов Ленинградской области. Наибольшая протяженность района с севера на юг по прямой – 80 километров, в поперечном направлении – 58 км.

¹ Впервые за свою историю город Гатчина стал административным центром в ноябре 1922 года. Тогда его переименовали в «город тов. Троцкого», а уезд, образованный из упраздненных Петергофского и Детскоесельского (бывш. Царскоесельского) уездов, получил название «Троцкого».

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО. В состав Гатчинского района входят 16 волостей: (до 18 января 1994 года они назывались сельсоветами): Антелевская (центр дер. Пудомяги), Больнеколпанская (пос. Большие Колпаны), Вереvская (п. Малое Верево), Войсковицкая (п. Войковицы), Воскресенская (п. Высокоключевой), Елизаветинская (п. Елизаветино), Миnская (д. Миnы), Новинская (п. Новинка), Орлинская (с. Орлипо), Пригородная (п. Новый Свет), Пудостьская (п. Пудость), Рождественская (с. Рождествено), Сиверская (д. Старо-Сиверская), Сусанинская (п. Сусанино), Сяськелеvская (д. Сяськелево), Чашинская (п. Чаша), 5 рабочих поселков – Вырица (год преобразования в поселок – 1938), Дружная Горка (1927), Кобрино (1949), Сиверский (1938), Тайцы (1960) и 235 населенных пунктов: сел, деревень, сельских, дачных и пр. поселков. На территории района находятся два города областного подчинения – Гатчина (82,5 тыс. жителей, терр. 28,7 кв. км) и Коммунар (17,5 тыс. жит., терр. 5,1 кв. км).

Административным центром МО «Гатчинский район» является город Гатчина. Здесь находятся районная администрация, Совет депутатов района, ряд учреждений районного звена.

Глава администрации Гатчинского района Худилайнep Александр Петрович. Его заместители: первый – Калугин Александр Романович, по экономике и торговле – Любушкина Елена Викторовна, по социальным вопросам, культуре и народному образованию – Кимков Валерий Николаевич, по жилищно-коммунальному хозяйству, строительству и связи – Троценков Валерий Константинович, по вопросам местного самоуправления и работе с территориальными подразделениями – Патрикеева Нина Михайловна; управляющая делами – Волкова Татьяна Ивановна.

НАСЕЛЕНИЕ. В Гатчинском районе проживает 115 тысяч человек. По численности населения он занимает второе место в области. Район многонациональный. По переписи 1989 года здесь проживали 135 622 жителя, в том числе русских – 119 488, финнов – 4035, украинцев – 3703, белорусов – 1805, цыган – 1145, татар – 650, чувашей – 310, эстонцев – 294, евреев – 272, азербайджанцев – 269, поляков – 202, вепсов – 27, ижорцев – 2, других национальностей – 2167.

Многонациональным район был и в момент образования. В 1927 году русских, как и сейчас больше всех – 38 195, из них 18 622 проживали в сельской местности. Вторыми по численности были финны – 25 293, они преобладали в сельской местности – 24 115. Далее следовали: эстонцы – 3093, поляки – 1666, латыши – 387, немцы – 287, евреи – 224, ижорцы – 107, прочие – 863. Шестикратное уменьшение финского населения района за период 1927–1989 гг. произошло по ряду причин: репрессивные меры 1930-х годов; эвакуация его в 1943 году финскими властями с оккупированной немцами территории в Финляндию; принудительное расселение репатриантов в других районах СССР после их возвращения из Финляндии в 1944–1945 гг.

С 1990 года, после принятия правительством Финляндии решения о предоставлении финского гражданства жителям СССР финской национальности («инкерилайнен»), началась убыль финского населения Гатчинского района. Сколько их переехало на местожительство в Финляндию – такого учета не ведется. По предположению сотрудников правления Гатчинского общества ингерманландских финнов «Ипкери Сеура», их число может составлять в пределах 1,5–2 тысяч человек.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ. Гатчинский район относится к центральным районам Ленинградской области. Климат здесь сравнительно с ее восточными районами мягкий, лето умеренно теплое, зимой сильные морозы непродолжительны, случаются оттепели, осадки в виде мокрого снега и дождя.

Значительная часть района расположена на Лужско-Оредежской равнине с заметными следами ледниковой деятельности, северо-запад района занимают отроги Ижорской возвышенности. Высота равнинной части колеблется в пределах 50–100 метров от уровня моря (для сравнения: средняя высота Петербурга 6 метров над уровнем моря). Наивысшая точка района – 165 метров от уровня

моря находится вблизи деревни Ермолино Елизаветинской волости, самая низшая – 48 метров – недалеко от деревни Введенское Минской волости.

Через территорию района проходит водораздел рек Невы и Луги. Главные реки: Оредеж с наиболее значительными притоками Суйда, Орлинка, Кременка, впадающая в Лугу и Ижора с притоками Парица, Веревка, впадающая в Неву. Наиболее крупные озера: Вялье (общая площадь 50 кв. км, из которых 28 кв. км относятся к Гатчинскому району, остальная часть – к Лужскому), Орлинское, Черное (недалеко от дер.Тарасино Новинской волости).

Леса занимают около 50% территории района (преимущественно южную и восточные части), около 10% – болота, приблизительно 8% – луга, почти 21% (60 кв. км или 60 тысяч гектаров) – сельскохозяйственные угодья.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Гатчинский район один из крупнейших в области производителей сельскохозяйственной продукции. Здесь зарегистрированы (па 1.01.2001 г.) 661 сельскохозяйственное предприятие и организация, в т. ч. 23 крупных (бывшие совхозы, птицефабрики, предприятия по техническому, мелиоративному, агрохимическому обслуживанию), 371 фермерское хозяйство, различные садоводческие и другие организации, а также 35 тысяч личных подсобных хозяйств. На территории района расположен Северо-Западный НИИ сельского хозяйства «Белогорка» – ведущее в регионе научно-исследовательское учреждение по земледелию, растениеводству, селекции и семеноводству. Он был организован в 1956 году и в 1959-м переведен в поселок «Белогорка» Сиверского сельсовета.

Основными направлениями сельскохозяйственного производства в Гатчинском районе являются: молочное, мясное (свиноводство, откорм крупного рогатого скота, птицеводство), производство яиц, картофелеводство, овощеводство. Руководители района и сельхозпредприятий, специалисты и рядовые труженики села сумели в трудные 1990-е годы сохранить хозяйство и остановить падение производства. Ныне, несмотря на сложную экономическую обстановку и неблагоприятные погодные условия отдельных лет, они успешно развивают отрасль. В 2001 году Гатчинский район среди 17 районов области занял: по производству картофеля 1-е место, молока – 2-е, яиц – 3-е, мяса (в живом весе) – 4-е, овощей – 5-е. Однако по объемам производства район уступает лучшим показателям, доступным в советское время, например, в 1990 году: по картофелю в 1,3 раза, молоку – 1,5 раза, яйцу – 1,1 раза, мясу – 6 раз, овощам – 1,2 раза.

За последние годы все сельхозпредприятия района улучшили свои показатели. Особенно впечатляющие достижения АОЗТ «Нива-1», имеющее три последних года подряд самые высокие среди российских сельхозпредприятий надои – по 8600 кг молока в год от одной фуражной коровы и АОЗТ «Искра» – здесь, на откорме крупного рогатого скота на мясо два года подряд добиваются наивысших в стране суточных привесов (до 1200 граммов). Заметных успехов достигли АОЗТ «Гатчинский», СПК «Красногвардейский», СПК «Пламя», агрокомплекс «Скворцы». И если государство будет всесторонне поддерживать приоритет отечественных товаропроизводителей перед иностранными, планомерно и в достаточном объеме оказывать помощь сельским труженикам в приобретении техники, горючего, удобрений, в решении социально-бытовых проблем, то в ближайшие годы аграрная отрасль экономики района достигнет уровня советского периода и превзойдет его.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. В Гатчинском районе зарегистрированы свыше 1800 промышленных предприятий, из них два десятка с числом работающих от 100 до 550 человек (самое крупное – старейший в районе завод «Дружная Горка», производящий стеклянные изделия). Кроме того, зарегистрировано большое число индивидуальных предпринимателей.

В связи с переходом города Коммунар, в котором находятся крупные предприятия бумажной промышленности, из районного в областное подчинение, район лишился значительных налоговых поступлений в свой бюджет. Потеря эта ощутимая, но благодаря усилиям администрации района, успешно сотрудничающей с деловыми кругами, положение понемногу поправляется. Этому способ-

ствуют созданные в районе Совет директоров промышленных предприятий и предпринимателей, Центр новых технологий, Муниципальный фонд поддержки малого предпринимательства, совместный с городом Гатчиной региональный бизнес-центр, Гатчинская торгово-промышленная палата и другие организации. Растет общий объем производства на средних и крупных предприятиях. В 2001 году по сравнению с предыдущим годом он вырос на 16,5 процентов. Наибольшее увеличение достигнуто на ФГУП «Вырицкий опытно-механический завод» и ОАО «Карьеры Доломитов» (д. Парицы). Растут и инвестиции: в 2001 году в экономику Гатчинского района вложено 167,3 млн. рублей (это почти в 2 раза больше, чем в предыдущем году), из них 54,7% средств направлено в сельское хозяйство, 21,9% – в промышленность, 13% – в жилищно-коммунальное хозяйство. В 2001 году введено в строй 24 объекта, в т. ч. цех по производству корпусной мебели в пос. Сиверский, производственная база деревообрабатывающего комплекса в д. Сокколово, физкультурно-оздоровительный комплекс в пос. Сиверский, две автозаправочные станции (в пос. Тайцы и на 70 км шоссе Санкт-Петербург – Псков) и другие.

ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. Сеть образовательных учреждений Гатчинского района включает в себя 2 гимназии (Войсковицкую и Сиверскую), 18 средних и 5 неполных средних школ, 2 школы-интерната, 2 детских дома, 31 дошкольное и 4 внешкольных учреждения. Кроме того, в районе имеются Сиверский техникум-интернат бухгалтеров и 2 профессиональных училища, готовящие квалифицированные кадры для сельского хозяйства, в том числе и такой необычайной профессии, как «хозяйка усадьбы».

Если обратиться к первым годам существования района, то в 1927 году здесь (исключая его центр г. Троцк) было 88 школ: одна школа-девятилетка, дававшая среднее образование, две школы-семилетки, по одной шести- и пятилетке, все остальные – начальные школы-четырёхлетки. Особенность сети начального образования того времени заключалась в том, что школы были национальными. Из 83 сельских школ, состоявших на бюджете района, 26 были русские, 50 финских, 2 эстонские, 5 смешанных русско-финских. В районном центре было 8 начальных школ (в т. ч. по одной польской и эстонской), 1 семилетка, 4 девятилетки.

Профессиональное обучение велось в школе фабрично-заводского ученичества в Дружной Горке, двух профтехшколах в Троцке и одной в селе Рождествено. В 1928 году среди жителей района от 8 лет и старше было 12 процентов неграмотных, к концу 1930-х годов неграмотность населения была ликвидирована.

В Гатчинском районе работают 77 учреждений культуры, в том числе 34 клубного типа, 35 библиотек, 4 государственных музея: «Дом станционного смотрителя» в Выре, «Домик няни» в Кобрино, музей-усадьба «Суйда», музей-усадьба «Рождествено» (в настоящее время восстанавливается после пожара). Примечательно, что все они создавались энтузиастами, как общественные и только позже получали статус государственных. Три из них связаны с именем А.С. Пушкина – его предками Ганнибалами и его родителями, с няней поэта А.Р. Яковлевой и литературными героями его повести «Станционный смотритель» Самсоном Выриным; среди основных экспозиций Рождественского музея будет экспозиция, посвященная последнему дореволюционному владельцу усадьбы писателю В.В. Набокову.

75 лет назад в списке культурных учреждений района состояли 5 изб-читален (три русских – в селе Рождествено, Воскресенское и деревне Куровицы и две финских в деревнях Скворцы Вытти ныне Сяськелевской волости) и 34 красных уголка. В районном центре имелись Дом крестьянина, кинематограф, коммунальный театр, 2 клуба, 3 кинопередвижки, Центральная районная библиотека.

Медицинскую помощь населению Гатчинского района в настоящее время оказывают Гатчинское городское и районное территориальное медицинское объединение, 2 территориальных медицинских объединения в Вырице и Сиверском, 2 больницы (Елизаветинская и Рождественская), Таицкая поликлиника,

13 амбулаторий, 24 фельдшерско-акушерских пункта, 2 станции скорой медицинской помощи.

75 лет назад медицинских учреждений в районе было меньше. Кроме Троицкой городской больницы с амбулаторией (13 врачей, 125 коек) имелись Сиверский и Елизаветинский врачебные участки с амбулаториями и общим числом коек 25, больница при ф-ке «Коммунар» (2 врача, 10 коек), Сиворицкий, Рождественский и Старосквицкий врачебные участки, Дружногорский врачебно-амбулаторный пункт, Вырицкая амбулатория; в Красногвардейске, Сиверской и Вырице имелись также врачебные участки Октябрьской ж. д.

ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ. В районе хорошо развита дорожная сеть. По его территории проходят 4 железных дороги: С.-Петербург – Псков – Калининград, С.-Петербург – Дно – Витебск, С.-Петербург – Гатчина (Балтийская ветка), Тосно – Ивангород и федеральная автомобильная дорога С.-Петербург – Псков. Большинство дорог в районе покрыты асфальтом.

Значительная часть населенных пунктов Гатчинского района связаны автоматической телефонной связью, обеспечивающейся филиалом «Южный» ОАО «Лепсвязь». Его сеть состоит из одной электрокоординатной и двух электропнмомеханических АТС, координатного узла и более 30 АТС меньшей емкости в крупных населенных пунктах.

Кроме проводной АТС, жители района имеют возможность пользоваться мобильной радиотелефонной связью, предоставляемой компаниями «Обком» и «Петросвязь». Почтовые услуги населению оказывают 38 сельских поселковых отделений Гатчинского районного узла федеральной почтовой связи.

ИСТОРИЯ. В водоворот исторических событий паш край, известный в средневековой Европе как Ингерманландия («страна ижгов», по-русски «ижерия»), вошел сравнительно поздно. Глухой, бедный («...Только голод там да холод» – говорится об Ингриавлфинских сказаниях «Калевала») он, к тому же, был еще и труднопроходимым из-за дремучих лесов и многочисленных болот. В древние времена край был заселен водью, ижорой и другими финно-угорскими племенами. В IX–X веках сюда проникли ильменские словене – самое северное славянское племя и со временем весь припечско-лужский край вошел в состав Водской пятины Господина Великого Новгорода. Первые сохранившиеся о гатчинском крае сведения в русских письменных источниках датируются 1499 годом. В переписных оборочных книгах Водской пятины перечислены многие селения, существующие в Гатчинском районе и ныне: Орглипо, Курховицы, Грезпо (Грязна), Суйда, Дягилино (Тяглино), Парицы, Хотчино (Гатчина), Пудость и другие.

В XVII веке территория нынешнего Гатчинского района, за исключением небольшой его южной части, входила в состав Ингерманландского лена Королевства Швеции. В это время сюда из районов Южной Финляндии шведскими властями были переселены сотни семей финских крестьян, которые частично ассимилировав ижору, со временем составили значительную часть местного населения.

В ходе Северной войны территория, некогда уступленная Швеции, возвращается в состав России. С основанием в 1703 году северной столицы, она заселяется русскими переселенцами и раздается приближенным царя. Часть земель нынешнего Гатчинского района отдается во владение супруги Петра I, будущей императрицы Екатерине I, сыну царя – Алексею Петровичу, сестре царя – Наталье Алексеевне. В 1765 году владельцем Гатчинской мызы и приписанных к ней деревень с крепостными крестьянами-финнами становится граф Г.Г. Орлов. Он выстроил здесь великолепный дворец, который после его смерти, вместе с именем переходит в собственность наследника российского престола Павла Петровича. Цесаревич благоустроил Гатчину, а в 1796 году, когда стал императором, возвел ее в ранг города.

Но раньше Гатчины в статусе города в течение почти двух десятков лет побывало пынее село Рождествено. 1 (11 по нов. ст.) января 1780 года указом императрицы Екатерины II была учреждена Санкт-Петербургская губерния

из 7 уездов. Одним из них был назван Рождественский уезд, вследствие чего «дворцового ведомства село Рождественское» было переименовано в город. Новому городу был дан герб, составлен план застройки, утвержденный императрицей 12 мая 1784 года. В соответствии с ним были выстроены 6 каменных каменных и столько же деревянных домов для городских служб. Часть жителей Рождественно была переведена в мещанское, а несколько состоятельных крестьян – в купеческое состояние. В городе были заведены 10 лавок, две фабрики пуховых «и прочих» шляп; рождественские купцы и плотогоны сплавливали лес по Ордежу, Луге и системе каналов и речек в Нарвский порт. Жители города, как докладывал последний городничий Рождественно коллежский ассессор (гражданский чин, равный воинскому капитана) Николай Герасимович Сеславин, «входят в разные подряды, строением промышляют, плотничьим и пилением лесов работают от коей не только здешние уездные жители пользуются, но по смежности и лугский уезд».

Но город развивался плохо. В 1798 году в нем числилось 19 «капиталистов» (все купцы 3-й гильдии) с общим капиталом 38 950 рублей. «Не имевший ни достаточной населенности, ниже удобства к помещению правительственных мест и лиц, должествовавших управлять приписанным к сему городу уездом», Рождественно разделил участь тридцати одного села из 165, возведенных Екатериной II в разряд уездных городов. В ноябре 1789 года он окончательно был возвращен в прежнее сельское состояние. Упразднен был и Рождественский уезд.

А Гатчина на протяжении более, чем столетия развивалась как дворцовый город с летней резиденцией императоров.

В 1922 году Гатчина, переименованная в Троцк, стала административным центром нового, Троцкого уезда. В него вошли 20 волостей, 110 сельсоветов, 987 сельских населенных пунктов, упраздненных Детскоесельского и Петергофского уездов и три заштатных города: Детское село, Колпино и Петергоф. Через пять лет в стране была проведена еще одна реформа: волости, уезды и губернии были ликвидированы, вместо них образованы районы, округа и области (края). 1 августа 1927 года был образован Троцкий (ныне Гатчинский) район в составе 23 сельсоветов. В 1930 году были упразднены округа (в т. ч. и Ленинградский округ, в который входил наш район) и трехзвенная система управления «область-район-сельсовет», оказавшаяся наиболее оптимальной, просуществовала до начала 1990-х годов.

Районирование позволило оперативнее решать главную задачу на селе: коллективизацию, т. е. объединение мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные кооперативные хозяйства – колхозы. В Красногвардейском районе (в августе 1929 года г. Троцк был переименован в Красногвардейск) этот процесс шел медленнее, чем в среднем по области: на 1.01.1931 г. было коллективизировано всего 4,8 процента крестьянских хозяйств, на 1.10.1934 г. – 54,5 процентов, к 1.10.1936 года – 91 процент от общего числа бедняцко-середняцкого хозяйства, равного 12,8 тысячам. газета «Красногвардейская правда» преподнесла это как крупный успех социалистического строительства, напечатав на развороте броский заголовок: «Взорван идиотизм деревенской жизни. Победил колхозный строй!»

В 1941 году в Красногвардейском районе насчитывалось 171 колхоз (в среднем на 1 колхоз приходилось 70 дворов и 180 га пахотной земли), 3 машино-тракторные станции (МТС) – в Красногвардейске, Елизаветино, Сиверском.

В октябре 1938 года город Красногвардейск был выделен в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с непосредственным подчинением Леноблсовету. В следующем году в районе были ликвидированы или переведены в обычные 11 национальных сельсоветов, образованных в начале 1930-х годов: 9 финских и 2 эстонских. В целом, к началу Великой Отечественной войны в состав Красногвардейского района входили 23 сельсовета и 2 поссовета рабочих поселков Дружная Горка и Сиверский.

Война тяжелым катком прокатилась по гатчинской земле. 19 августа 1941 года немецко-фашистские захватчики вступили на территорию района. В этот же день у поселка Войсковицы танкисты роты старшего лейтенанта З.Г. Колобанова из I танковой дивизии совершили героический подвиг: в жестком бою уничтожили 43 фашистских танка, из которых 22 были на счету экипажа командира роты. Бойцы и командиры Красной Армии и Ленинградские ополченцы стойко обороняли гатчинскую землю, но силы были неравны. 13 сентября враг захватил Красногвардейск и вместе с ним оккупировал весь район. Начались черные дни фашистской неволи. Жители района не смирились с вторжением врага, многие вступили в партизанские отряды и подпольные группы или же помогали им.

Освобождение пришло в январе 1944 года. В ходе наступления Красной Армии в период с 22 января по 3 февраля Гатчинский район был освобожден от захватчиков. 26 января была освобождена Гатчина (за три дня до этого было возвращено историческое название). Москва салютовала освободителям Гатчины, 19 воинских частей и соединений были удостоены почетного наименования «Гатчинских». В город и район прибыли назначенные Леноблисполкомом новые руководители. Началось восстановление сельсоветов, колхозов, деревень, поселков, разминирование полей, восстановление коммуникаций. Когда депутаты райсовета, избранные еще до войны, собрались на сессию, то выяснилось, что 7 их товарищей погибли в боях, 15 воюют с врагом в рядах Красной Армии, 7 работают в тылу, 14 не смогли прибыть по уважительным причинам (ранения, болезнь, работа).

Было неимоверно тяжело, но осенью 1944 года гатчинские колхозники сдали государству первый, еще военный урожай: 872 тонны картофеля, и 1439 тонн овощей, да еще десятки тонн с приусадебных участков в фонд Победы, например, колхозники колхоза им. Горького Вохоновского сельсовета сдали 2137 тонн картофеля, к-за «Память Ильича» – 500 литров молока и 180 пудов овощей и т. д. Главной рабочей силой не селе были женщины, старики да дети. Летом 1944 года 222 школьника работали пастухами, 1173 – на колхозных работах, 174 – в совхозах, 324 – на ремонте школ, 665 – на пришкольных участках.

Отгремела война. Постепенно заживались нанесенные ею раны. Уже к середине 1946 года были восстановлены или построены заново 560 домов (в годы войны в районе уничтожено 49 деревень, сожжено 1763 жилых домов, 3100 хозяйственных построек, люди жили в землянках и сараях). С «нуля» восстанавливались колхозы.

В 1948 году по производству молока и мяса Гатчинский район превзошел показатели 1940 года, а к 1950 году в основном восстановил все, что было порушено войной. К началу 1950 года в районе насчитывались 21 сельсовет, 17 совхозов и 81 колхоз, а после укрупнения в том же году – 23 колхоза. Впоследствии число колхозов сокращалось, а число совхозов росло, и они заняли ведущее место в экономике сельского хозяйства района, например, в 1958 году 20 совхозов от всего запланированного району сдали государству 91% мяса, 72% овощей, 96% яиц, оставшиеся проценты – доля 19 колхозов.

В 1962 году в стране была проведена перестройка партийных, а вслед за нею и советских органов по отраслевому принципу и изменена структура управления сельским хозяйством и промышленностью. К Гатчинскому району был присоединен упраздненный Ломоносовский, и новое административно-территориальное образование, куда вошли 27 сельских и 8 поселковых Советов, стало называться Гатчинским сельским районом. Ему было подчинено Гатчинское территориальное производственное совхозно-колхозное управление в составе 26 совхозов, 9 колхозов и 5 птицефабрик. Промышленные предприятия, расположенные в сельской местности, были подчинены Гатчинскому городскому Совету депутатов трудящихся. Так продолжалось два с половиной года.

После сентябрьского (1964 года) Пленума ЦК КПСС, освободившего Н.С. Хрущева от обязанностей I секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, его реформы были признаны ошибочными и восстановлено

прежнее административно-территориальное деление. Указом ПВС РСФСР от 12 января 1965 года был вновь образован Ломоносовский район, к нему отошли 13 сельских и 2 поселковых Совета. В Гатчинском районе остались 14 сельсоветов и 6 поссоветов, уменьшилось число совхозов и колхозов, их осталось соответственно 12 и 5.

30 декабря 1976 года вышло постановление ПВС РСФСР «О преобразовании части колхозов РСФСР в совхозы». В отличие от оставленных районов России, в Ленинградской области преобразование основной массы колхозов в совхозы было проведено еще в первой половине 1960-х годов: весной 1959 года в области их насчитывалось 382, к началу 1961-го – 126, в 1965-м – 21, а в 1976 году всего 9, из них 5 в Гатчинском районе. 31 декабря 1976 года Исполком Леноблсовета принял решение «О преобразовании колхозов области в совхозы», (кроме рыболовецких), а состоявшиеся в январе 1977 года собрания колхозников приняли решения о преобразовании своих коллективных хозяйств в государственные, советские хозяйства. Так завершилась сорокалетняя история гатчинских колхозов, вместе с ними «исчезли» (по формальным признакам) гатчинские крестьяне, обретшие новый социальный статус сельскохозяйственных рабочих.

В 1977 году в соответствии с новой Конституцией СССР, название «Советы депутатов трудящихся», существовавшее с 1936 года, было заменено на новое – «Советы народных депутатов». Конституция СССР 1977 года охарактеризовала советское государство, как общественное, в котором построено развитое социалистическое общество. Через восемь с половиной лет XXVII съезд КПСС назовет это время «эпохой застоя» и одобрит программу Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по перестройке страны, предложенную им на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС.

21 июня 1987 года в Гатчинском районе состоялись выборы в местные Советы народных депутатов 20-го созыва. Было избрано 150 депутатов в районный Совет и 1170 в поселковые и сельские Советы. На I сессии райсовета 4 июля 1988 года председателем исполкома райсовета был избран А.А. Ледовских, а одним из 13 членов исполкома – нынешний Глава администрации Гатчинского района А.П. Худилайнен. Это были последние выборы по старому советскому образцу.

Следующие выборы в местные Советы народных депутатов 21-го созыва были назначены на 4 марта 1990 года. Они проводились согласно новому закону о выборах на альтернативной основе и с иным числом народных депутатов: в районный Совет предстояло избрать 75 депутатов, а 6 в поселковых и 16 сельских Советов – 765 депутатов. На 75 мест в районный Совет баллотировались 154 кандидата. Из-за того, что в некоторых округах ни один из кандидатов не смог набрать необходимого числа голосов, выборы в районный Совет проводились в три тура. На I-й сессии районного Совета председателем райсовета был избран директор совхоза «Орлинский» М.С. Роговой, а председателем исполкома райсовета – А.А. Ледовских.

Между тем в стране шла перестройка органов государственного управления, разрабатывалась новая система, в низовом звене которой предполагалось ввести самоуправление. 21 ноября 1991 года распоряжением Главы администрации Ленинградской области А.С. Беякова А.А. Ледовских был назначен на вновь образованную должность Главы администрации Гатчинского района. В соответствии с новым законодательством новый руководитель района упразднил исполкомы райсовета, поссоветов и сельсоветов. Вместо них были образованы администрации района, поселков и сельсоветов. Состоявшаяся 19 декабря 1991 года 7-я сессия Райсовета избрала своим представителем В.А. Селезневу, а для ведения текущей работы образовала Малый Совет в количестве 10 человек. В связи с тем, что А.А. Ледовских был назначен Главой администрации района и согласно закону не мог быть депутатом данного Совета, сессия сняла с него депутатские полномочия.

Советы народных депутатов – районный, поселковый, сельские продолжали работать до их роспуска 26 октября 1993 года на основании Указа Президента РФ

от 9 октября 1993 года. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в России».

18 января следующего года Глава администрации Ленинградской области А.В. Беляков (с 26 января он будет называться губернатором) издал ряд постановлений об органах самоуправления. В соответствии с ними название низовой административно-территориальной единицы «сельсовет» было заменено на «волость», в сельских населенных пунктах введена должность избираемого жителями или назначаемого Главой администрации района «представителя исполнительной власти» – старосты. К 1 апреля формирование старост завершилось – было избрано 130 человек и назначено 39 старост.

Окончательно структура муниципальных органов в Гатчинском районе сформировалась в 1996 году, после принятия Устава района. В том году произошли два важных события. 25 августа впервые в истории района состоялся референдум жителей, на который были вынесены два вопроса:

1. Согласны ли Вы с тем, чтобы волость, поселок, г. Коммунар объединились с другими поселками и волостями Гатчинского района в единое муниципальное образование «Гатчинский район»?

2. Принимаете ли Вы Устав Муниципального образования «Гатчинский район»?

За принятие устава и объединение высказалось свыше 90 процентов участвовавших в референдуме жителей всех 16 волостей и 5 поселков, за исключением жителей города Коммунар, большинство которых проголосовали против объединения и устава, и изъявили желание создать свое отдельное муниципальное образование. Так город Коммунар (статус города он получил 28 июня 1993 года) вышел из состава района.

В декабре того же года состоялись выборы Главы администрации района и 35 депутатов районного Совета. Главой был избран А.А. Ледовских.

В новое столетие Гатчинский район, преодолев все невзгоды 1990-х годов, вступил экономически окрепшим, со сложившейся достаточно эффективной системой самоуправления, с устойчивыми связями администрации с расположенными на территории района предприятиями, организациями и учреждениями всех форм собственности, и имея во главе района и волостей органы местного самоуправления, пользующиеся доверием и поддержкой населения.

Жители Гатчинского района гордятся своей малой родиной и вошедшими в его историю именами. Их список внушителен, назовем некоторых: сподвижник Петра I П.М. Апраксин, освободивший Ижорскую землю от шведов, прадед А.С. Пушкина А.П. Ганнибал, няня поэта А.Р. Яковлева, поэты и писатели К.Ф. Рылеев, А.Н. Майков, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.В. Набоков, художники И.Н. Крамской, И.И. Шишкин, Н.Я. Ярошенко, финский композитор Моозес Путро, архитекторы И.Е. Старов (он был еще и депутатом Рождественской дворянской опеки), А.Д. Захаров, А.И. Штакенштейндер, фельдмаршал П.Х. Витгенштейн, мореплаватель Ю.Ф. Лисянский, изобретатель ранцевого парашюта Г.Е. Котельников, заводчики И.Е. и Е.И. Ритинги, старец Серафим Вырицкий (В.Н. Муравьев) – вот лишь небольшая часть списка, относящаяся в основном к дореволюционному времени. А сколько замечательных имен дала советская эпоха! Это – стекловуд, Герой Труда М.П. Уткин, старый революционер, секретарь райкома в 1931–1937 гг. И.В. Васильев, первая в районе женщина-трактористка Александра Пакулина, юные партизаны-герои Коля Подрядчиков, Саша Никифоров и Саша Бородулин, организаторы сельскохозяйственного производства Герой Социалистического Труда А.М. Городинский и Почетный гражданин района А.Ф. Фелоров, Герои Социалистического Труда М.Г. Михайлов, В.Д. Дмитриев, М.И. Семенов, Н.И. Брашкина, И.Н. Павлов, А.Е. Федорова, С.И. Половинкина, Т.И. Жулипа, А.П. Пальмина, Г.В. Лопухина, селекционеры-ученые А.В. Наволоцкий, Е.А. Осипова, заслуженные работники сельского хозяйства России Т.В. Вячеславова, М.А. Мелякин, Ю.П. Кокошников, Заслуженный зоотехник России Г.И. Стоумова, известный в Аэрофлоте пилот Н.И. Шаронов, Заслуженный учитель школ России И.М. Соловьев, Почетные

граждане Гатчинского района А.П. Лобикова, Л.И. Петрова, Д.А. Иванов, Н.П. Пучков, В.И. Злыгостев, П.П. Клочков, один из первых организаторов физкультурного и спортивного движения в районе И.И. Пумолайнен, писатель и ученый И.А. Ефремов, Народный артист России, композитор И.И. Шварц, космонавт Г.С. Титов, руководящие работники района С.М. Беляев, М.А. Гусев, А.Н. Шибалов, В.С. Толстиков, И.А. Механиков, А.А. Ледовских, А.А. Селезнев, Н.М. Мишина и еще многие замечательные труженики гатчинской земли (пусть извинят за то, что не названы другие, не менее достойные имена).

Богата событиями непростая история Гатчинского района. За 75 лет было только поступательное движение вперед, но и остановки и даже откаты назад (война и немецко-фашистская оккупация 1941–1944 годов, непродуманные реформы начала 1960-х, глубокий кризис 1990-х). Но благодаря воле, желанию, трудовой энергии его жителей, жизнь снова возвращалась в привычное русло и избранное направление.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЙЧЕНКО Оксана Сергеевна.

Родилась 6 августа 1976 года в г. Подсдам (ГДР) в семье военнослужащего. В настоящее время – военнослужащая Российской Армии и студентка (заочного отделения) Ленинградского Областного Института Экономики и Финансов. Опубликованные стихотворения являются литературным дебютом.

БАУТИНА Татьяна Васильевна.

Родилась на Урале. Окончила Челябинский Институт культуры, работала режиссером в Городском парке. Последние годы, до переезда в Санкт-Петербург, была художественным руководителем Центра творчества юных. С 1996 года живет в Сиверской. Печатается впервые.

БУРЛАКОВ Андрей Вячеславович.

Краевед, директор музея-усадьбы «Суйда» и музея истории Сиверской. Член правления Пушкинского общества России, исследователь пушкинских мест окрестностей Гатчины. Автор книг «Гатчинская тропинка к Пушкину», «России первая любовь». Живет в Суйде.

БРАЖНИКОВА Оксана.

Молодой композитор. Лауреат конкурса «Весна романса – 2002», Санкт-Петербург. Живет в Дивенской.

ГАЖЁВ Борис Наумович.

Академик Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Сиверского медицинского центра «Находка». Житель блокадного Ленинграда. Автор более 150 научных печатных работ, в том числе 10 книг по различным медицинским проблемам. Печатался в сборниках поэтов «Сиверского братства»: «Над Гладью Оредежских вод» (1995, 1996 гг.) и «Там, где Оредеж река...» (1999 г.), альманахе «Ленинградская мыза». Автор гимна поэтов «Сиверского братства». Член «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга».

ГАНЦЕВ Рашид.

Родился в п. Вырица. Журналист т/с «Викинг и Арис».

ГОНЧАРОВ Николай.

Журналист.

ГРИГОРЬЕВА Екатерина.

Родилась в г. Барнауле Алтайского края в 1981 году. В 1998 году закончила Войсковицкую среднюю школу № 1. Стихи пишет с тех пор как себя помнит. Публиковалась в журнале «Встреча» № 5–6 за 1998 год. В настоящее время является студенткой ЛОИЭФ г. Гатчины. Живет в д. Шпаньково Гатчинского района.

ГУЗИК Лилия.

Стихи публиковались в сборниках поэтов «Сиверского братства», в альманахе «Ленинградская мыза» Член «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга». Методист СККУ «Юбилейный».

ДЕДОВ Сергей Владимирович.

Родился в 1958 г. Автобиография типична: школа, армия, институт. Стихи пишет по вдохновению. Подготовил к изданию стихотворную «Евангелическую поэму», иллюстрированную его земляком С.А. Евдокимовым.

ЕМЕЛЬЯНОВ Николай Павлович.

Фотограф п. Сиверский.

ЖУРАВЛЕВА Дина.

Родилась в 1986 г. Учащаяся Сиверской гимназии. Печатается впервые.

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Николаевна.

Образование высшее. Стихи пишет с середины 1970-х годов. Работала и печаталась в г. Архангельске – в районных газетах и «Правде Севера».

ЗАЛИВАКО Елена Анатольевна.

Живет в Гатчине. Работает в музыкальной школе. Печаталась в сборниках поэтов «Сиверского братства». Пишет музыку.

ЗАЩУК Георгий.

Военный-инженер.

ЗЛАТКИН Александр Ефимович.

Родился в 1954 г. Закончил художественно-графический факультет ЛГПИ им. Герцена. Член Союза художников России, Лауреат I премии выставки ленинградских художников в музее этнографии 1996 г., участник выставок в США, Франции, Германии, Финляндии и др. странах. Персональные выставки: Санкт-Петербург 2002 г., Штутгарт 1998 г., Бопп 1999 г., Шведциппен 2000 г. Работает с 1981 г. в Сиверской школе искусств.

ЗЛАТКИНА Надежда Александровна.

Родилась в 1955 г. Закончила художественно-графический факультет ЛГПИ им. Герцена. Участница многих выставок в России, а также Германии, Польше, Финляндии. Преподает в Сиверской ДШИ.

ИВАНОВ Александр Михайлович.

Закончил Лесотехническую академию. Печатался в сборниках поэтов «Сиверского братства», сборнике «Лес – судьба моя».

ИВАНОВ Владимир.

Инженер-электрик, Заслуженный электрик России. Живет в г. Гатчина.

КОЛОБОВНИКОВА Светлана.

Юрист. Председатель фонда «Малая Родина».

КОНОВАЛОВ Василий.

Адвокат. Поэт «Сиверского братства».

КОШМЕЛЮК Алла Николаевна.

Родилась под созвездием Близнецов. Родина – г. Вельск. Закончила Иркутское училище культуры и Московский народный университет искусств. С мужем – военнослужащим много ездила по родной стране, побывала и за ее пределами – в Монголии и Афганистане. Стихи печатала в армейских газетах, «Советской России», сборниках поэтов «Сиверского братства», «Братина», «Ленинградская мыза». Член «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга».

КРЯЖЕВ Александр Николаевич.

Родился в 1936 г. на Вологодчине. Закончил Горно-нефтяной техникум и Лесотехническую академию. Увлекается резьбой по дереву и гравирован-

нием. Издал четыре сборника стихов: «Будьте счастливы», «Свет вечерней зари», «Сиверские зори», «В сиреневом краю».

КУЗНЕЦОВ Алексей Никандрович.

Работает в Сиверском лесхозе. Стихи пишет с начала 1980-х годов. Печатался в сборнике «Лес, судьба моя».

КУЗНЕЦОВ Василий Егорович.

Родился 11 января 1921 года в Чувашской АССР. Работал сельским учителем. В годы Великой Отечественной войны ушел на фронт. Командовал взводом. Был несколько раз ранен. После войны окончил академию, стал военным юристом. В 1964 году вышел в отставку. Периодически работал в различных организациях Ленинграда, в том числе помощником прокурора города, позже – в органах таможенной службы Москвы и в системе госохраны Большого театра СССР. Стихи начал писать с 1958 года, печатался в газетах «Гвардейское знамя», «Советский патриот» и «Прогресс» (ЦУП).

ЛЕЙКИН Михаил.

Преподаватель колледжа обл. просвет. культуры. Поэт, композитор.

ЛИ Зоя Андреевна.

Член «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга». Преподаватель. Стихи публиковались в сборниках поэтов «Сиверского братства», альманахе «Ленинградская мыза».

ЛОГИНОВ Владимир.

Руководитель ансамбля «СД» СКК «Юбилейный».

ЛУГОВИНА Ольга.

МЯСНИКОВ Аркадий Геннадьевич.

Родился 17 июля 1934 г. в Ленинграде (на даче в Сиверской), закончил ЛИТМО в 1958 г., работал начальником сектора радиотехнического института, участник семинара «Студия биографика» при Пушкинском доме (ИРЛИ РАН) по теме: «Биографии русских писателей второй половины XIX века», печатался в сборнике «Сиверская летопись» и газете «Санкт-Петербургские ведомости» в разделе «Наследие». Живет в Санкт-Петербурге, дачник Сиверской.

НИКИФОРОВ Константин Михайлович.

Родился в 1929 году на Смоленщине. Стихи пишет давно и плодотворно. Печатался с конца 1950-х годов в газетах. С первых дней создания ЛИТО поэтов «Сиверское братство» печатался во всех его сборниках. Много и активно выступает со стихами и песнями в содружестве с местными композиторами.

НИКОЛАЕВ Владимир.

Журналист.

НОСОВА-РАССАДИНА Нина.

ОПОЛЧЕННЫЙ Сергей Мартович.

Родился в 1945 году. Работает водителем. Стихи пишет с 1980-х годов. Печатается впервые.

ПАРАМОНОВА Ирина.

Учащаяся 10-го класса Сиверской гимназии. Печаталась в двух сборниках поэтов «Сиверского братства».

ПРОХОР Людмила Николаевна.

Родилась в семье военнослужащего. Стихи пишет с юности. Печаталась в сборниках поэтов «Сиверского братства».

РАХИМОВ Руслан.

Живет в поселке Вырица. Работает па кабельном телевидении в Санкт-Петербурге.

РЖАВСКИЙ Ярослав.

Поэт с. Меньково, Гатчинский р-н.

РОЗЕНБЛАТ Анатолий Михайлович.

Пенсионер. Живет в Вырице.

РЯБОВ Дмитрий.

Краевед. Живет в п. Грязно.

САВИЦКИЙ Илья.

Фотограф. Живет в Сиверской.

САВЧЕНКО Николай.

Начальник 6 армии ВВС и ПВО. Живет в Сиверской.

САЗОНОВ Михаил.

Закончил Ленинградское художественное училище им. Серова. Участник выставок художников Гатчинского района – Гатчины. Работает художником-оформителем.

СЁМОЧКИН Александр Александрович.

Архитектор, литератор и краевед, директор музея-усадьбы «Рождествено», член правления Набоковского фонда. Автор многочисленных публикаций в местных и российских изданиях. Живет в Выре.

СИДОРОВСКИЙ Лев.

Журналист.

СКОРНЯКОВА Зинаида.

Корреспондент газеты «Гатчинская правда».

СМЕРТИН Николай Григорьевич.

Работает директором Гатчинского лесхоза. Печатался во всех сборниках поэтов «Сиверского братства».

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна.

Краевед Гатчинского района. После окончания Ленинградского института культуры им. Н.К. Крупской работала в Гатчинской районной библиотеке. С начала 1970-х годов принимала активное участие в разработке маршрутов «Пушкинские места Гатчинского района». Печаталась в районной газете «Гатчинская правда». Библиотекарь Сиверской поселковой библиотеки.

СОЙТУ Людмила Михайловна.

Закончила Педагогический Университет имени А.И. Герцена. Стихи пишет с 16 лет. Работает психологом в средней школе. Издавалась во всех сборниках «Сиверского братства», в 1996 г. выпустила свой сборник «Шка-тулка». Плодотворно сотрудничает с местными композиторами. На стихотворение «Цветы запоздалые» петербургский композитор Стратуда написал романс.

СОНИНА Лилия Васильевна.

Директор историко-краеведческого музея Сиверской средней школы № 3. Статьи по краеведению публиковались на страницах местной и центральной печати. Недавно вышла книга «Сиверская в судьбах русских литераторов», рекомендованная Гатчинским районным управлением образования как учебное пособие.

СПИРИДОНОВА Светлана Ивановна.

Заведующая сиверской библиотекой.

ТЕРЕНТЬЕВА Надежда Петровна.

Родилась в г. Вологде в 1937 году. Закончила филологический факультет ЛГУ. Работает учителем в Сиверской средней школе № 2. Пишет в прозе. Работы опубликованы в газетах «Красный Север» (г. Вологда) и «Гатчинская правда», в журнале «Нева» (№ 10, 1997 г.), коллективных сборниках «Там, где Оредеж-река...» (г. Санкт-Петербург, 1999 г.), и «Братина» (г. Санкт-Петербург, 1999 г.).

ТЕРЕНТЬЕВ Николай.

Преподаватель по классу гитары Гатчинской музыкальной школы им. Ипполитова-Иванова, руководитель студии «Ника».

ТОЛЧИНА Вера Николаевна.

Родилась и училась в Ленинграде. Образование высшее техническое. Стихи печатались в сборниках поэтов «Сиверского братства», журнале «Аврора», местной прессе.

ХОХЛОВА Галина Гертудовна.

Внештатный сотрудник районной газеты «Гатчинская правда». Неоднократно публиковала свои стихи в районных изданиях.

ФАЛОВСКИЙ Александр Васильевич.

Родился в Смоленщине в 1936 году. Закончил агрофак плодоовощного института в г. Мичуринске и биофак Псковского пединститута. После защиты кандидатской диссертации – сотрудник Северо-западного НИИ сельского хозяйства. Пенсионер. Проживает в Белогорке. Первые стихи опубликованы в «Мичуринской правде». Печатался в сборниках «Наша эстрада» (Тамбов), «Горизонты» (Калининград), «О чем поет народ Отчизны» (Москва), «Молодой Ленинград» (Ленинград), «Над гладью оредежских вод», «Там, где Оредеж-река», «А.С. Пушкину потомки посвящают». Составитель и один из авторов книг «Самоволка» и «Братина». Издал три книги стихов: «Половодье» (СПб., «Лига»), «Слиток» и «Белогорье», альманах «Ленинградская мыза». Соучредитель «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга».

ШЕСТАКОВА Татьяна Владимировна.

Родилась и работает в п. Дивенской. Стихи пишет с юных лет. Печаталась в газетах «Дамский угодник», «Женское счастье», в сборниках «Сиверского братства», в 2001 г. выпустила индивидуальный сборник «Рябины багровые кисти».

ШТОРМОВОЙ Валерий.

Родился 17 мая 1952 года в Белоруссии. С 1971 года живет в Сиверской. Стихи начал писать в юношеском возрасте. Автор многочисленных публикаций в местных газетах. Неизменный участник всех совместных сборников литобъединения поэтов «Сиверское братство», а также альманахов «Творение», «Самоволка», «Братина» и «А.С. Пушкину потомки посвящают». Автор сборника стихов «Под ветром "сиверко"». Член ЛИТО поэтов «Сиверское братство» и «Союза писателей Ленинградской области и Санкт-

Петербурга». Последние произведения опубликованы в альманахе «Ленинградская мыза».

ЩАПОВА Елена.

Родилась в 1944 г. в Ленинграде. Окончила ЛВХПУ им. Мухомой. Работает художником на стекольном заводе в г. Чудово, в «Русских самоцветах» и Ленинградском фарфоровом заводе. Дипломант ювелирной выставки «Мир камня», Всесоюзной выставки стекла (1969 г.). С 1968 г. пробует себя в поэзии и литературе. Живет в Вырице.

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах.

Выпуск 1.

Ответственный за выпуск
начальник отдела культуры администрации МО «Гатчинский район»
Румянцева Л.И.

Составители:
Вальковская В.А., Мишина Н.М., Спиридонова С.И.

Редактор
Спиридонов Ю.И.

Корректор
Кузнецова Г.М.

Подписано в печать 5.12.2002 г.
Формат 70х108/16 Печ.л. 14 Тираж 1 000 экз. Заказ № 368
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИПТ
Адрес: С.-Пб., В.О. 5-ая линия, д. 28
тел. 323 - 48 - 14

**ОТЗЫВЫ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ВТОРОГО ВЫПУСКА АЛЬМАНАХА
НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:**

*Ленинградская область, г. Гатчина,
ул. Соборная, д. 4,*

*Комитет по культуре
Румянцевой Людмиле Ивановне.*

Телефон: (271) 205-58.

Валерий ШТОРМОВОЙ

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

Иногда мне кажется, что люди,
Жившие когда-то на Земле,
Завершив по жизни путь свой трудный,
Превратились в звезды и во мгле

Светят, как бы нам напоминая,
Что придет для каждого из нас
Неизбежно чаша роковая,
И, наверно, чей-то близок час.

Он покинет Землю, а над миром
Вспыхнет в небе новая звезда
И над свежесобранной могилой
Будет лить свой тихий свет она.

Светят звезды блеском разной силы:
Эта – ярче, та – чуть-чуть бледней.
Видно, так они и раньше жили
Прежней жизнью в образе людей.

Кто-то для людей души просторной,
Сердца да и жизни не жалел,
А другой под собственную кровлей
Никого ничем не обогрел.

Я гляжу на россыпи почные,
И такая мысль мелькнет порой:
Что и мне придется в небе синем
Засиять безмолвною звездой.

И, сверкая из глубин Вселенной,
Буду слать я жар своей души
Вам, живущим на Земле нетленной,
Вечным светом маленькой звезды.

Четырнадцать лет с фотоаппаратом в руках не прошли даром: объектив Савицкого находит синий цвет уже не только в небе или в реке, но способен поймать на белом снегу редкие голубые тени, отбрасываемые многовековыми соснами. Голубые тени, кусочек солнца в холодной воде Оредежа, покосившееся дерево, напоминающее мачту корабля, брызги водопада, готовые низвергнуться на зрителей, – в каждой фотографии есть своя изюминка, делающая удивительным все произведение.

Его интерес к родному краю не случаен. Это больше, чем любовь, – скорее генетическая связь: особенная близость и способность хорошо чувствовать красоту именно этих мест. Говорят, Илья Савицкий – один из последних уроженцев Сиверской земли: через неделю после его рождения роддом переехал в Гатчину. Земляки, посещающие его выставки, удивляются: где он находит всю эту красоту? Ничего удивительного – ему ли, последнему сыну Сиверской, не знать всех ее секретов!

Он не любит давать названия своим фотографиям: на его взгляд, есть кадры, которые невозможно объяснить логически, когда понимаешь, что что-то привлекло, а что – до конца жизни не разобраться. Он всегда считал, что его дело – снять, а кто как назовет...

Он вообще не думал о карьере фотографа всерьез. Хотя углубленные занятия в институте киноинженеров, и даже аспирантура не мешали фотографировать. В итоге все получилось внезапно: первые выставки, первые успехи и первые заказы. Он, впрочем, относится ко всему с олимпийским спокойствием, чувствуя гордость не за себя, а, скорее, за то, что может показать тысячам людей красоты земли Сиверской, отраженные в его фотографиях.

Из отзывов о выставке Ильи Савицкого:

«Прекрасная выставка фотографий, полная воздуха, поэзии и мастерства. Необходимо, чтобы с работами Савицкого познакомилось как можно больше людей, – быть может, это сделает их счастливее и добрее, поможет забыть о повседневной суете».

